

Альфа и омега разведки

Совершенно секретно
Копирование воспрещается

Экз. № 5206
Получено 22.6.01.45
Отправлено 22.6.02.25
02.25

Секретарь приказа Наркома Обор. ин.
Пленного исполнения:
Секретарь приказа Наркома Обор. ин.

Возможно внезапное нападение
ПРАВОВО, ЗАКОНОВО, ВО, СДВО.
и начаться с провокационных

поддаваться и какие провока
лучше вызвать и какие осложнения
скам ЛВС, ПРАВОВО, ВО и СДВО
готовности встретить внезапные
х союзников.

а 22.6.41 г. скучно занять огне
х районов на государственной
границе.
22.6.41 рассредоточить по полевым
позициям, в том числе и войсковую,
скировать

ти в боевую готовность без до
д"ема приписного состава.
мероприятия по затоплению городов

мероприятий без особых распоряжен
ий.

Секретарь приказа Наркома Обор. ин.
Секретарь приказа Наркома Обор. ин.

АНДРЕЙ ВЕДЯЕВ

НЕЗРИМЫЙ
ФРОНТ

САГА
О РАЗВЕДЧИКАХ

Альфа и омега разведки

Андрей Ведяев

**Незримый фронт.
Сага о разведчиках**

«ВЕЧЕ»

2020

Ведяев А. Ю.

Незримый фронт. Сага о разведчиках / А. Ю. Ведяев — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Альфа и омега разведки)

ISBN 978-5-4484-8127-7

Первая книга известного ученого, историка спецслужб и публициста Андрея Ведяева представляет собой откровенный разговор с читателем о деятельности советских органов госбезопасности, становлении национальной разведывательной службы и тех поворотных событиях Великой Отечественной и последующей холодной войн, в которых именно разведка с помощью особых, только ей доступных методов смогла существенно повлиять на весь ход истории в направлении достижения Победы над фашизмом и укрепления мира во всем мире. Книга основана на собственных воспоминаниях автора, рассказах участников тех событий, неопубликованных материалах из личных архивов и в конечном итоге является результатом осмысления истории тайной войны в кругу ветеранов внешней разведки, родственников и друзей выдающихся деятелей отечественных спецслужб. Книга открывает новую серию о бойцах невидимого фронта и предназначена для всех тех, кто считает себя причастным к созданию и укреплению той великой страны, разрушить которую не удалось даже в самые трагические периоды отечественной истории.

ISBN 978-5-4484-8127-7

© Ведяев А. Ю., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Азы разведки	6
Лунный папа	9
Сибирский дух	12
Андропология Москвы	17
Русская распутица	31
Южный Крест	44
Кукурузные хлопья	55
«Соловьиная» песня	62
Делись огнём	73
Коррозия стали	81
Уголь падения	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Андрей Юрьевич Ведяев

Незримый фронт. Сага о разведчиках

Се, гряди скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его.

(Откр. 22: 12–13)

Мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем.

(2 Кор. 6: 9—10)

© Ведяев А.Ю., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Азы разведки

*Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.*

А.С. Пушкин

Слово «разведка» происходит от глагола «ведать» – так же, как и слово «весть», которое означает «известие», «сообщение». Кстати, то же происхождение имеет и слово «Вече». Ведать – буквально знать. Поэтому «Аз буки веда» переводится как «Я знаю буквы». В немецком языке одним из вариантов слова «весть» является *Nachricht* – соответственно немецкая внешняя разведка называется *Bundesnachrichtendienst (BND)*.

Согласно американскому лингвисту Кальверту Уоткинсу, праиндоевропейский корень «вед», который транскрибируется как *weid-* (*ueid-*), относится к числу наиболее древних. Веды (санскр. *véda* – «знание», «учение») – это древнейшие индийские тексты, которые несут добрую «весть». Впрочем, не только они: адаптированный немецкий перевод Библии называется *Gute Nachricht* – дословно «добрая весть».

Как известно, корневая гласная праиндоевропейских глаголов может меняться, что обусловлено последующими фонетическими изменениями в жизни языка. Русскому *ведать* соответствует украинское *відати*, лат. *video, videre*, англ. *wit, witness, wisdom, vision*, нем. *wissen* («знать», «знание»), норв. *viten* («знание»), швед. *veta* («знать»), польск. *wiedza* («знание»), чешск. *vím* («я знаю») или *vidím* («я вижу»), голл. *weten* («знать»).

Я так подробно остановился на этимологии слова «разведка», потому что тот же самый корень имеет и наша фамилия Ведяевы. Как утверждают некоторые источники, «в основу фамилии Ведяев легло прозвище Ведяй, которое восходит к древнему глаголу “ведать”, то есть “знать”, а также “управлять”, “заведовать”, “распоряжаться по праву” или, возможно, “вести”. Ведяем могли называть умного, осведомленного во многих областях знаний человека, знахаря (ведуна), а также управленца, заводилу или человека с лидерскими качествами – вожака».

Как и любой ребенок, я тоже с детства повторял за родителями свои имя и фамилию, отпечатывая в своем сознании те ощущения, которые рождают эти звуки. И в какой-то момент мне стало ясно, что эти звуко сочетания и есть я сам. Мое имя – это смысл, символ моего существования, а разведка – мое предназначение.

Как пишет в «Этимологическом словаре русского языка» знаменитый немецкий языковед Макс Юлиус Фридрих Фасмер, слова с корнем «вед» – в том числе «разведка» и «ведун» – происходят от праславянского **věditi*, от которого в числе прочего произошли: др. – русск., ст. – слав. *вѣдѣти*, русск. *ведать*, укр. *відати*, словенск. *védeti*, чешск. *vědět*, словацк. *vedieť*, польск. *wiedzieć*, в. – луж. *wjedźeć*, н. – луж. *wježeś* «знать». Отсюда наст. вр. ст. – слав. *вѣмь, вѣси, вѣсть / вѣ и т. д.*, чешск. *vím, víš* и т. д., далее, др. – русск., ст. – слав. *вѣдѣ* «я знаю». Чередование гласных представлено в «видеть». Древний перф. ст. – слав. *вѣдѣ* с индоевр. окончанием ср. з. – *ai*, как в лат. *vidī*, соответствует греч. *οἶδα* «я знаю», др. – инд. *véda* – то же, авест. *vaēda*, готск. *wait* «я знаю», арм. *gitem* – то же. Ср., далее, *вѣдѣти* с др. – прусск. *waidimai* «мы знаем», лит. *vėizdmi* «я вижу». Другая ступень гласного представлена в др.-в. – нем. *wīzza* «знать», готск. *witan*, др. – инд. *vidā* «знание», *vidvān* «знающий», авест. *vidvā*, греч. *εἰδώς*.

Со словом «разведка» этимологически связано и популярнейшее ныне слово «медведь» (укр. «ведмідь») – разведчик мёда. Хотя можно встретить утверждение, что первоначально медведь в праславянском языке означал «поедатель мёда» (от слов мёд и *ěd-) – но это спорно. Если мы сравним польск. *wiedzieć*, в. – луж. *wjedźeć*, н. – луж. *wježeś*, с одной стороны, и соответствующие им сложные формы со словом «мёд», т. е. польск. *niedźwiedź* (диал. *miedźwiedź*), в. – луж. *mjodwjédź*, н. – луж. *mjadwjež*, с другой – то совершенно очевидно, что речь идёт не о поедании мёда, а о его разведке – вижу, знаю, где мёд!

Это крайне важно в современном политическом аспекте, поскольку медведь, помимо всего прочего, является символом России. Равных ему в природе нет: единственный, кто может потягаться с ним – это тигр. Но тигр – не разведчик. А медведи, хотя на первый взгляд довольно медлительны и неуклюжи, однако способны быстро бегать, плавать и лазать, обладают прекрасным обонянием и хорошим зрением. Мощные мышцы и длинные острые когти позволяют им вставать на задние лапы, разрывать добычу на куски, взбираться на деревья и рыть землю.

А дубы-колдуны что-то шепчут в тумане,
У поганых болот чьи-то тени встают...

Но одной силы мало. Тут нужен интеллект, *intelligence* – поэтому англичане называют свою внешнюю разведку *Secret Intelligence Service* (СИС, или МИ-6), а американцы – *Central Intelligence Agency* (ЦРУ). Хотя, с другой стороны, умом Россию не понять. Как сказал поэт:

В заколдованных болотах
там кикиморы живут —
Защекочут до икоты
и на дно уволокут.
Будь ты пеший,
будь ты конный – заграбастают,
А уж лешие —
так по лесу и шастают!

Следует отметить, что, хотя «лес» на Руси всегда был прежде всего уделом мужчин, роль женщин в выполнении разведывательных задач не менее велика. Поэтому ведьмы (кстати, тоже от слова «ведать» – как и разведчики) всегда занимали здесь особое место. В отличие от «просвещенной» Европы их на Руси хоть и побаивались, но никакого суда инквизиции над ними не чинили и миллионами не сжигали. Напротив, их вклад в обеспечение государственной безопасности трудно переоценить. Это подтверждает и Владимир Высоцкий:

Все взрели как медведи:
«Натерпелись – сколько лет!
Ведьмы мы али не ведьмы,
Патриотки али нет?!»

Вершиной разведки, тончайшим её инструментом считается тайное нелегальное проникновение (внедрение) на интересующий объект для его всестороннего изучения с целью оценки исходящих от него угроз и выгод и последующего проведения соответствующих активных мероприятий. Как писал 24 ноября 1940 года Уинстон Черчилль: «Знание истинного положения вещей, каким бы оно ни было, – это великая вещь!» Причем это в равной степени касается как внешнеполитической, диверсионной или военной разведки, так и разведки природных объектов, например геологоразведки. Недаром легендарный советский разведчик и диверсант,

личный враг фюрера, «дедушка спецназа» полковник Илья Григорьевич Старинов расшифровывал родную для него аббревиатуру «КГБ» как «контора глубокого бурения». При этом вместо буровой техники могут использоваться и иные физические среды, например, акустические или электромагнитные волны. В этом случае говорят о сейсмо- или радиоразведке. Существенным при этом является не способ проникновения на объект, а его нелегальный характер по отношению к противнику, в качестве которого может выступать как человек, так и природа. А иногда и сверхъестественные силы...

Лунный папа

*Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.
Во все века сжигали люди на кострах.*

Владимир Высоцкий

Я прилетел в Неаполь 30 апреля 2011 года. Позади были три месяца напряженных изысканий в горной части Сочи, где предполагалось построить объекты будущих зимних Олимпийских игр. Совместно с немецкими и южно-тирольскими геологами, геофизиками и егерями в тяжелейших погодных условиях нам удалось достаточно детально разведать внутреннюю структуру опасных оползневых склонов от Адлера до Красной Поляны. Особую озабоченность вызывали склоны хребтов Аибга и Псехако, где расположено большинство олимпийских объектов горного кластера. Эти склоны на отметках ниже 1100 м сложены древними глинистыми породами, возникшими в условиях глубоководного океанического жёлоба из турбулентных мутьевых потоков и подводных лавин (так называемый «флиш»). Эти породы, нестабильные уже по своему генезису, быстро теряют прочность при контакте с водой и подработке, что неизбежно в условиях масштабных строительных работ. После того как с помощью сейсморазведки нам удалось выделить наиболее опасные участки склонов, предстояло разработать технические решения по их стабилизации. В принципе это могли бы сделать и отечественные специалисты. Но, как и в случае с атомной бомбой, главным был вопрос времени – а это означало, что нужно было срочно найти готовые решения за рубежом. И мы их нашли в Италии.

Побродив с коллегами среди развалин Помпей, когда-то погребённых под слоем вулканического пепла, накрывшего город в результате катастрофического извержения Везувия в начале первого тысячелетия нашей эры, мы лишний раз убедились, что ничто не вечно под луной – и отправились в вечный город Рим. Город показался нам наэлектризованным – тут и там встречались возбужденные толпы странно одетых людей, говорящих на разных языках. Уж не на шабаш ли ведьм мы попали? Как-никак, а ночь на 1 мая носит название Вальпургиевой. Вернувшись в отель, я наугад открыл компьютер и тут же наткнулся на Булгакова: «Маргарита сделала еще один рывок, и тогда все скопище крыш провалилось под землю, а вместо него появилось внизу озеро (не слишком радужный прогноз для строящихся олимпийских объектов, подумал я. – А. В.) дрожащих электрических огней, и это озеро внезапно поднялось вертикально, а затем появилось над головой у Маргариты, а под ногами блеснула луна. Поняв, что она перевернулась, Маргарита приняла нормальное положение и, обернувшись, увидела, что и озера уже нет, а что там, сзади за нею, осталось только розовое зарево на горизонте. И оно исчезло через секунду, и Маргарита увидела, что она наедине с летящей над нею слева луною. Волосы Маргариты давно уже стояли копной, а лунный свет со свистом омывал ее тело».

В этом тексте немало геодинамики, поскольку автор прямо указывает на провал под землю. Для описания этого явления в науке используются такие геомеханические понятия, как зеркало скольжения, угол внутреннего трения, сцепление и опрокидывание – но я никогда не думал, что в них есть что-то дьявольское. Сразу же вспомнились слова из популярной песенки Юрия Антонова с диска, который мы часто крутили в машине по дороге с перевала на базу:

Лунная дорожка блистает серебром,
Она идет за мной, как след за кораблём.

Колдовскую дорожку выстилает луна,
И, чтоб прошлое мы не забыли,
Вдаль по темной воде убегает она
В те года, где мы счастливы были.

На следующий день, 2 мая, небо с самого утра было пасмурным. Проход на площадь Св. Петра оказался перекрыт карабинерами. Со всех сторон прибывали толпы паломников. Как выяснилось, ожидалась беатификация, то есть возведение в ранг святых папы Иоанна Павла II – поляка Кароля Юзефа Войтылы, правившего на римском престоле с 1978 по 2005 год и успешно развалившего все послевоенные мирные завоевания, а также ростки дружбы и доверия на европейском континенте, и ввергнувшего народы в новую череду религиозных войн и междоусобиц. Отметим, что за всю свою историю Ватикан ни единым словом не осудил фашизм – но всегда отличался ярким антикоммунизмом. Поэтому после того, как Войтыла под именем Иоанна Павла II занял папский трон, легко было предсказать стравливание литовцев с русскими, поляков с украинцами, хорватов с сербами с целью продвижения «цивилизации» и инквизиции на восток под лозунгами свободы и демократии и обращения варварских народов в истинную веру.

Когда мы подошли к оцеплению, у меня зазвонил мобильный телефон. Сказав несколько слов по-русски, я обернулся – но своих спутников уже не увидел. Кругом были только паломники, в основном поляки, которые напирали, стремясь попасть через оцепление на площадь Св. Петра. Карабинеры, приняв мой русский за польский, со словами: «*Avante, avante!*» толкнули меня вслед за какими-то монахинями – и через несколько минут я уже стоял посреди площади Св. Петра напротив папы Бенедикта XVI, который как раз объявлял о беатификации своего предшественника Иоанна Павла II. Опустившись, как и все, на колени, я вдруг почувствовал, что снизу от каменных плит исходит необычное тепло. Видимо, не случайно это место стало культовым еще во времена Древнего Рима, задолго до христианства – его особая аура безусловно связана с находящимися под землей действующими вулканическими очагами, готовыми в любой момент исторгнуть огонь.

Оглядевшись по сторонам, я понял, что едва ли нахожусь среди друзей. В основном это были поляки и латиноамериканцы – но никак не последователи Че Гевары. Я стал постепенно перемещаться вправо в сторону колоннады, где стояли турникеты для прохода в собор Св. Петра, перед главным алтарем которого было размещено эксгумированное накануне тело папы Иоанна Павла II. Безусловно, мне повезло, поскольку объявили, что доступ к телу продлится только до 18 часов, то есть в собор попадёт ничтожная часть из двух миллионов паломников, собравшихся в Риме. А как говорил Глеб Жеглов, «кому повезёт, у того и петух снесёт» – везение в нашем деле является обязательным условием профпригодности. Разведчик обязан оказаться в нужное время в нужном месте – невзирая на обстоятельства и руководствуясь интуицией и ощущением сопричастности.

Однако, полагая, что никто не догадывался о моем присутствии, я проявил известную долю самонадеянности, если не сказать – гордыни, за что вскоре и был наказан. Сто раз был прав герой одного из рассказов о Шерлоке Холмсе, утверждая: «Вообще-то я не боюсь никого, кто ходит по земле; вот те, кто лежат под землей, конечно, другое дело...» Двигаясь внутри колоннады, я начал ощущать слабость и головную боль. При этом было такое ощущение, что кто-то мешает мне идти вперед, постоянно толкая в грудь. Понимая, что на моих глазах вершится история и идет борьба сил добра и зла за души человеческие, я стиснул зубы и призвал на помощь всех православных святых, которых помнил. Трудно сказать, что двигало мной в тот момент: возможно, всплывавшие в памяти образы плачущих русских детей, которых бросали в огонь закованные в доспехи тевтонские рыцари, получившие от папы Григория IX благословение на крестовый поход против Руси с целью огнем и мечом крестить православных русских,

которых они приравнивали к язычникам. «Воистину, – взывал папа Григорий IX, учредивший церковный трибунал инквизиции, – если бы все поднялись против подобных людей и, невзирая на возраст и пол их, целиком истребили, то это не было бы для них достойной карой!»

Уже входя в собор, я инстинктивно, будто в последний раз, взглянул на небо, показавшееся мне свинцовым. Но то, что я увидел и почувствовал в следующий момент, трудно даже передать словами. Людская цепь медленно продвигалась вдоль стен собора, мимо помпезных надгробий предыдущих пап, причисленных к лику святых. Перед алтарем на возвышении стоял деревянный ящик с раскрытой на нем Библией. Вокруг него с пиками несли охрану швейцарские гвардейцы, одетые как стражи из «Королевства кривых зеркал». Многие поляки падали на колени и рыдали. Периодически в глазах темнело. «Эх, была не была», – решил я и, достав из кармана свой мобильный телефон, начал фотографировать, делая это по возможности незаметно, поскольку секьюрити следили за каждым движением. Я понимал, что происходит непоправимое – Польша получает своего заступника перед небесным троном. А кто этот заступник? Тот, кто благословил крестовый поход против СССР и принял из рук Горбачёва позорный «акт капитуляции атеистического гуманизма».

«Но почему перед Богом? – пронеслось у меня в голове. – Откуда я знаю, перед кем все эти люди падают на колени? Да ведь и они не знают, перед кем преклоню колени я, – мелькнула мысль. – Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного», – произнес я, падая ниц.

И вдруг в окнах купола что-то промелькнуло, и я отчетливо увидел яркий солнечный свет. «Уж не знамение ли это, может быть, наш православный господь Бог поддерживает и укрепляет нашу матушку Россию», – подумалось мне. Как бы то ни было, с полегчавшим сердцем и ощущая всей кожей долгожданную бодрость, я шагнул из полумрака собора Св. Петра на ступеньки, где еще недавно стоял папа Бенедикт XVI – первый папа немецкого происхождения за последние тысячу лет.

Внизу на площади, куда ни кинь взор, колыхалось людское море. Взглянув на последние лучи заходящего солнца и ощущая себя немецким подданным, я заговорил так, как говорил Заратустра: «О великое светило! Подобно тебе, должен я закатиться, – так называют это люди, к которым хочу я сойти. Так благослови же меня, о спокойное око, без зависти взирающее и на величайшее счастье! Благослови чашу, готовую пролиться... Взгляни! Эта чаша готова вновь опустеть, а Заратустра хочет снова стать человеком».

Не помню, как я очутился в гостинице. Проснувшись утром, я первым делом подумал, что всё вчерашнее мне просто приснилось. И лишь когда я увидел в телефоне сделанные накануне фотки, то понял, что всё только начинается и самое худшее ещё впереди. Так оно и вышло – ровно через три года, 2 мая 2014 года, костры инквизиции запылали в городе-герое Одессе.

И хотя тогда, в 2011 году, я не мог себе и представить всей глубины этого кошмара, в висках стучали одни и те же слова: «Сжечь – не значит опровергнуть!»

Так говорил Джордано Бруно.

Сибирский дух

*Я помню, давно, учили меня отец мой и мать:
Лечить – так лечить! Любить – так любить!
Гулять – так гулять! Стрелять – так стрелять!*

Александр Розенбаум

Как бы то ни было, но очередной Drang nach Osten начался. Соответственно навстречу ему поднялся русский медведь – кстати, тогда, в 2011 году, во главе России стоял человек по фамилии Медведев. А эта фамилия для меня является знаковой. Во-первых, она имеет тот же корень «вед», что и фамилия Ведяев. Во-вторых, ту же фамилию носил Герой Советского Союза полковник Медведев (тоже, кстати, Дмитрий) – легендарный командир знаменитого партизанского отряда особого назначения 4-го Управления НКВД СССР «Победители», в составе которого в 1942–1944 годах под видом немецкого офицера Пауля Зиберта действовал разведчик Николай Иванович Кузнецов, Герой Советского Союза и мой земляк, родившийся на Урале в одной деревне с моей бабушкой Марией Фёдоровной Опрокидневой. Благодаря бабушке мне довелось познакомиться, хотя и заочно, ещё с одним моим знаменитым земляком – Григорием Ефимовичем Распутиным, во многом повлиявшим на судьбы России не только при царе, но и в конце XX – начале XXI века, о чем я расскажу подробнее в следующей главе.

А сейчас отмечу, что сам я родился 4 мая – для меня этот день всегда служил как бы мостиком между Первомаем и Днём Победы. Как пишет в своих воспоминаниях мой отец, «осенью 1958 года наша семья приехала в Тюмень и поселилась у родителей жены в двухэтажном деревянном доме дореволюционной постройки. Моя жена (т. е. моя мама Надежда Степановна Ведяева, урожденная Опрокиднева) поступила на работу в Детскую соматическую больницу врачом-педиатром. Руководителями больницы были известные врачи Станислав Карнацевич и его жена. Моя тёща (т. е. моя бабушка Мария Фёдоровна Опрокиднева. – А. В.) была знакома с Карнацевичем с 1922 года, когда она работала в “Доме малютки”, а он был главным врачом там же. Вот как вспоминала она Станислава Карнацевича: “Молодой, симпатичный, в военной форме под белоснежным халатом. Всегда весёлый, приветливый. Очень любил детей. Бывало, кто к нему из малышей руки протянет, он обязательно возьмёт его на руки, подержит, а потом уж передаст кому-то из нас”».

Меня он тоже держал на руках – я это прекрасно помню, поскольку в детстве часто болел и мама брала меня к нему на консультацию. Станислав Карнацевич происходил из семьи польских дворян, сосланных в Сибирь после Польского восстания. Он славился искусством диагностики болезней, особенно на ранней стадии заболевания. В его биографии есть поразительный факт, смысл которого я ощутил на себе лишь много лет спустя.

В июне 1914 года Григорий Распутин приехал в Тюмень и отправился в родное село Покровское. На почте, куда он зашел отправить телеграмму царице, у него попросила подавание нищенка. Пока Старец шарил в карманах, женщина выхватила из лохмотьев нож и всадила ему в живот. Распутин оттолкнул ее, ударил по голове, а сам упал. Из раны текла кровь, наружу лезли кишки... И вот тем, кто оперировал Старца и участвовал в его лечении, был Станислав Карнацевич.

Григорий Распутин, родившийся 21 января 1869 года в селе Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии в семье ямщика Ефима Яковлевича Распутина и Анны Васильевны, в девичестве Паршуковой, с детства страдал тяжелыми недугами. Долгое время он молился в Верхотурском Никольском монастыре, и ему пришлось исцеление. Лично соприкос-

нувшись с чудом, он стал глубоко верующим человеком, перестал пить, курить и есть мясо, стал ходить пешком тысячи верст по святым местам. Он побывал в Иерусалиме, у Гроба Господня, на Афоне, был принят иерархами Церкви, в том числе и будущим патриархом Сергием. О сложных вещах Распутин мог говорить по-крестьянски просто, образно и убедительно. Император Николай II, впервые увидев Распутина 1 ноября 1905 года, записал в своем дневнике: «Человек Божий».

Не вызывает никакого сомнения, что Старец обладал экстрасенсорными способностями. Все, кому довелось встречаться с ним, отмечали его необычный взгляд – глубоко запавшие серые глаза, будто светившиеся изнутри и сковывающие волю собеседника. Столыпин вспоминал, что при встрече с Распутиным ощутил, что его пытаются загипнотизировать.

Из рапорта прокурора Омской судебной палаты министру юстиции от 7 июля 1914 года (за номером № 2521): «Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что 29-го минувшего июня, около 3 часов дня крестьянин с[ела] Покровского, Тюменского уезда, Тобольской губернии Григорий Распутин, вернувшийся накануне из Петербурга в названное село, вышел из своего дома на улицу за ворота. В это время к нему подошла мещанка [из] гор[ода] Сызрани Симбирской губернии Хиония Козьмина Гусева и, выхватив из-под платка кинжал, ударила им Григория Распутина в живот. <...> Гусева привлечена к следствию в качестве обвиняемой в покушении на убийство Распутина с заранее обдуманном намерением и виновной себя в этом признала, причем дала следующие объяснения: <...> Она, Гусева, сочла его за лжепророка и поэтому, “ревнуя о правде Христовой, решила убить его, подобно тому, как Св. Илья Пророк ножом убил 400 лжепророков”. С этой целью она в гор[оде] Царицын (ныне Волгоград. – А. В.) купила за 3 руб. кинжал и поехала в село Покровское, куда прибыла 21–22 июня, когда Распутин еще не возвратился. 29 июня, узнав, что Распутин вернулся в село Покровское, она взяла кинжал и стала ожидать выхода Распутина на улицу, когда же он вышел, она пошла к нему навстречу и ударила его кинжалом в живот, а когда он бросился бежать, погналась за ним, чтобы нанести ему смертельный удар, но в это время сама получила от Распутина удар палкою по голове».

Хиония Гусева, обвиняемая по статьям 9 и 1454 Уложения о наказаниях, была подвергнута медицинской экспертизе, которая установила, что Гусева «при крайнем физическом уродстве, которое можно признать почти абсолютной гарантией против покушений на девственность Гусевой, полагает, что пребывание наедине с ней Распутина, вероятно, не знающего недостатка в женщинах, могло грозить её половой чистоте... Указанный дефект психики нужно поставить в связь с перенесенным Гусевой в 1912 г. психозом (весьма вероятно сифилис мозга); мотивом к такому толкованию служит наличность симптомов органического поражения центральной нервной системы: неравномерность зрачков, резкое изменение их конфигурации, вялость реакции на свет. Принимая во внимание приведенные данные и указания на тяжелую психопатическую наследственность, нужно признать, что Гусева страдает истерической дегенерацией и ослаблением умственных способностей органического характера, то есть сумасшествием».

Следствие по делу Гусевой продлилось около года. В июле 1915 года её объявили душевнобольной и освободили от уголовной ответственности, поместив в психиатрическую лечебницу города Томска.

Тяжелораненый Распутин с 3 июля по 17 августа 1914 года находился в хирургическом бараке Текутьевской больницы города Тюмени. Сохранились воспоминания Станислава Карнацевича, в которых он пишет: «В 1914 году студентом-медиком, перешедшим на 4 курс [Казанского университета], приехал я на летние каникулы в родную Тюмень. Стал работать в хирургическом отделении Тюменской городской больницы под руководством опытного хирурга Александра Сергеевича Владимиров. В июле или августе, точно не помню, в Тобольской губернии случилось чрезвычайное происшествие. В селе Покровском Тюменского уезда

было совершено покушение на “святого старца” Гришку Распутина. Какая началась свистопляска! Из Тюмени на специальном пароходе выехал в Покровское хирург Владимиров, чтобы оказать “старцу” на месте нужную помощь. Раненый Распутин на этом пароходе был доставлен в больницу. Отсюда он послал телеграмму самой царице. Вот что он писал (дословно): “Кака-та стерва меня пырнула в живот. Григорий”... А сколько понаехало в Тюмень корреспондентов столичных газет – “Русского слова”, “Утра России”, “Петербургской газеты”, “Петербургского листка”, “Биржевых ведомостей” и т. д. (The New York Times вынесла этот сюжет на первую полосу. – А. В.). Все они стремились скорее нанять лошадей и первыми прибыть на место происшествия, в с. Покровское. Поговаривали, что в Тюмень инкогнито приезжала Вырубова, придворная дама, и даже сама царица. Распутин пролежал в больнице около месяца, так как заживление раны шло медленно. За время пребывания “старца” в больнице к нему на поклон приходили Тобольский губернатор и целый ряд поклонниц. Мне припомнился такой случай. Мы с доктором Владимировым в коридоре хирургического отделения моем руки, готовимся к операции. В этот момент из палаты “старца” выбегает со смехом молодая женщина (как оказалось, одна из поклонниц Распутина, жена нотариуса города Ялуторовска). Для “укрепления здоровья” ежедневно выписывалась “старцу” бутылка коньяку... Я хорошо помню серые с зеленоватым оттенком глаза, которыми он буквально впивался в тебя, лежа на перевязочном столе. В этих глазах вспыхивал животный страх во время наших манипуляций – как бы мы его снова не “пырнули”. “Старцу” в 1914 году было всего 42 года (на самом деле 45. – А. В.), и это был крепкий мужчина с окладистой бородой и длинными, как у попа, волосами. После окончания лечения “старец” соблаговолил сфотографироваться с персоналом больницы».

Однако Карнацевич не во всем искренен и явно сгущает краски, изображая из себя борца с религиозным мракобесием. Ведь в материалах следствия есть показания Матрены, дочери Распутина, находившейся рядом с ним в соседней больничной палате: «Государь присылал ему много телеграмм, прося у него совета. Отец всемерно советовал “крепиться” и войны не объявлять». Вот одно из таких писем Распутина царю: «Милый друг. Еще раз скажу: грозна туча над Россией, беда, горя много, темно и просвету нет; слез-то море и меры нет, а крови? Знаю, все от тебя войны хотят, и верные, не зная, что ради гибели. Тяжко божье наказание, когда уж отымет путь, начало конца. Ты, царь, отец народа, не попусти безумным торжествовать и погубить себя и народ. Вот Германию победят, а Россия? Подумать, так все по-другому. Не было от веку горшей страдальцы, вся тонет в крови великой, погибель без конца, печаль».

Однако царь всё же вступил в войну. Не для этого ли Старца пытались вывести из игры, подослав к нему убийцу? Позднее полиция доносила, что Распутин говорил: «Если бы та потаскушка не пырнула меня ножом, никакой войны не было бы и в помине. Я бы не допустил этого».

Распутин был убит в ночь на 17 (30) декабря 1916 года во дворце Юсуповых на Мойке князем Феликсом Юсуповым, черносотенцем Владимиром Пуришкевичем, великим князем Дмитрием Павловичем (двоюродным братом Николая II) и офицером британской разведки SIS Освальдом Рейнером. Замысел убийства родился в недрах SIS с целью не допустить выхода России из войны. Феликс Юсупов, второй после царя по богатству человек в Российской империи, был завербован еще во время своего обучения в Оксфордском университете в 1909–1912 годах на почве нетрадиционной сексуальной ориентации, вступив в близкие отношения с Освальдом Рейнером, агентом SIS. После начала войны, 15 декабря 1915 года, Райнер был направлен в Петроград, где служил под началом резидента подполковника Сэмюэля Хора – впоследствии министра ВВС Великобритании, министра иностранных дел и одного из авторов Мюнхенского сговора. Освальд Рейнер благодаря своим близким отношениям с князем Юсуповым играл роль связующего звена между резидентурой SIS в Петрограде и высокопоставленными заговорщиками. По мнению ряда современных британских исследователей, именно Освальд Рейнер произвел контрольный выстрел в голову Распутина из револьвера.

Следствие по этому делу, которое вел директор Департамента полиции Алексей Тихонович Васильев, длилось два с половиной месяца, вплоть до отречения Николая II от престола 2 марта 1917 года. В этот день министром юстиции во Временном правительстве стал Керенский, который 4 марта спешно приказал прекратить следствие, арестовав Васильева. Сразу после этого по личному указанию Керенского освободили Хионию Гусеву. Вот телеграмма № 8539 от 15 марта 1917 года: «Поручаю немедленно освободить содержащуюся [в] Томской психиатрической лечебнице Хионию Гусеву обвинявшуюся [в] покушении [на] убийство Распутина, [о] последующем донесите. Министр Юстиции А. Керенский». Вот вам и ответ на вопрос, кто же разрушил империю – вовсе не большевики, а эсеры и стоявшие у них за спиной либералы.

По приказу Керенского начальника полиции Васильева посадили сначала в Петропавловскую крепость, а затем в тюрьму «Кресты», где его допрашивала Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК) Временного правительства в связи с обвинениями, выдвинутыми против царя, царицы и погрязших в коррупции в годы войны министров, генералов и чиновников царского правительства. Вся эта камарилья была кровно заинтересована в продолжении войны, против которой выступал Распутин, и фактически погубила империю. Однако Комиссии не удалось завершить свою работу, так как произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, и первым декретом советской власти стал Декрет о мире. Естественно, что большевики продолжили расследование преступлений царизма. При этом часть материалов допросов Комиссии была опубликована в семи томах в 1924–1927 годах под названием «Падение царского режима». В частности, в них содержатся показания последнего министра внутренних дел Российской империи Александра Дмитриевича Протопопова от 21 марта 1917 года:

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вам известно значение Распутина в делах Царского Села при Государе?

ПРОТОПОПОВ. Распутин был близким человеком, и, как с близким человеком, с ним советовались»

Это заявление подтверждает ходившие в последние годы царствования Николая II слухи об огромном влиянии Распутина на власть – по одной версии, Старец полностью подчинил себе царя и царицу и самостоятельно правил страной, по другой версии, власть при помощи Распутина захватила Александра Фёдоровна, по третьей – страной правил «триумвират» Распутина, Анны Вырубовой и царицы. Однако Васильев, который вел следствие по делу Распутина и был арестован Керенским, в своих воспоминаниях пишет: «Множество раз я имел возможность встречаться с Распутиным и беседовать с ним на разные темы. <...> Ум и природная смекалка давали ему возможность трезво и проницательно судить о человеке, только раз им встреченном. Это тоже было известно царице, поэтому она иногда спрашивала его мнение о том или ином кандидате на высокий пост в правительстве. Но от таких безобидных вопросов до назначения министров Распутиным – очень большой шаг, и этот шаг ни царь, ни царица, несомненно, никогда не делали. <...> И тем не менее люди полагали, что все зависит от клочка бумаги с несколькими словами, написанными рукой Распутина... Я никогда в это не верил, и хотя иногда расследовал эти слухи, но никогда не находил убедительных доказательств их правдивости. Случаи, о которых я рассказываю, не являются, как может кто-то подумать, моими сентиментальными выдумками; о них свидетельствуют донесения агентов, годами работавших в качестве слуг в доме Распутина и, следовательно, знавших его повседневную жизнь в мельчайших деталях. <...> Распутин не лез в первые ряды политической арены, его вытолкнули туда прочие люди, стремящиеся потрясти основание российского трона и империи... Эти предвестники революции стремились сделать из Распутина пугало, чтобы осуществить свои планы. Поэтому они распускали самые нелепые слухи, которые создавали впечатление, что только при посредничестве сибирского мужика можно достичь высокого положения и влияния».

Старца хотели похоронить на его родине, в селе Покровском, но в связи со сложностями с отправкой тела похоронили в Александровском парке Царского Села на территории строивше-

гося Анной Вырубовой храма Серафима Соровского. После Февральской революции захоронение Распутина было найдено, и Керенский приказал Корнилову уничтожить тело. Несколько дней гроб с останками Старца простоял в специальном вагоне, а ночью 11 марта труп был сожжён в топке парового котла Политехнического института.

В 1978 году известная группа Boney M. выпустила альбом «Nightflight to Venus», главным хитом которого стала песня «Rasputin», выдержанная в духе западных штампов о Распутине («Russia's greatest love machine», «Lover of the Russian queen»). В 2010 году, перед самым Новым годом, вернувшись в Москву из Сочи – это было еще до «Римских каникул», описанных мной в предыдущей главе, – мы неожиданно узнали, что группа Boney M. выступала в Санкт-Петербурге на новогоднем корпоративе компании «Газпром социнвест» – одного из главных спонсоров сочинских проектов. 30 декабря, как раз в ночь убийства Распутина, 61-летний фронтмен группы Бобби Фаррелл почувствовал себя плохо. Около 10 часов утра участники группы, обеспокоенные его отсутствием, обратились к сотруднику гостиницы «Амбассадор», который открыл дверь в номер Фаррелла и обнаружил его труп. Причиной смерти стала остановка сердца.

Андропология Москвы

*Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.*

Сергей Есенин

В 1967 году папу перевели в Москву. Мама уехала с ним, а я до осени 1968 года еще жил с бабушкой в Тюмени. Это абсолютно точно, поскольку я прекрасно помню, как после уроков в школе ходил смотреть в тюменский центральный кинотеатр «Темп» вышедший в августе 1968-го фильм «Щит и меч». А вот «Мёртвый сезон», появившийся в декабре того же года, я смотрел уже в Москве – причем вместе с отцом и его сослуживцами, среди которых были и те, кто лично знал главного героя фильма полковника Лонсдейла, или, как они говорили, «Бена». Сначала я думал, что так называют актёра Баниониса. Но оказалось, что «Бен» – это Конон Трофимович Молодой, о чем я узнал только в 1973 году, когда стал бывать у своего друга Саши Громова в доме на Мосфильмовской улице. В том же подъезде, что и Саша, жили вдова Конона Трофимовича и его сын Трофим. Самого Конона Трофимовича тогда уже не было в живых.

Наша первая квартира в Москве находилась в Городке – так называли район Хорошёвки между Ваганьковским кладбищем и 7-м Холодильником. Напротив нас, в двухэтажном 8-квартирном доме немецкой постройки, жил Андрей Иванцов, с которым мы очень дружили и учились в одном классе в 643-й школе. Дружим мы и сейчас. Отец Андрея служил в Генштабе и часто ездил в заграничные командировки по линии ГРУ, каждый раз привозя нам крайне дефицитную тогда японскую жвачку с переводными картинками. Через дом от нас жили легендарные хоккеисты братья Рагулины, к которым мы ходили за клюшками – моя мама работала участковым педиатром и лечила их детей. Иногда хоккеисты брали нас с собой в старые Краснопресненские бани, которые находились тогда прямо у выхода из метро «Краснопресненская», напротив Зоопарка. Их еще называли «Бирюковскими», там можно было встретить много знаменитых хоккеистов ЦСКА. Я хорошо запомнил, например, олимпийских чемпионов и чемпионов мира 1968–1972 годов Игоря Ромушевича и Евгения Мишакова. С Валерием Харламовым я познакомился, правда очень коротко, уже позднее. Он был другом нашего динамовца Александра Мальцева, который в 1967–1984 годах играл только за «Динамо» и в 1969, 1970, 1971, 1973, 1974, 1975, 1976, 1977, 1981, 1982 и 1983 годах становился лучшим хоккеистом СССР. За сборную он провел 319 матчей, девять раз становился чемпионом мира, дважды – Олимпийским чемпионом и забросил 213 шайб – больше нет ни у кого, это абсолютный рекорд.

На Мальцева и Харламова ходили как в театр. Они не просто крутили невероятные финты перед воротами противника, были самыми техничными в истории хоккея игроками – они делали это с неизменной улыбкой. Из поездок по всему миру они привозили самые последние альбомы культовых рок-групп. Стоимость одной такой пластинки в то время могла превышать среднюю зарплату советского служащего. При этом Харламову в силу его испанского темперамента нравилась взрывная, импульсивная музыка в духе Rolling Stones или The Who, а Мальцев предпочитал мелодичные композиции в стиле Beatles.

Эту элегантность, изящество, легкость и красоту Александр Мальцев привнес и в жесткую борьбу настоящих мужчин на ледовой площадке. Хоккей для Мальцева был не просто одним из видов спорта, а искусством. Чего стоит одно высказывание известного советского

комментатора: «Мальцев провальсировал между защитников». Правда, от этого «вальса» приходили в трепет лучшие хоккейные защитники мира.

Поскольку «Динамо» было спортивным обществом чекистов, делами его живо интересовался Юрий Владимирович Андропов. Как позднее рассказывал сам Александр Николаевич Мальцев, «Юрий Владимирович очень тепло ко мне относился. Как отец. Я на правах капитана команды приходил к Андропову и говорил, кому из ребят что нужно. И через неделю вопросы решались. Кстати, мы познакомились с будущим Генеральным секретарём, когда он работал во главе КГБ. Вечером я рассказал теще, что наутро вызывают к Андропову, и пошутил: “Сушите сухари”. Так она всерьёз восприняла. Всю ночь сухари сушила. А меня предупредили, что одеться надо попримечнее. Я нацепил английский костюм и поехал. Оpozдал минут на пять. Зашёл в кабинет, Андропов оглядел меня, усмехнулся: “Тебе в кино сниматься, а не в хоккей играть...” ...Поговорили с Андроповым про команду. В конце разговора рассказываю ему про сухари. Он: “Это анекдот, что ли?” Я сумку открываю и показываю...”»

Естественно, что и тогда, и сейчас я всей душой предан родному «Динамо», и других команд для меня просто не существует – даже в школе на физкультуру я ходил в динамовской форме, которую папа приносил со службы. Он тогда учился в аспирантуре Высшей школы КГБ при СМ СССР на Ленинградке. Школа была создана 4 июня 1930 года как Центральная школа ОГПУ СССР. 21 марта 1939 года указом Лаврентия Павловича Берии она была реорганизована в Высшую школу НКВД СССР. Постановлением Совета Министров СССР от 2 августа 1962 года Высшей школе КГБ было присвоено имя Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Все обязанности по службе в школе распространялись и на аспирантов – в том числе дежурства, полевые учения, мероприятия, проводимые центральным аппаратом КГБ. Тема диссертации моего отца, как я узнал уже позднее, была утверждена следующая: «Моделирование агентурной деятельности противника (по материалам деятельности английской разведки на территории СССР)». Как считает он сам, большой удачей было то, что научным консультантом его диссертации был утвержден начальник службы «А» (аналитическая служба) Второго главного управления (контрразведка) КГБ при СМ СССР, генерал-майор Алексей Михайлович Горбатенко, который с 1968 по 1982 год был консультантом Юрия Владимировича Андропова по контрразведке: «Горбатенко А.М. обеспечил мне небывалый до этого доступ к архивным и текущим материалам по теме диссертации. Мне разрешалось просматривать практически все архивные дела на агентов и разведчиков английской разведки, разоблаченных за все годы советской власти. Горбатенко А.М. приглашал меня к себе в кабинет, когда там обсуждались весьма специфические оперативные вопросы».

Вскоре Алексей Михайлович попросил папу подготовить в виде доклада основные результаты диссертационного исследования и кратко доложил их на встрече с председателем КГБ Юрием Владимировичем Андроповым, который, полистав доклад, сказал: «Думаю, это нужно передать во Второй главк товарищу Цинёву для ознакомления и возможного использования».

Это было в 1969 году. Примерно через месяц начальник научно-исследовательского отдела (НИО) ВШ КГБ при СМ СССР М.А. Козичев, который тесно взаимодействовал с Г.К. Цинёвым, сказал, что просили зайти в приёмную начальника Второго главка КГБ СССР генерал-полковника Георгия Карповича Цинёва.

«Георгий Карпович был в военной форме, – пишет отец. – Встретил меня с улыбкой, жестко пожал руку, пригласил сесть и без лишних слов сказал: “Я ознакомился с вашим докладом. Интересно. Хочу, чтобы вы провели по содержанию своего доклада чекистскую учебу часа на полтора-два с генералами Второго Главка в моем кабинете”. Взял календарь и наметил дату. Это была моя первая встреча с Г.К. Цинёвым. Предложение было неожиданным не только для меня, но и для руководства школы. Такого характера предложения в ВШ КГБ никто не только из аспирантов, но и преподавателей до этого не получал».

В то время в органах госбезопасности чувствовался некий дефицит фактической информации о деятельности английской разведки на территории СССР – что, по мнению генерал-майора Николая Владимировича Губернаторова, было связано с деятельностью трех предыдущих председателей КГБ. Последний из них, Семичастный, в работу разведки и контрразведки не вникал, подготовкой и обновлением кадров не занимался. Поэтому новые направления в деятельности органов, связанные с использованием прогностической информации, должны были в какой-то степени помочь компенсировать этот пробел.

«В назначенное время я прибыл в кабинет Г.К. Цинёва, – продолжает свой рассказ мой отец. – За длинным столом уже сидело восемь генералов, в том числе Евдокушин, Титов и Бояров. Из всех только один был в штатской одежде. Руководил беседой Г.К. Цинёв. Он представил меня, сказав, что все присутствующие готовы внимательно выслушать и постараются использовать все полезное в своей работе. Он подчеркнул, что вопрос для них, несомненно, актуален.

Перед беседой подали кофе. Георгий Карпович сказал, обращаясь ко мне: “Чувствуйте себя среди нас свободно, так как в данном вопросе вы разбираетесь больше, чем мы. Пейте кофе и говорите”.

Такое доброжелательное, демократическое отношение ко мне способствовало тому, что я спокойно доложил все, что хотел. Только два раза Г.К. Цинёв останавливал меня для уточнения сказанного. По его указанию по ходу моего доклада присутствующие делали записи в своих тетрадах. Беседа продолжалась более двух часов. После того как я закончил, Г.К. Цинёв попросил генералов, чтобы они не считали для себя неудобным задавать вопросы старшему лейтенанту. Вопросов было много, задавал вопросы и Г.К. Цинёв.

Эта ответственнойшая в моей жизни встреча завершилась для меня благополучно. По завершении беседы Г.К. Цинёв от имени всех присутствующих поблагодарил меня и сказал, что все сидящие здесь окажут мне любую помощь в организации дальнейшего исследования. После этой встречи мне был открыт еще более широкий доступ к необходимым материалам. Вскоре был решен весьма непростой вопрос моей московской прописки и с получением квартиры. В 1970 году я и моя семья стали жителями Москвы».

По штату папу зачислили на должность, которая освободилась после ухода на руководящую работу в МВД полковника Сергея Михайловича Крылова. В годы войны Крылов командовал особой снайперской группой войск НКВД СССР, а с 1956 по 1967 год работал в НИО ВШ КГБ при СМ СССР. Перед его уходом они с папой долго беседовали. Позднее Крылов передал папе ряд важных научных материалов, которые ему оченьгодились. До 1974 года Сергей Михайлович был начальником Организационно-инспекторского управления и начальником Штаба МВД СССР, создал Академию МВД СССР и с 1974 по 1979 год был ее первым начальником. 19 апреля 1979 года Сергей Михайлович застрелился в своем рабочем кабинете в Академии МВД, оставив предсмертную записку: «Нет сил жить. Если у человека убита вера и надежда, он труп. Господи! Как я работал! Как горел, как боролся! И чем благороднее была цель, чем вдохновеннее труд, тем больше ненависть власть имущих. Я оплодотворил своим талантом и фантастическим трудом интеллектуальную пустыню органов внутренних дел... и за все это я плачу жизнью. Это мир рабов, холоуев и карьеристов».

«Власть имущими» для генерал-лейтенанта С.М. Крылова были министр внутренних дел Николай Анисимович Щёлоков, его заместитель, зять Брежнева Юрий Чурбанов и вся торговая мафия Москвы.

19 января 1982 года от огнестрельного ранения в голову скончался первый заместитель председателя КГБ СССР Семён Кузьмич Цвигун. Получалось так, что Семён Кузьмич застрелился на даче по пути от калитки к дому – что выглядит весьма странным для человека такого уровня. Причем случилось это незадолго до ухода Андропова из КГБ на освободившееся после смерти Суслова место секретаря ЦК КПСС. Ещё в 1975 году авторитетная индийская газета

«The Hindu» со ссылкой на британский журнал «New Statesman» называла Цвигуна наиболее вероятным преемником Андропова на посту председателя КГБ (эта статья сохранилась, по словам внучки Цвигуна Виолетты Ничковой, в их домашнем архиве). Когда на место трагедии приехал Андропов, он несколько раз просил шофера повторить, как всё было. Сын Цвигуна Михаил Семёнович вспоминал: «Юрий Владимирович постоял – было видно, что ему тяжело. И он произнес одну фразу, которая врезалась как каленым железом в мозг: “Я им Цвигуна не прощу”. Кому им – как было, так и остается загадкой».

Однако нетрудно догадаться, о ком идет речь. Цвигун с 1946 года работал в Министерстве госбезопасности Молдавии. В 1952 году, когда первым секретарём ЦК компартии Молдавии был Леонид Ильич Брежнев, начинается дело Павленко, который в условиях военного времени создал собственную, неподконтрольную никому военно-строительную хозрасчетную организацию «УВСП-5». После войны Павленко установил связи с чиновниками различных рангов и учреждений, в том числе и из Министерства обороны СССР, и развернул на территории Молдавской и Украинской ССР масштабное строительство. Штаб липовой части находился в Кишинёве, так что Павленко во время парадов видели на трибуне рядом с Брежневым. Ордер за № 97 на арест Павленко в ноябре 1952 года подписал заместитель министра госбезопасности Молдавской ССР Цвигун. Некоторые считают, что Цвигун «вывел будущего генсека из-под удара». При этом с 1951 года первым заместителем председателя Совета Министров Молдавской ССР, а затем председателем СНХ Молдавской ССР был Николай Анисимович Щёлоков. С Брежневым он познакомился еще в 1939–1941 годах, когда работал председателем Днепропетровского горисполкома, а Леонид Ильич – секретарём Днепропетровского обкома компартии Украины. И вот в 1982 году возникает ситуация, когда Цвигун, знакомый с делом Павленко, реально мог обойти на государственной иерархической лестнице всесильного министра внутренних дел Щёлокова...

17 декабря 1982 года, через месяц после смерти Брежнева, Щёлоков был снят с поста министра внутренних дел в связи с расследованием фактов коррупции в МВД. Его место занял Виталий Васильевич Федорчук, который был председателем КГБ после ухода Андропова в ЦК КПСС. В ходе расследования были выявлены массовые превышения полномочий сотрудниками различных подразделений милиции Москвы, сопряжённые с причинением увечий, грабежами и убийствами, что привело к существенной смене кадрового состава МВД СССР.

Юрий Владимирович хорошо знал, что метастазы коррупции протянулись в центр из южных регионов Союза, таких, как Узбекистан, Азербайджан, Армения, Грузия – достигнув высшего государственного и партийного руководства. Уже в конце 1960-х годов специальные следственные бригады КГБ и Прокуратуры СССР выявили потоки взяток, стекавшие в ЦК компартии Азербайджана. В домах партийно-хозяйственных функционеров были обнаружены тайники, набитые золотыми украшениями и монетами, слитками драгметаллов и валютой. Здесь, как и в дружеских Узбекистане и Грузии, продавалось все: должности, звания, награды. Например, можно было купить должность секретаря райкома партии или орден Ленина. Кроме того, были вскрыты каналы, по которым вырученные средства переправлялись за границу. Отдельные нити тянулись и в аппарат ЦК КПСС в Москве.

Следует сказать, что условия для расцвета коррупции в стране и превращения партократии в неприкасаемую феодально-либеральную касту создал Никита Хрущёв, запретив органам госбезопасности собирать информацию в отношении партийных работников, начиная с уровня инструктора райкома партии. Поэтому открытую войну мафии Юрий Владимирович сможет объявить лишь в конце 1982 года, заняв кресло генсека. Но это не означает, что в 1970-е годы такая борьба не велась – тогда удар был нанесен по теневой экономике, так называемым «цеховикам».

В свое время я познакомился с начальником штаба следственной бригады Гдляна – Иванова, моим земляком Виктором Ивановичем Идоленко. Он в свою очередь познакомил меня

с бывшим старшим следователем по особо важным делам Прокуратуры РСФСР генерал-майором юстиции Борисом Ивановичем Уваровым, с которым мы встретились в последние дни уходящего 2018 года:

«— Борис Иванович, принимал ли Юрий Владимирович Андропов участие в борьбе с теневой экономикой и какова была его роль? — Влияние Андропова на уголовную политику я могу раскрыть, начиная с 1976 года. В 1975 году я стал следователем по особо важным делам и сразу был направлен в Узбекистан в бригаду Генпрокуратуры СССР, которую возглавлял старейший «важняк», ныне покойный Юрий Александрович Зверев. Надзирающим прокурором был Герман Петрович Каракозов — начальник следственной части Генпрокуратуры СССР, руководитель уголовных дел о взяточничестве в системе Министерства рыбного хозяйства СССР, «сочинского» и «краснодарского» дел, хлопкового дела, убийства на Ждановской, дел о взяточничестве и злоупотреблениях высокопоставленных должностных лиц в системе МВД СССР, крупных советских и партийных руководителей различного ранга. Вот в эту бригаду по изобличению партийно-хозяйственной верхушки — включая МВД и прокуратуру Узбекистана — меня и направили в 1975 году. Я конкретно работал по Насриддиновой Ядгар Садыковне, которая с 1970 по 1974 год была Председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Она активно боролась за единоличную власть в Узбекистане и лидерство в дележе хлопковых дивидендов с первым секретарем ЦК компартии Узбекистана, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС Шарафом Рашидовым — которого она, кстати, в 1959 году сменила на посту председателя президиума ВС Узбекской ССР. То есть она сама была его ставленницей, начиная с комсомола. И с Индирой Ганди она подружилась при участии Рашидова. И вдруг, после своего освобождения с поста Председателя Совета Национальностей ВС СССР — она стала выступать против него, имея к тому времени немалый вес среди советских и партийных руководителей. Одной из ее сторонниц была председатель Бухарского областного совета Хасанова...»

Из воспоминаний В.А. Реве, следователя следственной группы Ю.А. Зверева: «Следственная группа Прокуратуры СССР дислоцировалась в новом современном и комфортном здании МВД Узбекской ССР. Туда я и прибыл, где представился руководителям следствия — начальнику следственной части Генеральной прокуратуры Союза ССР — Каракозову Герману Петровичу и старшему следователю по особо важным делам при Прокуроре СССР Звереву Юрию Александровичу. Оба они — статные, крепкие, зрелого возраста, импозантные и представительные мужчины с внимательными и изучающими взглядами, задали необходимые в таком случае вопросы и сразу направили в группу следователя по особо важным делам при Главном военном прокуроре Ковалева Олега Илларионовича для участия в расследовании конкретного уголовного дела — по обвинению бывшего члена Верховного суда, затем старшего консультанта Министерства юстиции Узбекской ССР Абдуллаева, ранее занимавшего должность председателя Ташкентского городского суда, в получении взяток. Материалы следствия о получении Абдуллаевым взяток были выделены в самостоятельное уголовное дело № 3/47278—75 из другого расследуемого Прокуратурой СССР уголовного дела № 3/47251—75 по фактам взяточничества Председателя Верховного суда Узбекской ССР Пулатходжаева С.Х., его заместителя — Сиддикова М. и некоторых других судебных работников, в том числе и членов Верховного суда республики. Это было одно из тридцати девяти дел, расследуемых Прокуратурой Союза ССР в Узбекистане... Наш подопечный в обращении был тактичным и вежливым мужчиной, но однажды при упоминании фамилии Насриддиновой Я.С. его словно подменили. Насриддинова занимала высокий пост Председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, была вторым лицом в республике после первого секретаря ЦК КП Узбекистана Рашидова Ш.Р. Однако она была амбициозной женщиной. Сложилась ситуация, при которой, образно говоря, два медведя оказались в одной берлоге — республике. Поэтому в 1970 году она была назначена на ещё более высокую должность — Председателя Совета Национальностей Верховного

Совета СССР и переехала жить в Москву. Кроме того, по должности она стала также заместителем Председателя Верховного Совета СССР. Как-то в перерыве между допросами, в разговоре, не для протокола, речь зашла о ней, и тут нашего обвиняемого прорвало: “Она во всем виновата, власти ей, видишь-ли, ещё больше захотелось, из-за неё мы тут все и сидим”. ... Одной из подруг Насриддиновой была Абдуллаева Хакима – директор крупной швейной фирмы “Юлдуз”, дело сына которой, обвиненного в убийстве, рассматривалось в Ташкентском городском суде, председателем которого, на его беду (!), он, Абдуллаев, оказался... Денег на взятки ради спасения сына мать не жалела. По её показаниям, она дала взятки всем, от кого зависел исход дела, – следователям, судьям. Так наш подопечный оказался случайно (!) и косвенно втянутым в орбиту властных разборок... “Но почему я и другие из-за амбиций этой “бессовестной бабы” (т. е. Насриддиновой) должны сидеть?” – искренне возмущался и вопрошал считавший, что попал “под раздачу”, наш обвиняемый (в дальнейшем судом он будет осужден к длительному лишению свободы)... Так из уголовного дела № 3/47251—75, возбужденного в отношении отдельных работников аппарата Президиума Верховного совета Узбекской ССР и судебных органов, были выделены в самостоятельное уголовное дело № 3/47201—76 материалы следствия по обвинению Хасановой С.Х. Как установило следствие, Хасанова С.Х., работая с 1960 года и до марта 1972 года председателем Каганского горисполкома Бухарской области... используя своё положение систематически, путем вымогательства, получала в своём служебном кабинете от граждан города Кагана взятки за содействие в выделении им коммунальных квартир. Познакомившись в 1964 году с заведующим юридическим отделом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Муталибовым А., позднее ставшим заведующим отделом по вопросам помилования, Хасанова установила с ним преступные взаимоотношения, выразившиеся в том, что она по его предложению в период 1964–1969 годов передавала ему в служебном кабинете в Президиуме Верховного Совета республики взятки от заинтересованных лиц за обещанное содействие в помиловании их осужденных родственников... В 1963–1973 гг. Хасанова, являясь председателем горисполкома, а с марта 1972 года – начальником управления местной промышленности Бухарского облисполкома, систематически сама давала взятки Председателю Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Насриддиновой Я.С. за оказываемое ею покровительство и обещание продвижения по службе, а также за содействие в удовлетворении различных просьб. Всего Хасанова передала Насриддиновой шесть взяток деньгами и другими ценностями (золотые изделия, женское украшение “марворид” (связки жемчуга), каракулеву шкуру) на сумму 16 730 рублей. Хасановой было вменено 23 эпизода совершения таких преступлений.

...И вот меня направили на это дело, – продолжает Борис Иванович. – Мне Хасанова показала, что она давала Насриддиновой взятки, а та в свою очередь ориентировала Хасанову и других выступать на всякого рода областных совещаниях против товарища Рашидова – проводя своего рода “критика снизу”. Меня даже приглашали по этому вопросу в ЦК вместе с надзирающим прокурором Каракозовым, поскольку предполагался арест Насриддиновой».

Из воспоминаний В.А. Реве: «В то время, когда велось это расследование, многоопытный генерал – старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре Союза ССР – Любимов Ю.Д. (он вел следствие по уголовному делу в отношении руководителей и членов Верховного суда Узбекской ССР), как-то в приватном разговоре, когда зашла речь о Насриддиновой, заметил мне, что её не взять, она высоко в верхах плавает, её не отдадут. Бывалый следователь знал, что говорил. Насриддинова действительно была крупной политической фигурой в стране. Много позднее станет известно, об этом расскажет на следствии сама Насриддинова, что она тогда сумела с помощью Галины Брежневой получить доступ к её отцу – могущественному генсеку Брежневу Л.И. и заручиться его поддержкой (об этом мне рассказывал следователь, расследовавший в отношении её дело). Это помогло ей остаться при своих интересах и не разделить участь многих своих знакомых, посаженных на скамью подсудимых».

Вот с такой тотальной коррупцией – с самых «низов» и до генсека Брежнева – и столкнулся председатель КГБ при СМ СССР Юрий Владимирович Андропов.

– Причем она была повсеместной, – продолжает Борис Иванович. – Еще в 1971 году я участвовал в расследовании ряда дел, связанных с коррупцией среди работников Прокуратуры и Верховного суда в Дагестане. Было закрытое решение ЦК КПСС 1970 года о направлении туда следственной группы. На эти дела была мобилизована большая часть следователей следственной части Прокуратуры РСФСР. Я работал в бригаде Валеева Мансура Кабировича. Были арестованы заместитель генпрокурора Дагестана, председатель Верховного суда и другие. Об этом я даже написал роман в стихах:

Кавказ! Я стану на колени и помолюсь твоим горам.
Ты столько создал вдохновений – дай крылья и моим словам.
Твои ущелья и вершины, долины и Казбек седой
Воспели славные мужчины – А. Пушкин, Лермонтов, Толстой.
Но мне за ними не угнаться – им невозможно подражать.
А после них зачем пытаться твое величье воспевать.
Но есть другие ведь картины – жизнь многолика и проста,
Простите горные вершины – не вас кладу на ткань холста.
Героем этого романа стал всего-навсего баран...
Простите, горцы Дагестана ... и т. д.

– Замечательные стихи, Борис Иванович! Мы Вас охотно пригласим в Клуб творческих людей «Пегас» Ассоциации ветеранов внешней разведки.

– Спасибо, я приду и выступлю. Ведь мои фигуранты сидели в основном в Лефортово. Я знал очень многих ребят, чекистов – где они сейчас... И вот то главное дело, которым я руководил около пяти лет, создавалось именно мозгами и руками КГБ. По указанию Юрия Владимировича Андропова и за его подписью в 1975 году была создана оперативная разработка – есть её номер, название... Но поскольку следственная часть КГБ была тогда сравнительно небольшой и могла просто утонуть в волнах коррупционной стихии, то была привлечена Прокуратура СССР. Тайная разработка продолжалась примерно год. То есть уголовное дело не возбуждалось, а было возбуждено дело оперативного сопровождения. В результате этой филигранной работы чекистов была проведена операция против определенного круга дельцов – так называемых «цеховиков». История этого вопроса такова. «Цеховики» начали свою бурную деятельность в Грузии. В основном это были жители Тбилиси и Кутаиси, которые опирались на помощь криминальных авторитетов. Однако министр внутренних дел генерал-майор Шеварднадзе, пришедший к руководству Грузией в 1972 году, получил наказ Брежнева того плана, что ты там мол расплодил у себя «цеховиков»... Они по-умному вложили накопившиеся к тому времени коррупционные капиталы в наше и импортное текстильное оборудование и начали выпуск ширпотреба. В результате грузинские предприятия легкой промышленности частично производили государственную, а частично – левую, так называемую неучтенную, продукцию. Планы таким образом как правило перевыполнялись, но при этом шло разворовывание государственной продукции, которая реализовывалась преступным путем с участием работников торговли. Именно воровство – поскольку сырье было государственным. Оно получалось путем приписок – тот же узбекский хлопок – кому-то отправляли «корешки», а кому-то – «вершки»... К тому же они так научились «по-стахановски» настраивать станки, чтобы, например, вместо трех ниток пускать одну или две... И вот в разгар этой деятельности Шеварднадзе, имея наказ ЦК КПСС, вызывает руководителей соответствующих предприятий и говорит им: «Сворачиваемся, все убрать!» Легко сказать – убрать. Станки-то тоже неучтенные. Но они были куплены на собственные капиталы, не бросишь. Поэтому станки были перевезены

через Кавказский перевал и оказались в Ставропольском крае, Чечено-Ингушетии, Дагестане и по всему Северному Кавказу. Здесь снова раздали взятки, купили площади, открыли новые «цеха», поставили их на баланс Министерства местной промышленности Чечено-Ингушской АССР – опять же за взятки. И преступная деятельность – выработка и сбыт неучтенной продукции – продолжилась уже на территории России. То есть Россия была «заражена» грузинским вирусом. Поэтому за «цеховиков» с января 1975 года взялось КГБ, которое вело их оперативную разработку, то есть аудио- и видеофиксацию посетителей, прослушку фигурантов, внедрение в их среду агентов и т. д. – я знакомился с многочисленными томами этого секретного дела. А в феврале 1976 года было дано указание того же Андропова по возбуждению уголовного дела, которым занялись следователи. Одновременно в 6.00 было проведено около 120 обысков в магазинах на территории России, куда шла реализация этой продукции, в квадрате Набережные Челны – Москва – Орёл – Чечено-Ингушетия – Саратов. Обыски дали прекрасные результаты. Только обыск, проведенный в Назрановском райпромкомбинате, подтвердил многие оперативные материалы на целый ряд фигурантов. Обозначилось преступное сообщество и были вскрыты денежные потоки и распределение прибыли. Данным «цехом» владели 5–6 человек, которые были его «акционерами». Они собирались раз в месяц, обсуждали производственные вопросы, выполнение плановых заданий, проценты по «неучтенке», проводили партийные собрания. И все это записывали в тетрадки. Прикрывал их министр местной промышленности Чечено-Ингушетии.

– И что, все это они записывали?

– Да. Прямо в тетрадку пишет: министру – 500 руб., замминистра – 400 руб., начальнику цеха – 2000, главному инженеру – 1000 и т. д. Вот они все пятеро сидят, и каждый записывает в столбик в свою тетрадку своим почерком. Потом все эти тетрадки сравнили. Но главная мудрость Андропова и руководителей оперативных подразделений заключалась в том, что была дана команда на изъятие всех бумажек, включая мусор. А воровство шло как: вначале делался «большой» счет для перевозки всей продукции. Если милиция остановит – все на месте. А чтобы изъять неучтенную долю, после звонка по телефону о приемке вылетает человек самолетом, например в Саратов, и привозит «малый» счет – уже за вычетом неучтенной доли. Разница между ними и составляет украденную прибыль. Послали продукции на 150 тыс., привозят счет на 50 тыс. – прибыль 100 тыс. можно изымать. Андропов на своем уровне понимал, что это капиталистические отношения, которые внедряются в социалистическую систему и разъедают ее. «Товар – деньги – товар», «все покупается – все продается». Поэтому операция была проведена филигранно. Когда взяли директора Ачхой-Мартановского комбината – солидный мужчина, выпускник Плехановского института – то у него было японское оборудование для производства сумок и набивных платков. Он специально ездил в Павловский Посад изучать опыт, и платки отлично расходились. Когда его арестовали, у него была небольшая бумажка: Мария – 6, Магомет – 15, Иван – 10, Рамзан – 7. Его спрашивают, что это за цифры – он отказывается, мол просто так, для себя. Но одновременно провели обыск в Нальчике, а там в магазине Мария заведует универмагом. Провели обыск – а у нее в сейфе лежат аккуратно упакованные 6 тысяч и написано: «Долг Назрани». Было еще такое, что возле бухгалтера, который переписывал счета и получал за это один процент, стояла мусорная корзина, в которой были разорванные «большие» счета, уже замененные на «малые». Вначале их сжигали, но потом потеряли бдительность и стали бросать в корзину. Таким образом в одной корзине лежало несколько ст. 93 —1 УК РСФСР – хищение в особо крупных размерах (свыше 10 тыс. рублей), которая предусматривала 15 лет лишения свободы или расстрел... То есть, как мы тогда шутили, в одной корзине лежало пять «вышаков». Это к вопросу, как нужно собирать доказательства. Проведи одновременные обыски во всех точках – и доказательства у тебя в кармане. Эти правила действуют и сегодня – но почему-то пишут, что следователи разучились работать. А может, им проще иметь свою долю? Тогда одним из пяти «акционеров» был Жовкис, который имел 20

процентов. Это был опытейший трикотажник-универсал, который знал, как отрегулировать станок, чтобы сэкономить. Случилось так, этот Жовкис собрался выехать за границу. Он начал скупать антиквариат и меха и переправлять все это за рубеж через сотрудников посольства Италии в Москве, которые вывозили эти ценности по поддельным документам. Затем Жовкис продал свою долю в предприятии за 60 тыс. рублей – по тем временам миллионное состояние – Жоре Бадалову, который одновременно отвечал за охрану «цеха», безопасность «акционеров» и логистику, возил счета в Москву, Саратов и другие города. Но Жовкис был к тому времени на «прослушке» – КГБ заинтересовалось контактами Жовкиса в посольстве Италии и источниками доходов. Его взяли прямо у трапа самолета в Москве и нашли у него «на кармане» те самые 60 тыс.! Взяли, что называется, с поличным. Тут же возбуждается уголовное дело по ст. 93 прим. – которое принял к производству следователь КГБ. Поэтому, если говорить о роли Андропова в борьбе с оргпреступностью, – то она очень велика и заключается в свойственной чекистам настырности, первичной оперативности при разработке подозреваемых объектов и дотошности, филигранности произведенных обысков. Но следователей КГБ катастрофически не хватало – ведь только по нашей группе проходило 12 «акционеров». Например, одним из крупнейших реализаторов неучтенной продукции в Московской области был Магидович. Он уже арестован, с ним работают, а пакет с его обыска лежит невскрытым – не хватает рук. Магидович гонит на допросах «пургу», а в пакете лежат, как выяснилось позже, черновые записи с двух или трех поставок, включая вынутый из корзины основной счет. Когда его сравнили с имеющимся в деле подложным – Магидович сразу «раскололся». Поэтому КГБ обратилось в Прокуратуру дать им следователей. Так пришел в это дело я во главе группы из 40 следователей. По этому делу мною лично было арестовано более ста человек – одновременно производилось более 120 обысков. Я, наверное, занимаю первое место среди коллег по числу тюрем, в которых я бывал. Потому что держать эти 122 человека в одной тюрьме было невозможно – я их распасовал по всей Руси. Тюрьма в Пятигорске называлась «Белый лебедь», в Златоусте – «Златхаузен» и т. д. по всей матушке России. А ведь помимо нашей бригады, КГБ работало и в других регионах. Ведь наш производитель неучтенной продукции был не единственным. Думаете, меня не пытались купить? Всякая работа с новым дельцом начиналась с того, что он предлагал мне штук пять «Волг». А за 122 арестованных никто тебе ничего не даст – могут только организовать случайный наезд одной из этих «Волг».

– Возвращаясь к Вашему узбекскому делу – получается, что борьба с коррупцией была инициирована борьбой за власть?

– Безусловно – это и ограничивало возможности Андропова, пока он еще не проник на вершину власти. Скажем, тот же Рашидов мог позвонить Генеральному прокурору Руденко и сказать: основные задачи решены, с коррупцией справились, дело можно закрывать. А у нас проходил такой Акзамов – начальник Узювелирторга. Не его ли золото оказалось в шести 32-литровых бидонах в пустыне Кызылкум, которые Гдлян уже позднее, в 80-е годы, вынимал при поддержке оперативников КГБ? Известно, что закопал их первый секретарь Сурхандарьинского обкома компартии Узбекистана Каримов. Следует вспомнить и о золотых бюстах, и о золоте месторождений Зеравшана, из которого изготавливались неучтенные золотые изделия – все это осталось нераскрытым. Я с Акзамовым работал только как со свидетелем – сколько он давал прокурорским работникам и следователям по особо важным делам прокуратуры Узбекской ССР. А как он воровал – об этом его допрашивали другие следователи, которые работали по Узювелирторгу.

– А по какому делу у Вас работал Тельман Гдлян?

– Он работал по «цеховикам» Чечено-Ингушетии. Конкретно по реализации неучтенной продукции через магазины Саратова. Там было четыре магазина. А Иванов работал по назрановскому ткацкому цеху, занимаясь вопросами сырья для неучтенной продукции – а это наиболее сложная работа, которая требует от следователя высочайшего умения искать доказа-

тельства. Проводились экспертизы, ценные показания дала учетчица этого сырья. А само дело длилось пять лет.

– Вы говорили, что сотрудники ЦК КПСС знали о «цеховиках». Они что, прикрывали их? И где находился «мозг» теневого бизнеса, его организаторы?

– Я не могу сказать, что кто-то из ЦК руководил созданием этих устойчивых криминальных структур. Таких данных у меня нет. Но они были информированы – тот же Шеварднадзе, например.

– Борис Иванович, 17 сентября 1978 года на станции Минеральные Воды состоялась известная встреча четырёх генсеков. Ехавшие в Баку Брежнев и Черненко встретились с Горбачёвым как «хозяином» Ставрополя и находившимся там на отдыхе Андроповым. Дело в том, что умер секретарь ЦК КПСС Кулаков – бывший первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС, заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС в 1964–1976 годах. Именно он двигал Горбачёва. По некоторым данным, Кулаков был найден 17 июля 1978 года в кровати с простреленной головой. Ему было 60 лет – он был самым молодым после Романова членом Политбюро и рассматривался как возможный преемник Брежнева. На похоронах Кулакова Брежнев, Косыгин и Суслов отсутствовали – зато выступил Горбачёв, сменивший Кулакова на посту заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС, куда стекались все сводки с полей – в том числе и хлопковых... Наверняка он знал, кто и как ворует, и сколько и чего из этого получается. Но вот кто продвигал Горбачёва после смерти Кулакова – вряд ли Андропов. Скорее всего, окружение Брежнева.

– Выше я рассказывал вам эпизод Насриддиновой. Она мне сама дала такие показания: «Да, я знаю, что ставился вопрос о моем аресте. Но я обратилась к Гале Брежневой, чтобы она свела меня с отцом и чтобы отец вмешался в это дело. Мы с ней поехали на Рублёвку, встретились с Леонидом Ильичом. Он меня выслушал – что проводятся обыски, был арестован председатель Верховного суда Узбекистана – ее друг, которому она, кстати, как и Хасановой, давала указания выступать против Рашидова. Уже был арестован Джумабаев, директор крупнейшего хлопкоочистительного завода, продукция которого (хлопковое волокно, хлопковый линт и волокнистые отходы) шла на производство искусственной кожи и клеенки, используемых «цеховиками». Джумабаев был арестован за взятки, которые он давал за сына, который совершил зверское убийство. Там была ст. 102 – умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, до 15 лет или высшая мера, поскольку были множественные ножевые ранения. Джумабаев показал, кому и сколько давал – первому секретарю, второму секретарю, председателю Верховного суда. Но мне сказали – пока подожди с расследованием. А это «пока» случилось после визита Насриддиновой к Брежневу. И дали команду – Насриддинову не трогать». Вот вам и клан Гали.

Выходит, что под эгидой борьбы за власть открывались и закрывались дела о коррупции, создавались и сталкивались преступные группировки. Из-под асфальта нашей советской действительности, ломая его, росли мощные деструктивные силы капиталистического предпринимательства, которые пробивали этот асфальт – для них нужен был сталинский бетон. Ведь они уничтожали творческую инициативу масс в стране победившего социализма, передавая ее кучке криминальных дельцов, которым нужно было хапнуть «здесь и сейчас» – а потом хоть трава не расти. Так и вышло после вхождения страны в рынок – у «эффективных менеджеров» мозгов хватило лишь на перестройку «трубы» и торговлю сырьем...

Я помню, как примерно в 1983 году Николай Владимирович Губернаторов – до 1982 года помощник Андропова, перешедший затем в Высшую школу КГБ, – подарил мне книгу Лазаря Карелина «Змеелов». Случайность? Но Николай Владимирович был весьма информированным человеком и следователем по профессии. Во всяком случае, роман Карелина был написан еще в 1981 году и, очевидно, являлся своего рода «утечкой», призванной подготовить общественное мнение к назревшим переменам.

Нужно сказать, что уже первые страницы «Змеелова» повергли меня в шок. Я и не предполагал, что живу в обществе, где во всю заправляют воротилы теневого бизнеса, воры в законе, казнокрады и бандиты. Бывший директор крупного гастронома Павел Шорохов, вернувшись из мест заключения, после которого он еще год проработал змееловом в Туркмении, временно поселяется у «крёстного отца» столичной торговой мафии Петра Котова, владельца списков участников системы передвижения неучтённых товаров по Москве. Умирающий от саркомы Котов передаёт Шорохову тетрадь с зашифрованными записями нелегальных товарных сделок в торговой сети столицы.

«Павел наклонился над Петром Григорьевичем... Даже умирал этот человек, не пуская себя в крик, хотя его грызла, пожирала боль. Этот человек был тёмным дельцом, он так распорядился своей жизнью, так её прожил, а не иначе... Он умирал, никакой доброй не оставляя по себе памяти. Он умирал, ничего не находя для себя в утешение...

– Тетрадь... – произнес он невнятно. – Возьми... Ты поймешь...

Зашевелились губы Петра Григорьевича, невнятное дуновение слов коснулось Павла:

– Сына жаль... Жену... Деньги ничего не решают... Обман... – Он устал, смертельно устал, он отпускал себя. Он сказал напоследок, но Павел не сумел понять что. Короткое что-то: «Будь... Бить...»

Это был вовсе не дефицитный товар, не всегда дефицитный, но его было много, всегда много. Вагоны, машины, контейнеры... Серьёзные мужички стоят за этими буквами, оборотни. Волки, прикинувшиеся колобками. Павел начал писать, раздумывая, медленно выводя каждое слово: «В этой тетради прослеживаются воровские операции, прослеживается движение неучтённых товаров. Ключ к расшифровке всех схем – на странице восемнадцатой. Там заглавная буква “М.” получает имя: Митрич. Это – Борис Дмитриевич Миронов, заместитель директора рыбного магазина, знаменитый в Москве. Эту тетрадь передал мне, умирая, один из участников махинаций. Он многое знал, изнутри ему было легче всё разгадать. Когда всё размотаете, пощадите имя Петра Григорьевича Котова... Своей подписи я не ставлю, но это не анонимка. Через год я к вам сам приду. Хватит вам года, чтобы размотать?»

Когда Павел вышел из прокуратуры и шел через двор, его окликнули. «Павел ударил. От всей души, от всей своей ярости, взорвавшейся в нём. Попал... Попал и свалил. Второй замешкался, не ждал, что этот пижон все так умеет. Павел ударил его левой. Попал, но не очень сильно. Ярость ушла на первого. Но... он забыл оглянуться. Он успел только увидеть еще одного, еще такого же, как те двое. Этот человек легко дотронулся до него, чуть ожег ему чем-то не больно бок и отпрыгнул, побежал. Падая, Павел увидел Лену, ее побелевшее лицо с громадными глазами. Это она крикнула, это она спасала его. Он понял, что его ударили ножом, хотя боли не было.

Лена упала возле него на колени.

– Павлик, родненький! Я тебя выхожу! Я тебя не отдам! Господи, помоги мне! Люди, помогите!

– Не плачь, Лена, не плачь, – сказал Павел и улыбнулся ей. – Змееловы... народ... живучий...»

Юрий Константинович Соколов, директор самого крупного в стране гастронома № 1 «Елисеевский», исправно снабжал отборными деликатесами партийную верхушку и творческую, научную, военную элиту страны. Он стал в Москве великой силой. Ему стало доступно всё. В 1983 году его арестовали. В поле зрения чекистов УКГБ по Москве и Московской области, установивших в его кабинете оперативно-технические средства аудио- и видеофиксации, попали многие высокопоставленные лица, а также то, что по пятницам к Соколову прибывали директора филиалов и вручали ему конверты. Еще до окончания следствия по делу Соколова начались аресты директоров крупных столичных торговых предприятий. Первыми арестовали директора столичного «Внешпосылторга» («Березка») Авилова и его жену – которая, кстати,

оказалась заместителем Юрия Соколова в «Елисейском». Всего в системе Главного управления торговли Мосгорисполкома (Главторга) начиная с лета 1983 года к уголовной ответственности были привлечены более 15 тысяч человек во главе с его бывшим начальником Николаем Трегубовым. 2 июня 1983 года был арестован заместитель начальника Главторга А. Петриков, следом за ним – директор Куйбышевского райпищеторга М. Бегельман, директор гастронома «ГУМ» Б. Тверетинов, директор гастронома «Новоарбатский» В. Филиппов, директор торгового «Гастронома» И. Коровкин, директор «Диетторга» Ильин, начальник отдела организации торговли Главторга Г. Хохлов, начальник Мосплодоовощпрома В. Уральцев и директор плодово-овощной базы М. Амбарцумян, а также многие другие. По показаниям только 12 обвиняемых, через руки которых прошло взяток на сумму более полутора миллионов рублей (гигантская по тем временам сумма – за 10 тыс. рублей давали «вышку»), можно представить себе общий масштаб коррупции в стране.

Судебный процесс по делу Соколова был быстрым и закрытым. На суде Соколов с легким сердцем сдал всех – извлек из бокового кармана пиджака свою заветную тетрадку и зачитал имена и суммы... Однако это не спасло ему жизнь. Не спасло и то, что он был фронтовиком и орденосцем. Коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР признала Соколова виновным по статьям 173 часть 2 и 174 часть 2 УК РСФСР (получение и дача взятки в крупном размере) и 11 ноября 1984 года приговорила его к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества. Его заместитель И. Немцев получил 14 лет, А. Григорьев – 13, В. Яковлев и А. Коньков – по 12, Н. Свежинский – 11.

Как и Соколов, к расстрелу был приговорен директор плодово-овощной базы Мхитар Амбарцумян. Суд не нашел смягчающими такие обстоятельства, как участие Мхитара Амбарцумяна в штурме Рейхстага и в Параде Победы на Красной площади в 1945 году. Не дожидаясь суда, покончил с собой директор гастронома «Смоленский» Сергей Гарегинович Нониев. Все остальные руководители торговли и директора крупнейших магазинов получили реальные сроки.

Автор нашумевшей книги «Интимная жизнь Москвы» Анатолий Рубинов, который 33 года вел отдел социально-бытовых проблем «Литературной газеты», писал, что Соколов, законченный в наручники, свои последние шаги со второго этажа суда, а потом – к зеленой машине с решетками вместо окон – делал тяжело, словно разучился ходить, словно бы и на ногах были металлические цепи. Когда машина стала выбираться из двора, какой-то очень похожий на Соколова мужчина – по всей видимости, брат – крикнул ему вдогонку:

– Юра, прощай!

А какая-то молодая женщина:

– Юра, до свидания!

Свидания не было. Приговор привели в исполнение.

Начальник московской торговли Николай Трегубов, через которого проходили основные «транши» взяток, получил высшую меру, замененную на 15 лет тюрьмы. Когда-то блистательный человек среднего возраста, начинавший свою трудовую жизнь учеником повара, он вернулся из заключения жалким стариком.

Официальные сообщения об арестах в среде торговой и партийной мафии, погрязших в роскоши и барстве высокопоставленных чиновников большинство населения страны встречало с ликованием. Артём Тарасов вспоминал позднее, как однажды он попросил дочь первого секретаря Московского горкома партии Гришина Ольгу помочь ему «купить в их специальном, закрытом для общей публики магазине такой же костюм, который был на её мужа. Ответ оказался неожиданным и очень поучительным.

– Знаете, Артем, – сказала Гришина, – я уже лет двадцать не была ни в одном магазине в Союзе. У нас есть специальная трехсотая секция на Кутузовском проспекте. Там нам дают

разные западные каталоги. Я их листаю и, если что-нибудь понравится, просто подчеркиваю. А через несколько дней мне все это приносят...

Я понял, что мы с Гришиной живем на разных планетах и больше мне не стоит задавать таких вопросов».

Но разве не сказано, что «никто не может служить двум господам: Богу и мамоне» (Матф. 6: 24). Как может часть общества оторваться и улететь на другую планету? Пусть уж лучше плывет на архипелаг, не столь отдаленный... Было видно, что народ буквально истосковался по порядку и даже массовые отловы на улицах советских городов празднующихся граждан не могли уже подорвать доверия людей к генеральному секретарю ЦК КПСС Юрию Владимировичу Андропову. Люди видели, что в укреплении дисциплины, наведении порядка новый генсек строго спрашивает со всех, невзирая на прошлые заслуги и занимаемые посты. Были сняты с министерских должностей многие запятнавшие себя руководители, в том числе транспорта, черной металлургии, строительства. Та же участь постигла и всесильного при Брежневе заместителя Председателя Совета Министров СССР Игнатия Трофимовича Новикова – 20 июля 1983 года он был снят со всех постов.

Для многих советских людей коррупция и кумовство отождествлялись с именем первого секретаря ЦК компартии Узбекистана, обладателя десяти (!) орденов Ленина, дважды Героя Социалистического Труда Шарафа Рашидова. Он был крёстным отцом «хлопковой мафии». Андропов позвонил Рашидову и спросил его – насколько будет выполнен план по хлопку. Тот начал было с привычных победных реляций, но Андропов оборвал его: «А насколько эти цифры дутые?» Этот разговор стал началом конца эпохи Рашидова. 31 октября 1983 года Рашидов умер, находясь в поездке по республике, по другим сведениям – застрелился.

Именно Андропов направляет в насквозь коррумпированный Узбекистан следственную бригаду Гдьяна – Иванова, в составе которой работало 200 лучших следователей страны. От начальника штаба бригады и моего земляка Виктора Идоленко, которого узбекские мафиози окрестили «Белый Шайтан» за умение читать мысли подследственного, я знаю, что замысел Андропова состоял в том, чтобы вырезать сегмент из многослойного пирога под названием «Советский Союз» и промоделировать на нем коррупционные связи по вертикали и горизонтали – включая кремлёвский след. Успех бригады был ошеломляющим – мы поговорим о нем в последней главе этой книги. Здесь же отметим, что после того, как следователи вышли на ЦК КПСС, старший советник юстиции Гдьян был обвинен в злоупотреблении властью и превышении полномочий, а бригада разгромлена.

Но это уже позднее – в годы перестройки. А в рамках проводимой Андроповым чистки был снят со своего поста первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, друг Брежнева и хозяин «кремлёвских пляжей» Сергей Медунов – затем, после предъявленных ему обвинений в коррупции в связи с Сочинско-Краснодарским делом, он был выведен из состава ЦК КПСС с убийственной формулировкой: «За допущенные ошибки в работе». В ноябре 1984 года с должности первого заместителя министра внутренних дел был снят зять Брежнева генерал-полковник Юрий Чурбанов – позднее его арестовали по подозрению в коррупции по «узбекскому делу» и осудили на 12 лет.

За министром внутренних дел Щёлоковым и его семьей значились многотысячные расстраты, нарушения служебной и финансовой дисциплины. Щёлокову ничего не оставалось, как внести в кассу министерства 124 тысячи рублей и вернуть присвоенные после московской Олимпиады автомобили. Что же касается результатов финансовой проверки, то новый министр МВД генерал армии Виталий Васильевич Федорчук, возглавлявший до этого КГБ СССР, поступил с ними согласно установленному порядку: направил их в распоряжение Главной военной прокуратуры. 13 декабря 1984 года Николай Анисимович Щёлоков застрелился из охотничьего ружья. По свидетельству его дочери, мозги разлетелись по всем стенам...

В жизни Юрий Владимирович Андропов отличался каким-то особым аскетизмом, был нетребовательным в быту, бескорыстным и честным. В тот роковой вечер, 19 февраля 1983 года, он вошел в лифт 5-го подъезда дома № 26 по Кутузовскому проспекту, где жили Брежнев, Андропов и Щёлоков. Неожиданно рядом оказалась супруга последнего Светлана Владимировна. Андропов пристально посмотрел ей в глаза и нажал кнопку своего этажа. Как только лифт начал подниматься, раздались выстрелы. Когда лифт остановился на шестом этаже, Андропов дополз до двери своей квартиры и вызвал охрану. А Светлану Щёлокову нашли в её квартире этажом ниже. Она застрелилась.

Так это было или нет – вряд ли мы когда-нибудь узнаем. Фактом остается лишь то, что осенью 1983 года состояние здоровья Юрия Владимировича Андропова резко ухудшилось. Умер последний советский змеелов 9 февраля 1984 года.

Русская распутица

*А без меня, а без меня,
И солнце б утром не вставало, —
И солнце б утром не вставало,
Когда бы не было меня.*

Лев Ошанин

В 1970 году мы получили квартиру в московских Раменках. Тогда здесь еще не было ни Мичуринского проспекта, ни Олимпийской деревни, ни здания Московского учебного центра (МУЦ) Высшей школы КГБ СССР имени Ф.Э. Дзержинского (ныне Академия ФСБ). Район был довольно шпанистый, в бараках и даже деревенских избах жили бывшие строители МГУ на Ленинских горах. Но были и наши – строители подземного резервного комплекса для управления страной на случай ядерной войны. Строился этот комплекс, как и наш дом, силами 15-го главного управления КГБ СССР. Начальник этого управления, генерал-лейтенант Владимир Николаевич Горшков имел статус заместителя Председателя КГБ СССР. Его внучка, актриса Аня Горшкова, сейчас достаточно известна – например, по главной роли в морской мелодраме Станислава Говорухина «Пассажирка». Помимо сотрудников 15-го Главка в нашем доме жили разведчики, контрразведчики и пограничники – например, в нашем подъезде жил заместитель командующего Пограничными войсками КГБ СССР контр-адмирал Николай Николаевич Козорезов. С его дочерью Леной мы дружим до сих пор. Так что бывали и торжества, и застолия – но за эти прошедшие полвека я ни разу не слышал ни от кого из соседей даже простого упоминания о своей работе.

Начало 70-х годов запомнилось мне прежде всего повальным увлечением рок-музыкой. На этом фоне монотонное пение штатных советских исполнителей типа Кобзона, Лещенко, Зыкиной или Магомаева откровенно раздражало – я их и сейчас недолюбиваю. В школах тогда западную музыку еще не играли – зато папа как-то взял меня на лекцию о современной музыке для слушателей Высшей школы КГБ на Ленинградке. Лектор сразу сказал, что его предупредили – западный балаган не жалеть. Однако он все больше увлекался, входил в раж, рассказ сопровождался прослушиванием прекрасных стереозаписей. Вначале речь шла о джазе, затем перешли на Элвиса Пресли – и вдруг из колонок грянули битловские «Can't Buy Me Love». Воспринималось это примерно так:

В Ливерпуле в ночном клубе, в черных пиджаках,
Стоят четыре фраера с гитарами в руках, —
– А кто не знаааает! кто не лююююбит!
в Англии битлóв!
О-о битлооооов,
в Англии битлов!
Вот стали б́тлы выступать, раздался страшный крик (ааааа!)
Все стали все крушить-ломать, разбили в тот же миг.
– А кто не знаааает! кто не лююююбит!
в Англии битлов!
О-о битлооооов,
в Англии битлов!
А вот кружится Джон Ленно́н, за ним Джордж Харриссо́н, —

(ударение на последнем слоге)
Они энергию свою людям передают.
– А кто не знааааает! кто не лююююбит!
в Англии битлов!
О-о битлооооов,
в Англии битлов!
Опять контора на замке, опять кого-то бьют.
И юбки рвутся, швы трещат, а бйты все поют:
– А кто не знааааает! кто не лююююбит!
в Англии битлов!
О-о битлооооов,
в Англии битлов!
Любовь не куууупииииш! Куууукиииииш!
Это каждый скажет вам!
Любовь не куууупииииш! Нет-нет-нет —
Нееет!

Отправляясь в пионерлагерь от Клуба имени Дзержинского на Лубянке, мы уже везли с собой битловские бобины и пластинки, крутили их в радиорубках и на танцах, хотя вожатые пытались настаивать на более лояльных «Весёлых ребятах», «Скальдах» или Ободзинском. Но куда там – если ты, скажем, сотрудник райаппарата, а у пионера отец – заместитель начальника резидентуры в Дании или Канаде.

Летом 1972 года первую смену мы провели с моим другом Андреем Иванцовым на море в элитном лагере Министерства обороны «Чайка» в Евпатории по приглашению его родителей. На вторую смену я поехал в любимую «Лесную заставу» – пионерлагерь ХОЗУ КГБ под Рузой. Вскоре там появился приехавший из Западного Берлина Андрей Габелко – его отец был начальником немецкого отдела ПГУ КГБ СССР. Андрей привез кучу хипповых шмоток и список из 100 лучших рок-групп по версии журнала «POP». Первые места в нем занимали Deep Purple, Led Zeppelin, Black Sabbath и Uriah Heep – что-то мы поймали на «Спидоле», но когда я после смены послушал их в хорошем качестве у Андрея дома на 3-й Фрунзенской, то был потрясен настолько, что достал себе маленький японский кассетник STANDARD SR-T115 в чехле, засовывал его под школьную форму, наушник продевал через рукав и ладонью прижимал к уху – и в тот момент, когда учительница литературы Светлана Ивановна объясняла сюжетные перипетии тургеневских «Отцов и детей», я наслаждался цеппелиновской «Stairway to Heaven»:

Эта леди твердит:
Злато всё, что блестит,
И она купит лестницу в небо.
Стоит слово сказать —
И свое можно взять
В час, когда не достать даже хлеба.
Я смотрю на закат,
И на сердце тоска,
И рыдает душа, рвясь на волю.
Наяву, как во сне,
Кольца дыма в листве,
Голоса и глаза с давней болью.
Ooh, it makes me wonder,

О, как это странно.
В самом деле странно.
И на извилистом пути
В тених нам душу не спасти.
Там леди светлая идет,
Она покажет нам вот-вот
Свой золотой небесный свод,
И если слух не подведет,
Тебя мелодия найдет,
Чтоб мир единство вновь обрел:
Уж лучше рок, чем просто ролл!

(Перевод В. Бойко)

Естественно, что после таких баллад ответ у доски, если вдруг вызывали, особенно на истории с географией у Аркадии Константиновны Лишиной, с которой мы дружны до сих пор, выглядел как у Евгения Леонова в «Большой перемене»:

– Еще в середине 19 века Германия была аграрной страной. Узкие улицы... Картина менялась... Рост капитализма...

– У Круппа работают... в 1845 году... 122 человека.

– В 1900... В 1871 году у Круппа работает 16 тысяч человек.

– 1913 год – у Круппа работает 18 тысяч двести человек.

– Сэр Джонс, ваша карта бита! Сдавайтесь...

– Товарищ майор, нарушитель скрылся...

– Что с Вами?

– Научный метод, научный метод... Записал на корку!

– Хм... Ну, продолжайте!

– Товарищ Иванов, заставу – в ружьё, немедленно вызывайте вертолёт!

– Да? И что дальше?

– Температура... воды в Прибалтике – плюс восемь...

– Спасибо. Садитесь. *(Смех в классе.)*

Но хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. Когда понадобилось послать кого-то на олимпиаду по математике, выбор, тем не менее, пал на меня. В РОНО всех рассадили по одному, раздали задания. Взглянув на задачи, я решил действовать по-другому – позднее я узнал, что данный метод называется агентурным. Присмотрев впереди и сзади себя двух явных вундеркиндов, я предложил им обменяться решениями. Они с радостью согласились. То же самое я проделал и еще с несколькими соседями. В итоге у меня на руках оказалось больше всех решенных задач, хотя сам я не решил ни одной. Затем меня послали на городскую олимпиаду, где я закрепил свой метод. В итоге, когда в РОНО мне вручали дипломы победителя, я думал про себя что-то типа: «Вот так рождаются Штирлицы».

Учителя были в полном восторге и даже разрешили нам сыграть на школьном вечере рок-н-ролл типа:

А муха тоже вертолет,
Но без коробки передач,
А по стене ползет пельмень,
И все коленки в огурцах,
Он деревянный как кирпич,
Он волосатый как трамвай.
А кому какое дело,

Может, он из контрразведки?

В конце августа 1973 года я вернулся в Москву и решил зайти в школу узнать расписание уроков, а заодно и посмотреть списки – в 9-й класс брали не всех, после весенних экзаменов многие отсеялись. Кто ушел в техникум, кто в ПТУ – а Гена Крысин, например, в школу олимпийского резерва на метро «Октябрьская». Через три года, в 1976 году, он станет серебряным призером Олимпийских игр в Монреале по спортивной гимнастике – и это при том, что он раньше других, еще в 6-м классе, начал курить и носил очки.

На школьном дворе как всегда было много раменской шпаны, то есть жителей бараков и деревенских. Я сразу увидел Серёжку Гребнева, моего друга и соседа по парте, который тоже был раменским, знал всех местных авторитетов и «королей», был прекрасно сложен и великолепно дрался, хотя не стремился жить по понятиям и явно выделялся интеллектом. Замечу, что раменские были серьезной силой и фактически явились предтечей солнцевской группировки.

Пожав руку Серёге и обменявшись приветствиями со стоящими чуть поодаль еще несколькими одноклассниками, в том числе Вовиком Самарёвым и Витьком Афониным, тоже очень жесткими «пацанами», я потянулся за сигаретами – и в этот момент почувствовал на себе чей-то взгляд. Это не был обычный взгляд, так как я почти физически ощутил направленный в область темечка незримый пучок энергии. Резко повернувшись, я увидел, что к нам приближается незнакомый чувак – невысокого роста, в джинсах, с длинными прямыми салеными волосами, округлым улыбочиво-мягкотелым угристым лицом и не по годам густой растительностью. Но главное, что меня поразило – это глаза. Глубоко посаженные, тёмно-синие и очень пристальные, они как бы впивались в тебя и проникали до печенок. Чувак явно не был «пацаном» – да и на русского не слишком смахивал. В какой-то момент взгляд его потемнел, – и в тот же миг я почувствовал невероятное облегчение, какую-то симпатию к этому странному чуваку в вельветовых джинсах, в висках радостно застучало: «Есть только миг между прошлым и будущим...»

Лишь спустя годы я понял, что это были глаза Распутина, которые как бы смотрели на меня из моего тюменского детства, отражаясь во взгляде незнакомца и возвращаясь ко мне, гипнотизируя и завораживая. Сейчас у меня не осталось никакого сомнения, что именно я замкнул эту «машину времени». А точнее – «адскую машинку», которая еще ахнет...

В принципе, по понятиям местной шпаны, подобное появление среди местных не должно было сулить чужаку ничего хорошего – его могли просто отвести за угол и популярно объяснить, «с чего начинается Родина». Однако, к моему удивлению, Вовик и Витек, а также подопешедшие Маркиз и Картона заулыбались и дружески похлопали хиппаря по плечу:

– А, Валя, привет!

Как выяснилось, моего нового одноклассника звали Валя Юмашев. Он жил вместе со своей мамой в Переделкино и каким-то образом оказался в нашей школе. Мы с ним сразу подружились на почве Beatles и Rolling Stones, сидели за соседними партами и уже через несколько дней в Матвеевском овраге он показал мне конверт, на котором было написано: «Для Вали. Чуковская». Тогда я еще не знал, что в доме Лидии Чуковской жил опальный Солженицын...

Вскоре после начала занятий мы узнали о событиях в Чили, где 11 сентября 1973 года на военных радиочастотах было передано: «В Сантьяго идёт дождь» (Llueve sobre Santiago). Это был пароль к началу военного переворота, в результате которого было свергнуто правительство Народного единства Сальвадора Альенде, и к власти пришла военная хунта во главе с главнокомандующим сухопутными войсками генералом Аугусто Пиночетом. Переворот начался ранним утром, когда корабли ВМФ Чили, участвовавшие в совместных с ВМФ США манёврах «Унидес», проходивших у берегов Чили, обстреляли порт и город Вальпараисо. Высадив-

шийся десант захватил город, штаб-квартиры партий, радиостанции, телецентр и ряд стратегических объектов. В 1998 году Агентство национальной безопасности США рассекретило документы по «проекту FUBELT» – целому ряду операций ЦРУ, направленных на свержение Сальвадора Альенде. В 6.30 мятежники начали обстрел и штурм президентского дворца «Ла Монеда» в Сантьяго с участием танков и авиации. Президент Альенде отказался сдаться. Когда фашисты ворвались во дворец, он выстрелил в себя из автомата Калашникова, подаренного ему Фиделем Кастро.

Стадионы Сантьяго путчисты превратили в концлагеря, где без суда и следствия пытали и расстреливали сторонников левых сил. Именно в таком концлагере был зверски убит известный поэт и музыкант Виктор Хара. Коваными сапогами ему раздробили пальцы рук – в отместку за его революционные песни, потом сломали руки, пытали током, а затем расстреляли, выпустив в него 34 пули.

Уже через несколько месяцев к нам в школу приехали чилийцы, молодые ребята, спасшиеся из пиночетовских застенков. Школьный актовый зал был набит битком, все сидели. Когда чилийцы запели *Venceremos*, сидевший рядом со мной Валя Юмашев шепнул мне: «Это же гимн, давай встанем!» И вот из всего зала мы двое встаём и начинаем подпевать. Сначала на нас смотрят как на сумасшедших, но потом и директриса Антонина Ивановна, и любимая завуч Эльза Алексеевна, и ученики встают и начинают петь. Мы с Валькой чувствовали себя так, как будто оказались в одном строю с товарищем президентом Альенде и мужественными защитниками революции.

Ровно через двадцать лет, такой же холодной осенью 1993 года, мы с Валею окажемся уже по разные стороны баррикад – он будет в свите Ельцина, подписавшего грубо нарушающий Конституцию Указ № 1400 и тем самым совершившего при поддержке США и российских военных государственный переворот по той же схеме, что и Пиночет. Точно так же, как в 1973 году в Сантьяго, озверевшая солдатня и омовцы будут расстреливать из танков защитников Белого дома, насиловать их на превращенном в концлагерь стадионе «Красная Пресня», ломать им руки и ноги и волочить к расстрельной стенке.

В начале 2011 года страницы желтой прессы облетела сенсационная новость: основным владельцем делового центра «Москва-Сити», выросшего как из-под земли прямо напротив Белого дома, стал Валентин Юмашев! Если верить первоисточнику, экс-главе президентской администрации Юмашеву принадлежит половина башни «Imperia Tower». Более того: он приобрел еще 46 процентов компании «Сити» у своего зятя – миллиардера Олега Дерипаски, который считался владельцем ОАО «Сити», управляющего деловым центром и выступающего техническим заказчиком строительства дорог, энергосетей и коммуникаций. Владеет названными активами кипрский оффшор с говорящим названием «Valtania», то есть «Валя + Таня». Как поётся в песне Маши Васнецовой:

Я ходила, я искала
По могилам, по гробааааам!
Я скакала, я скакала
По костям, по костям!
И нашла, и нашла, и нашла-а-а-а-а-а-а-а-а
Одуванчики, одуванчики
Любят девочки, любят мальчики.
Одуванчики, одуванчики
Где же ручки ваши и пальчики?!

Вот о чем думалось мне, когда я, глядя на построенный на костях безвкусный новодел, вспоминал тот школьный вечер и раздробленные пальцы Виктора Хары...

Вообще мы с Валькой очень дружили, особенно когда завучем в школе стал Олег Всеволодович Лишин – один из теоретиков поискового движения, человек очень известный и необычайно увлеченный. Вместе с ним мы создавали клуб «Дозор» – один из форпостов коммунарского движения в стране, понимая коммунарство как возрождение утраченных традиций комсомольцев 20-х годов, очищенных от формализма и показухи советской бюрократии застойных лет. Именно Лишин познакомил нас с легендарными руководителями странички «Алый парус» в газете «Комсомольская правда» Валерой Хилтуненом и Юрой Щекочихиным, и мы фактически уже с 9-го класса работали внештатными корреспондентами. Захаживали мы и на передачу «Ровесники» в Государственный Дом радиовещания и звукозаписи на улице Качалова. В записи этой передачи, которая выходила на Всесоюзном радио, участвовали старшеклассники, а вел ее Игорь Васильевич Дубровицкий. На праздники здесь устраивали танцы, и он приносил из соседней студии неплохие пластинки. Мне запомнилось, как на 8 Марта слушали альбом Led Zeppelin III с заглавной Immigrant Song.

Бывая у Вальки в Переделкино, где его мама выполняла обязанности секретарши и экономки в доме Лидии Чуковской, я обнаружил, что событием года здесь был вовсе не военный переворот в Чили. Здесь все вертелось вокруг подготовки к изданию рукописи Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Я частенько ездил в Переделкино вместе с Валею после уроков – десять минут через овраг до станции Матвеевская и еще столько же на электричке до станции Переделкино, а там прямо через кладбище мимо могилы Корнея Чуковского – и мы на месте. Зимой 1973/1974 года в доме Чуковской жил Солженицын, и я помогал Вале по хозяйству – в частности, за нами была заготовка угля в сарае. Углем тогда отапливались дома в поселке. Лидия Чуковская боготворила Солженицына и считала его своим духовным отцом. При этом он постоянно сидел в своей комнате в плетеном кресле около приёмника «Telefunken» и слушал «Голос Америки».

В декабре 1973 года в Париже вышел «Архипелаг ГУЛАГ». Первым об этом мне поведал Валя, глаза его светились от восторга. Я тогда не придавал этому особого значения – меня больше занимало, где достать последний альбом Led Zeppelin «Houses of the Holy» того же 1973 года. А тюремно-лагерный фольклор представлялся мне чем-то вымученно пошлым. Другое дело сейчас. Сегодня Солженицына изучают в школах и называют русским классиком. А осенью 2018 года ему даже открыли памятник – в центре Москвы, недалеко от дома моего друга Валерия Юрьевича Киселёва, ныне секретаря Союза писателей России, полковника запаса, ветерана группы специального назначения КГБ СССР «Вымпел». Когда мы заговорили с ним о Солженицыне, он показал мне свою рукопись, которую начал задолго до этого, изучая творчество Солженицына в... тюремной камере. После некоторых раздумий я написал предисловие к этой рукописи «Очерк по итогам открытия памятника А.И. Солженицыну в Москве. Опыт художественного исследования в 2018 году писателя В. Киселёва книги Александра Исаевича Солженицына “Архипелаг ГУЛАГ 1918–1956”» и опубликовал ее в газете «Завтра» под заголовком «Расколотый материк».

Как пишет Валерий Киселёв, «Солженицын и есть один из тех главных генералов, победивших Советский Союз. Генерал Идеологических войск. У меня с Александром Исаевичем... много общего, несмотря на полную, кажущуюся, несхожесть... Он и я воевали; он и я были в эмиграции за пределами России; он и я сидели в тюрьме; он и я писатели...»

Но Валерий Киселёв, как человек военный, да к тому же еще и чекист, сразу подмечает главную нестыковку в изложении Солженицына, который пишет: **“Вооружённых наших соотечественников, поднявших оружие против своей Родины... было не менее 800 тысяч! 800 тысяч советских граждан входили в боевые организации, целью которых была борьба против советского государства...”** А это означает одно: «На советское государство действительно напала внутренняя контрреволюция. И государство защищалось с помощью спецслужб НКВД, СМЕРШ и патриотически настроенных граждан, которых называли

обидным словом “сексот”. Может быть, надо было сдаться? Чего это вдруг государство решило защищаться... Да, и ещё по поводу количества всех репрессированных. Солженицын приводит какие-то невообразимые цифры – миллионы... А у меня засела в голове цифра из недавно раскрытых архивных данных: всех приговорённых к исключительной мере (расстрелу) за период с 1919 до 1953 года было 600 тысяч... Как вам такая цифра? Конечно, цифра огромная. Но – эта цифра с поля боя, где и одни, и другие воюют не на жизнь, а на смерть».

А чуть раньше Солженицын рассказывает о хорошем парне, с которым они вели долгие политические беседы в камере на Лубянке – Ю. Евтуховичем. Оказывается, этот друг-сокамерник – один из преподавателей школы абвера, трудился в ней аж два года и забросил в советский тыл сотни диверсантов: «Он – кто? Невинно репрессированный? Герой, заблудившийся за кого воевать? Ведь для таких, как Евтухович и ещё 800 тысяч явных врагов, власовцев, и строился ГУЛАГ – ещё до нападения фашистов на СССР...»

Кроме того, «занятно, что Солженицын категорически отрицательно настроен против повести Михаила Шолохова “Судьба человека” (ниже я расскажу почему. – А. В.). Для всех нас известная история пленного Ивана Соколова и его побега... Так вот: Александр Исаевич говорит: **“Чушь, выдуманная полностью галиматья, которой в СССР быть не могло... Ивана должны были посадить в ГУЛАГ и на этом – вся правда жизни...”**»

В результате «главное различие моей позиции и позиции Солженицына – в том, что Александр Исаевич утверждает: “Сталин виноват в том, что, борясь за Советскую власть против шпионов и врагов, он заодно уничтожил тысячи невинных, чтобы поймать и наказать одного реального врага!” Если это так, то это ужасно! А если на тысячу врагов было несколько случайных и невинных?... Поэтому книга из художественного повествования превращается в публицистику, исследование. И, следовательно, на первое место выходят факты, цифры, правда реальных событий, а не вымысел автора и тюремно-лагерный фольклор. Но автор “Архипелага” по-прежнему убеждает всех, что советский народ находился в большевистской неволе: в городе мол рабский труд на заводах и фабриках, в деревне – колхозный плен, трудодни, полный беспредел НКВДешников. Солженицын уверяет, что этот народ был готов взять в руки оружие во время войны с фашистами и восстать против советской неволи... Кстати, на это рассчитывал и Гитлер... Проблема в том, продолжает Солженицын, что Гитлер недостаточно опирался на предателей режима СССР. “Не разглядел! – говорит Солженицын, – а то бы Сталин проиграл...”»

Это уже измена. Личность Солженицына трансформируется настолько, что «во время войны против страшного врага у него в личных вещах органы госбезопасности находят тезисы планов Троцкого по свержению власти, рассуждения в письмах к товарищу, что нами управляют неправильно, жертвы огромные в войне... Ну кому, как не капитану артиллерии, со своей позиции недалеко от деревни Глуново виднее, как управлять фронтом и государством...»

Но оказалось, что позиции возле деревни Переделкино очень даже подходят, чтобы управлять государством. 12 февраля 1974 года Валя влетел в класс с дикими глазами и сходу сообщил мне, что Александра Исаича арестовали чекисты. А надо сказать, что, несмотря на нашу дружбу, он не знал, что мой отец работает в КГБ – более того, в непосредственном окружении Андропова. По словам Вали, прощаясь, Солженицын оставил ему свой «кожушок» – длинный овчинный тулуп до пят. Сразу после уроков мы бросились на электричку и до вечера по очереди надевали «кожушок», доехав в нем аж до Киевского вокзала и назад до Переделкино.

На следующий день, по словам Вали, «кожушок» упоминался в сообщении «Голоса Америки», который закончил свое посвящение Исаичу песней Окуджавы:

Потому что, виноват, но я Москвы не представляю,
Без такого, как он, Короля...

По моим наблюдениям, подлинным духовным лидером этого клубка диссидентов была Лидия Чуковская. Еще до высылки Солженицына, 9 января 1974 года, она была исключена из Союза писателей, на её публикации в СССР был наложен полный запрет. Этим событиям посвящена ее книга «Процесс исключения. Очерк литературных нравов», изданная в 1979 году в Париже, которую она писала вместе с мамой Вали Юмашева – Фаиной. В своём дневнике Чуковская так описывает происходящие в те дни события:

«30 декабря 73, воскр., среда. Гнусный год кончился великим событием: во Франции вышел “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына. Первые 2 тома. Что бы ни было дальше – великое событие совершилось.

Что теперь они сделают с А.И.? Лишат гражданства, вышлют?

А.И. страшно возбужден и счастлив. Ловит все передачи (Би-би-си, “Голос” и “Немецкую волну”). “Как они хорошо выбрали – главное: у немцев было 80 тысяч преступников и их судили, а русским не дали судить ни одного, хотя их было ¼ нации”.

В наших газетах чудовищная, невиданная, небывалая травля Солженицына за “Архипелаг”. “Литературный власовец”...

8 февраля, пятница, Переделкино. Хотела сегодня сесть за следующую главу книги, очень хорошо подготовленную мною и Фаиной (мамой Вали Юмашева. – А. В.).

Я спросила Ал. Ис., что он будет делать с прокуратурой, т. е. пойдет ли?

– Нет. Пусть они наденут на меня наручники и поведут. Сам не пойду.

10 февраля 74, воскр., Москва. Уезжала я с дачи в последний раз со странным чувством. <...>

Мы обнялись, как всегда – если встречаемся или прощаемся. Я вышла, уселась. И он, к машине, уже в своем кожаном (том самом. – А. В.). Помахали.

Пока этот человек рядом – счастье.

12 февраля 74, вторник, город. Вот и нет его рядом.

Увели.

Пришли Ю<лий> М<аркович>, Алик, еще много незнакомых, я пересела на кухню слушать радио. Пришли Сахаровы. Потом Таничка.

Би-би-си и “Немецкая волна” передали про увод в последних известиях. Затем откуда-то позвонили А<ндрею> Дмитриевичу (видно, дома дали здешний телефон). Он сказал хорошо – по-русски, а Таня записала и перевела на английский. Я сказала: “Давайте подпишем все”.

Потом Алик меня проводил домой – к Люше и Фине (т. е. к Валюше – Вале Юмашеву и его маме Фаине. – А. В.).

Вышлют ли его сразу без семьи за границу? Или на Восток, в лагерь?

Мне кажется, я умерла.

6 сентября 74, Переделкино. По радио: грядет книжка А.И. с разоблачениями Шолохова. Какой-то литературовед Д., который умер, произвел сравнение.

Я этой работы не знаю; уверена, что Шолохов не автор “Тихого Дона”...

Поглядим. Но мафия при Шолохове озверевает. Это им хуже, чем “Архипелаг”».

Ежегодно Лидия Чуковская в день рождения своего отца Корнея Чуковского во дворе их дачи в Переделкино устраивала праздник для детей, на который нередко приглашались артисты цирка. Однажды довольно крупному медвежонку что-то не понравилось и он, схватив одной лапой своего дрессировщика за шиворот, другой начал бить его по физиономии. Вспоминая тот случай, я сейчас жалею, что на месте дрессировщика оказался не Солженицын – но в любом случае, символ России в образе медведя продемонстрировал свое отношение к диссидентам.

Солженицын является, вне всякого сомнения, крёстным отцом всех предателей и разрушителей Советского Союза. Это следует хотя бы из того, что один из самых омерзитель-

ных изменников Родины, сотрудник «Фазотрон-НИИР» Адольф Толкачёв, продававший ЦРУ в 1979–1985 годах жизненно важные секреты нашей оборонки и нанесший накануне перестройки колоссальный урон Советскому Союзу, писал своим заокеанским кураторам: «Я могу только сказать, что значимую роль во всём этом сыграли Солженицын и Сахаров, хотя я с ними не знаком и прочитал только книгу Солженицына, опубликованную в «Новом мире». Какой-то внутренний червь стал мучить меня, что-то нужно было делать. ... Основываясь на некоторых фактах, у меня сложилось впечатление, что я предпочёл жить бы в Америке. Это одна из главных причин, почему я предложил вам своё сотрудничество». В результате Толкачёва расстреляли, а Солженицыну поставили памятник...

После школы я поступил в МГУ, а Валя так и продолжал писать на молодежные темы то в «Комсомолке», то в «Комсомольце», постепенно переключаясь на угарную в те годы тему секса в среде комсомольцев. Но чья-то невидимая рука двигала его вверх по карьерной лестнице – сначала в отдел писем «Огонька», а затем и в кресло зам. главного редактора. В 1986 году главным редактором «Огонька» стал Коротич. Как говорится на сайте журнала, «с его приходом журнал повернул на 180 градусов. Трудно в мировой истории вспомнить издание, которое оказало бы на политическую жизнь страны такое же сильное влияние, как “Огонёк” эпохи перестройки. Разоблачения (т. е. ложь и клевета на советскую власть. – А. В.) стали культовым жанром всей журналистики. Начиная эту эпопею журнал “Огонёк” ... С ним связана эпоха “гласности”, смена политической формации, крах советской власти – сначала в умах людей, а потом и в реальной жизни». Итогом этой деятельности стало то, что в феврале 1989 года Лидия Чуковская была восстановлена в Союзе писателей, а годом позже Солженицыну вернули советское гражданство.

В мае 1990 года председателем Верховного Совета РСФСР избирается Ельцин. И вот тут Валя использует тот же приём, что и Штирлиц в «Семнадцати мгновениях весны»: позвонив по спецсвязи из кабинета Коротича Ельцину, он вскоре по заданию редакции навещает Солженицына в США, а тот рекомендует Валентина Юмашева как талантливого писателя и своего духовного воспитанника Ельцину в качестве личного секретаря. После этого в декабре того же 1990 года Солженицын получает от Ельцина Государственную премию РСФСР за «Архипелаг ГУЛАГ». История пошла вспять.

После государственного переворота, совершенного Ельциным в 1993 году, и расстрела здания Верховного Совета Российской Федерации, Солженицын в мае 1994 года триумфально возвращается через Владивосток из США в Россию. Через некоторое время после этих событий я зашел к Вале в «Огонёк». У меня были документы на имя представителя крупной немецкой фирмы. Валя, видимо, истолковал это по-своему и сразу заявил мне, что он только что из Кремля, где они с Ельциным встречались с концерном «Бертельсман» и продали им свои мемуары «Записки президента» за полмиллиона долларов (по тем временам внушительная сумма).

«Так вот как были оплачены государственный переворот и расстрел Белого дома», – подумалось мне тогда.

Дело в том, что я неплохо знаю историю Германии и ее властные структуры. А штаб-квартира медиа-концерна «Бертельсман», который управляется международным фондом Bertelsmann Stiftung, как раз и расположена в Германии. Франк Бёкельман и Вольфганг Либ считают, что фонд фактически занимается «приватизацией политики» на глобальном уровне, покупая чиновников, политиков и партийных функционеров по всему миру и формируя из них частную институциональную власть богатства – господство собственников, то есть олигархию. Этот вид гражданского общества известен со времен Платона и называется тимократией (др. – греч. *τίμοκράτεια*, от *τίμη* «цена, честь» + *κράτος* «власть, сила»), которая не только усиливает неравенство между богатыми и бедными, но и вообще исключает большинство населения из политического процесса. Проще говоря, горстка сверхбогатых людей, кровно заинтересованных в войнах, чтобы постоянно получать неограниченный доступ

к ресурсам сырья и рынкам сбыта, решает, где на земле будут царить достаток и процветание, а где будет гореть земля и литься кровь – как, например, в Ираке, Югославии, Сирии или Донбассе. Не зря еще в 1963 году английский писатель-экзистенциалист Джон Фаулз, последователь Сартра и Камю, писал: «Я просто в отчаянии... В отчаянии оттого, что людям в этом мире не хватает сочувствия, любви, здравого смысла. Оттого, что кто-то может запросто рассуждать о возможности сбросить ядерную бомбу, не говоря уже о том, чтобы отдать приказ ее сбросить. Оттого, что нас, равнодушных, всего лишь горстка. Оттого, что в мире столько жестокости, подозрительности и злобы. Оттого, что большие деньги могут превратить абсолютно нормального молодого человека в злого и жестокого преступника».

В середине «святых» 90-х, открыв как-то журнал «Профиль», я с изумлением прочитал, что главным царедворцем и серым кардиналом Кремля является Валентин Юмашев – глава администрации Ельцина, который характеризуется как новый... Распутин! Пожалуй, только теперь я понял скрытый сакральный смысл тех странных метаморфоз, которые происходили со мной при первой встрече с Валькой.

Не так давно на заседании Клуба ветеранов внешней разведки зам. главного редактора «Российской газеты» и историк спецслужб Николай Михайлович Долгополов рассказал, как его незадолго до своей внезапной отставки в 1999 году вызвал к себе тогдашний Председатель Правительства России Евгений Максимович Примаков: «Ты знаешь, Коля – у нас плохие дела. Судя по всему, доживаем здесь последние дни. Нужно срочно сделать интервью. Сможешь?» Вскоре так оно и вышло – подтверждением этого стала знаменитая фраза Ельцина: «Не так сели». Долгополов вновь приезжает к Примакову, заходит в кабинет – мол, как же так, ведь вы с вашим первым вице-премьером подняли за девять месяцев страну, как она не поднималась с 1991 года. Примаков отвечает: «Забудь об этом, давай о том, что надо делать, какие планы». В общем, по словам Долгополова, получилась большая беседа, которая на следующий день вышла в «Труде». Вечером того же дня Примакова снимают с должности премьера. И уже спустя много лет Долгополов снова спросил его: «Евгений Максимович, расскажите, почему всё произошло именно так, как Вы предсказывали? Как Вы узнали об этом заранее, каковы были Ваши ощущения?» Примаков, подумав, ответил: «Окружение Бориса Николаевича боялось, что я стану президентом. Ельцин в то время был тяжело болен, не смог оценить ситуацию – и я его в этом не виню. Потому что давили на него самые близкие ему люди – самые близкие, семейка. Они нашептывали ему что-то такое, говорили про меня. И решение, которое он принял, было решением нездорового человека – и я его не осуждаю за него. Но и радости оно мне тоже не доставило».

Близкими людьми, давившими на нездорового президента, были Таня и Валя – дочь Ельцина Татьяна Дьяченко и Валентин Юмашев, бывший глава его администрации. В самом деле, к тому времени всей стране уже была известна формула ельцинской власти: Валя + Таня. А в 2002 году Татьяна Дьяченко и Валя Юмашев сочетались законным браком. Отныне две самые влиятельные фигуры ельцинского периода российской истории, чья дружба переросла в нечто большее гораздо раньше, стали официально жить вместе, по-прежнему сохраняя изрядное влияние на политику и экономику России вместе со всем своим окружением вроде Дерипаски и Абрамовича, с которыми их можно постоянно видеть по всему миру. Примечательно, что именно это семейство олигархических политиков настояло в августе 1999 года на назначении премьер-министром и официальным преемником Ельцина Владимира Владимировича Путина. А тот в прошлом году назначил своим советником Валю Юмашева – ученика и последователя Александра Исаевича Солженицына. После этого ближе к концу года в самом центре Москвы открыли памятник самому Солженицыну. Первыми цветы к его подножию возложили вдова писателя и президент России Владимир Путин...

А где живу? В простом обычном доме —

Простом своем особняке,
Простом своем особняке,
Что на Москве стоит реке.

Припев:

А без меня, а без меня
Там ничего бы не стояло,
Там ничего бы не стояло,
Когда бы не было меня.

А что я ем? А ем я осетрину —
Простую русскую еду,
Простую русскую еду,
Её ловлю в своём пруду.

Припев:

А без меня, а без меня
Вода бы рыбы не давала,
Вода бы рыбы не давала,
Когда бы не было меня.

А с кем живу? Живу с своей женою —
Простою русскою женой.
Простою русскою женой,
Почти «владычицей морской».

Припев:

А без меня, а без меня
Она не стала бы владыкой,
Она не стала бы владыкой,
Когда бы не было меня.

Весной 2012 года, во время проведения сложных изысканий и специальных монтажных работ с применением вертолётов в горном кластере сочинских Олимпийских игр, мы каждое утро проезжали мимо кабака с загадочным названием «Крутые яйца», расположенного на выезде из Красной Поляны. Сейчас этого названия уже нет, а тогда Олимпийский бог с «крутыми яйцами» стал для нас буквально культом, поскольку от него зависела погода в горах – а следовательно, и наша жизнь. Каждый из нас, проезжая, мысленно обращался к нему, чтобы он «да не растлiti безгодною мокротою, и мрачным злорастворным воздухом, и темною мглою, землю и нищих людей Своих». Но то ли бог наш, как у Ницше, умер, то ли мы не так молились – во всяком случае, толку от этого было мало, и каждый день, возвращаясь на базу вымокшими до нитки, сил оставалось только на то, чтобы снять мокрое снаряжение и развесить его в сушилке.

И вот однажды под вечер – как раз незадолго до этого прошли выборы президента России, которым после Медведева вновь стал Владимир Путин – мы возвращались после трудного дня с перевала Аибга на базу. В районе Красной Поляны у кабака «Крутые яйца» мы пропус-

кали президентский кортеж. Сонно взглянув на ряды мигалок, я почти невольно начал считать: «Рас-путин ... Два-путин ... Но третий, третий – кто же будет третьим?» – бормотал я во сне. И вдруг: «Третий, третий – я шестой, я шестой! Ответьте шестому, как слышите – приём», – назойливо раздавалось по рации. – «Третий, третий...»

Третий, где ж ты? Отзовись, ну где ж ты?
Я, может быть, издохну в час ночной,
А ты опять куда-нибудь уедешь
На машине с красной полосой.
Ах, где ж ты, друг, ку-ку... Наш третий друг, ку-ку?
На машине с красной полосо-о-о-о-й...

Мы пробивали сейсмопрофиль в районе будущей бобслейной трассы. Шёл дождь со снегом, ноги увязали в глинистой каше. Перед тем как начать «палить», то есть взрывать, я дал команду охране, и шоссе на Роза-Хутор перекрыли.

– Trigger frei, – привычно скомандовал я.

– Angekommen! – ответили по связи немцы.

Вдруг из остановившегося неподалёку лимузина кто-то окликнул меня.

– Здравствуй, Андрюша. Я, признаюсь, не ожидала увидеть тебя таким. Неужели ты у власти ничего не заслужил лучшего, чем рыться в земле. Я думала, что ты давно уже топ-менеджер, депутат или что-нибудь в этом роде. Как это неудачно у тебя в жизни сложилось, – заговорила она, идя рядом со мной.

Я вскинул тяжелую ручную лебедку на плечо и зашагал. И лишь пройдя несколько шагов, ответил:

– Моя грубость куда легче вашей, госпожа Татьяна, с позволения сказать, вежливости. О моей жизни беспокоиться нечего, тут все в порядке. А вот у вас жизнь сложилась хуже, чем я ожидал. Тогда ты была лучше, не стыдилась руки рабочему подать. А сейчас от тебя нафталином пахло. И скажу по совести, мне с тобой говорить не о чем...

...Проснулся я оттого, что двухметровый Йозеф («Зепп») Цвишенбрюггер, знаменитый егерь из Южного Тироля, который в свои 70 лет даст фору любому молодому альпинисту – отец Зеппа, кстати, воевал на этих же перевалах в составе горнострелковой дивизии «Эдельвейс» – тряс меня за плечо: «Aufstehen!» Оказалось, что я заснул, президентский кортеж давно проехал, и мы уже были почти в лагере.

А до войны – вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою,
Он падал вниз, но был спасен, —
А вот сейчас, быть может, он
Свой автомат готовит к бою.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы,
Они помогут нам!

Ты снова здесь, ты собран весь —
Ты ждешь заветного сигнала.
А парень тот – он тоже здесь,
Среди стрелков из «Эдельвейс», —

Их надо сбросить с перевала!

Отставить разговоры
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы,
Они помогут нам!

(В. Высоцкий)

В феврале 2014 года я получил от Зеппа такое письмо:

«Lieber Andrey!

Über die großartigen Winterspiele in Sotschi, will ich Deiner Nation ein großes Lob aussprechen. Die Eröffnung und die Abschlußfeier waren beeindruckend! Die ganze Organisation hat hervorragend geklappt. Ich bin etwas stolz, daß ich bei der Vorbereitung dabei sein konnte, und so Sotschi kennenlernte.

Viele Grüße an Timor, Alexander. Besonders herzliche Grüße an Dich – Ib. Andrey sendet Josef Zwischenbrügger, Bozen, Südtirol».

«Дорогой Андрей!

Я хочу высказать большую похвалу твоей нации за великолепные Олимпийские игры в Сочи. Открытие и закрытие были восхитительны. Вся организация получилась прекрасно. И я чувствую гордость за то, что и я участвовал в их подготовке и познакомился таким образом с Сочи.

Большой привет Тимуру, Александру, а самые сердечные пожелания тебе – дорогой Андрей – посылает

Йозеф Цвишенбрюггер,
Боцен, Южный Тироль».

С тех пор минуло еще четыре с лишним года. Многим даже показалось, что началась совсем другая эпоха – крымнашенская. Эра если не милосердия, то уж точно патриотизма. Но вот 22 июня 2018 года, в день траура и скорби, на сайте Кремля появилось распоряжение о назначении Валентина Юмашева советником президента Путина...

Ну что же, «распутица» для России – дело привычное.

Эх, дороги...

Южный Крест

*Из заморского из лесу,
где и вовсе суций ад,
Где такие злые бесы —
чуть друг друга не едят,
Чтоб творить им совместное
зло потом,
Поделиться приехали
опытом.
Страшно, аж жуть!*

Владимир Высоцкий

Зимние Олимпийские игры в Сочи завершились 23 февраля 2014 года не только триумфальной победой сборной России, но и сокрушительным поражением невнятной российской политики в отношении Украины. Уже 18 февраля там произошло резкое обострение ситуации, вылившееся в массовое кровопролитие в центре Киева. Одновременно на Западной Украине начались захваты органов государственной власти и госучреждений. Вечером 21 февраля экстремисты «Правого сектора» захватили в Киеве здания Верховной Рады, Кабинета министров, Администрации президента и МВД. Безусловно, все это было срежиссировано западными спецслужбами, когда Россия была повязана Олимпиадой по ногам и рукам. Президент Украины Виктор Янукович в 22.40 на президентском самолёте спешно покинул Киев – поступок сам по себе позорный и трусливый, если вспомнить, как действовал в аналогичных обстоятельствах президент Чили Сальвадор Альенде. Бегство Януковича, однако, никак не оправдывает последующего захвата власти оппозиционными прозападными силами. Вечером 22 февраля в обход конституции ответственность за политическую ситуацию на Украине взяла на себя Верховная Рада. 23 февраля, то есть параллельно с завершением Олимпийских игр в Сочи, она приняла постановление о возложении обязанностей президента Украины на председателя Верховной Рады Александра Турчинова. Переворот произошел при активной поддержке США и ЕС, которые назвали антиконституционный захват власти на Украине «революцией».

Однако 4 марта Президент Российской Федерации Владимир Путин заявил на пресс-конференции: «Как бы там ни называть – революция, нереволуция, – это госпереворот с использованием силы, боевиков». И не просто боевиков – а штурмовиков, националистов, использующих фашистскую символику и ставящих себя тем самым в один ряд с теми, кто был осужден за преступления против человечности Международным военным трибуналом в Нюрнберге. Поэтому автономные образования в составе Украины – Крым и Севастополь отказались признавать захватившую власть в Киеве хунту и в течение последующих двух недель объявили о своей независимости, а затем, на основании свободного волеизъявления граждан на референдуме 16 марта 2014 года – о вхождении в состав России. И хотя украинское законодательство не предусматривало понятия регионального референдума и предполагало решение вопросов территориального устройства только на общеукраинском уровне – но оно и не предусматривало возможности государственного переворота в Киеве. Нелегитимность захватившей власть киевской хунты означала возможность отзыва делегированного центру права суверенитета и наделения этим правом того местного органа власти, который народ того или иного региона сочтет законным. В соответствии с этим правом 11 мая 2014 года на территории Донецкой области был проведен референдум, по результатам которого власти Донецкой Народной Республики на следующий день объявили о своем суверенитете и выразили желание войти в состав

России, а также объединиться с Луганской Народной Республикой в Новороссию. Аналогичный референдум прошел 11 мая и на территории Луганской области, который показал аналогичные результаты. Украинские власти, США и ЕС расценили эти референдумы как нелегитимные, поскольку уже начиная с середины апреля киевская хунта попыталась вернуть свой контроль над этими наиболее развитыми в экономическом отношении регионами и объявила о проведении там силовой «антитеррористической» операции.

Как ни странно, но Россия также не признала результаты референдумов в Донецке и Луганске. Более того, когда на внеочередных президентских выборах, прошедших на Украине 25 мая 2014 года, победу одержал Пётр Порошенко, то Москва, по сообщению ИТАР-ТАСС, признала его несмотря на все «нюансы». Об этом заявил на брифинге министр иностранных дел России Сергей Лавров: «Мы признали президента Порошенко и рассчитываем, что он использует мандат доверия, который получил, со всеми нюансами тех выборов, которые прошли 25 мая, для того, чтобы остановить войну, а не для того, чтобы разжигать конфликт и загонять его глубже и глубже».

Но ведь незадолго до этого Путин заявлял, что в Киеве произошёл классический вооруженный мятеж и свержение законной власти. Организованные затем мятежниками псевдовыборы в условиях массового террора, запугивания населения и разгона оппозиции не соответствовали даже минимальным международным стандартам и никогда не были бы признаны теми же властями США, если бы не они сами поставили хунту у власти. И вот вместо того, чтобы по просьбе властей ДНР и ЛНР ввести на территорию Новороссии войска для защиты её населения от украинской армии и возможной агрессии НАТО или как минимум для того, чтобы держать Запад в напряжении относительно возможности этих намерений, Москва неожиданно уступает и оставляет народ Донбасса один на один с прозападной хунтой. Но ведь если власть на Украине законная, то все, кто ей противостоит, – террористы и сепаратисты. Если власть на Украине законная, то референдум в Крыму не имеет правовых оснований, потому что не был согласован с Киевом. Если власть на Украине законная, то по какому праву Россия помогает Донбассу без разрешения Киева? И значит, права Америка, которая называет это вмешательством в дела суверенной страны и агрессией?..

Этот же вопрос был задан Путину 7 июня 2018 года во время «прямой линии» – однако президент, назвав вопрос «интересным», не стал отвечать на него. «Запад не признает Асада. Зачем вы признаете Порошенко?» – зачитал Путин присланный на прямую линию вопрос. «Интересный вопрос», – отметил он и перешел к следующему.

Объяснить подобные действия России можно только одним – опасением, что в случае непризнания украинской власти та поставит вопрос о том, что российская власть также незаконная, поскольку была установлена в результате антиконституционного государственного переворота. 21 сентября 1993 года Ельцин издал Указ № 1400 о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета, грубо нарушив действующую Конституцию РФ, статья 121.6 которой гласила: «Полномочия Президента Российской Федерации не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства Российской Федерации, роспуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов власти в Российской Федерации, в противном случае они прекращаются немедленно». Поэтому сразу же после издания этого указа Ельцин де-юре был автоматически отрешён от своей должности и обвинен в попытке государственного переворота. В ответ на это 3 октября он принимает решение о вводе в Москву регулярных войск. Вся площадь перед Белым домом со стороны стадиона «Красная Пресня» была усеяна убитыми и ранеными, которых не давали вынести. После этого неопознанные подразделения, по некоторым данным прибывший в Москву израильский спецназ, начали стрельбу из мэрии, с крыш гостиниц «Мир» и «Украина», целясь в омоновцев и мирных жителей. Со своей стороны Ельцин подписал указ № 1575 и освободил армию от уголовной ответственности, после чего танки Таманской дивизии начали расстрели-

вать баррикады и открыли огонь по окнам Белого дома и защитникам парламента. В 16.45 из Белого дома начался массовый выход сотен людей. Они шли между двумя рядами солдат, держа руки за головой. Их загоняли в автобусы и увозили сортировать на стадион «Красная Пресня», превращенный в концлагерь. Начиная с вечера и всю ночь с 4 на 5 октября людей расстреливали. Периодически кого-то отпускали. Около пяти утра расстреляли казаков. По данным депутата от Челябинской области Анатолия Бароненко, на стадионе убили около 300 человек, включая школьников и женщин-врачей, у которых от увиденного началась истерика. Начиная с 5 октября в крематориях Николо-Архангельского и Хованского кладбищ три ночи подряд сжигали «трупы в мешках». Позднее власти заявили, что, по официальным данным, за два дня погибло 146 человек. Но есть документ, который это опровергает. В официальной справке за 1993 год, подписанной заместителем прокурора Москвы и заместителем министра внутренних дел, упоминается более 2200 неопознанных трупов, кремированных за 1993 год в городе Москве. Для сравнения: за весь 1992 год в столице было обнаружено всего около 180 неопознанных трупов, а за 1994 год – 110. Отсюда можно заключить, что за несколько дней в ноябре 1993 года в центре столицы было убито более двух тысяч человек. Знаменитый советский спортсмен, Олимпийский чемпион Юрий Власов написал, что сделано это было «под аплодисменты публики, скопившейся у американского посольства. И под молчаливое одобрение Европы, США, Японии... всего мира... Самые чистые и лучшие пали... Озверелая солдатня и милиция стреляли в Русь... Судьба её теперь – быть разодранной на куски, жить с замкнутым ртом, хиреть, терять память, все пуще проникаться страхом и умирать, умирать...»

В свою очередь причиной, бомбой замедленного действия, рванувшей в Москве и на Майдане, был умышленный развал Советского Союза в 1991 году. Я не раз говорил об этом с моим большим другом, бывшим заместителем председателя Государственной Думы Сергеем Николаевичем Бабуриным – ветераном-афганцем, мужественным защитником Белого дома в ноябре 1993 года. «Я возглавляю Общенародный союз, – рассказывает Сергей Николаевич. – Это была первая не коммунистическая, а народно-патриотическая оппозиция Ельцину. Мы его создали сразу после запрета КПСС. И мы собрали туда всех, кто понимал, что разрушение Советского Союза – это преступление. Мы попытались это предотвратить, но нас было мало, многие из нас были еще слишком молоды. И 12 декабря 1991 года я был единственным, кто выступил на сессии Верховного Совета РСФСР против ратификации Беловежских соглашений – при голосовании меня поддержало только шесть человек. А весь Верховный Совет стоя рукоплескал разрушению Советского Союза. Сегодня это выглядит каким-то кошмарным сном. Кажется, что это было только вчера – а ведь прошло уже четверть века. И те же Бурбулис и Шахрай снова на плаву – хотя тогда именно они подсовывали малообразованному аппаратчику Ельцину документы на подпись. Ведь не Ельцин писал Беловежские соглашения. И когда уже хмельной Кравчук спросил, что будет с Харьковом и Донбассом, именно эти деятели сказали – мы их оставляем вам, берите в Украину. Тогда Кравчук спрашивает – а с Крымом? Те отвечают – берите тоже... Вот как распорядились судьбами миллионов людей».

Никаких юридических оснований для подобных действий не было, поскольку в случае прекращения СССР теряло силу и закрепленное в советских законах административно-территориальное деление страны. Следовательно, необходимо было вернуться к границам, существовавшим до него. Но при царе территория Новороссии не входила и не могла входить в состав Украины, поскольку таких административно-территориальных единиц, как Украина и Россия, в рамках Российской империи не существовало. Губернии, административные центры которых находятся сейчас на территории Украины, относились к разряду 50 губерний европейской части Российской империи (с 1912 года их было уже 51). Харьков, например, был губернским центром Харьковской губернии Российской империи.

Если же иметь ввиду киевскую Центральную Раду, созданную в марте 1917 года, которая 20 ноября провозгласила Украинскую Народную Республику (УНР) в составе России, а уже 22

ноября в одностороннем порядке объявила об автономии УНР, то Новороссия, Слобожанщина (в том числе большая часть Харьковской губернии) и Крым в эту автономию не входили.

25 декабря в Харькове была провозглашена Украинская Народная Республика Советов (УНРС) в составе Советской России, которая объявила Центральную Раду вне закона. Тогда делегация УНР на сепаратных переговорах в Бресте обратилась к Германии и Австро-Венгрии с просьбой о помощи против советских войск, причем границы между Россией и УНР определены не были. Германские войска в короткий срок заняли Киев, куда вслед за ними вернулась и Центральная Рада. Под защитой немецкого оружия возникло недолговечное украинское правительство, страна должна была «создать противовес мощи России, Польше и Балканам» и одновременно стать житницей рейха, обеспечив немецкому народу «снабжение продовольствием и полезными ископаемыми на все времена». Однако 17–19 марта 1918 года на проходившем в Екатеринославе II Всеукраинском съезде Советов УНРС объединилась с Донецко-Криворожской Советской Республикой и Одесской Советской Республикой в Украинскую Советскую Республику. Исполняя условия Брестского мира, съезд провозгласил Советскую Украину независимой республикой в составе РСФСР, которая провозглашалась как федерация советских национальных республик.

Поэтому при разделе Советского Союза Ельцин, Шахрай и прочие бурбулы имели все основания поставить вопрос о «самостийности» только Правобережной или вообще только Западной Украины – все остальные земли должны были остаться за Россией. И тот факт, что они этого не сделали, с морально-этической точки зрения следует расценивать как предательство, а с юридической – как преступление. Ельцин и его окружение – какими бы лозунгами «свободы» они ни прикрывались, – должны были понимать, что бросают народы, населяющие территорию нынешней Украины, в лапы крайне реакционных сил, по существу – фашистов. В результате в XXI веке, в самом центре Европы, в Киеве, снова маршируют чернорубашечники с факелами в руках, отмечая под лозунгом «Вернем Украину украинцам» день создания УПА. Праздником его объявил президент с фамилией Порошенко. Подняли нацисты голову и в Прибалтике: ежегодно 16 марта по «узким улочкам Риги» проходят маршем ветераны латышского легиона СС – те, кто воевал на стороне Гитлера, а также их многочисленные сторонники.

В чем же кроются корни этого явления, которое называют чумой XX века и рецидивы которого мы воочию наблюдаем сегодня? Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что фашизм получил свое развитие по периферии католического мира – там, где римско-католическая экспансия наталкивается на противодействие «туземцев» и выдает индульгенцию любым силам, готовым, как некогда крестоносцы и конкистадоры, огнем и мечом утверждать власть правящей миром элиты. В Европе этот чёрный пояс расположен вдоль естественных границ бывшей Австро-Венгрии – это, помимо названных выше метрополий, прежде всего Италия, Испания, Бавария, Хорватия, Словакия, Трансильвания, Галиция, Литва и частично Латвия. Однако исторически фашистская идея зародилась на другом континенте – также на стыке католического и «туземного» мира, а именно – в южных штатах США.

По состоянию на 1860 год из 12 миллионов жителей пятнадцати южных штатов 4 миллиона были рабами. Крупнейшим теоретиком рабства был вице-президент США Джон Колдвелл Кэлхун, который отвергал тезис о том, что люди рождаются свободными и равными, признавал неравенство «необходимым условием прогресса» и считал «большой и опасной ошибкой» мнение о праве всех людей на свободу». Для менталитета белых плантаторов – преимущественно английского происхождения – были характерны кастовость, ощущение избранности и культ силы. «Честь и слава – это всё, к чему должен стремиться мужчина», – заявлял генерал Роберт Ли, главнокомандующий армией конфедератов (то есть южан) в Гражданской войне 1861–1865 годов. Впоследствии Гитлер высказывался в том же духе: «Эсэсовец, твоя честь называется верностью!» – и девизом СС стал слоган «Meine Ehre heißt Treue!». В свою очередь в уставе ОУН(б) говорится: «Приветствие в организации производится в форме поднятия выпрямлен-

ной правой руки под углом вправо чуть выше головы. Действующие слова полного приветствия: “Слава Украине”, ответ – “Героям слава”».

Подведем итоги: «честь и слава» (Ли), снова «честь» (Гитлер) и дважды «слава» (Бандера) – вот и весь нехитрый багаж нациста. Главное ни в чем не сомневаться:

А перед нами всё цветёт —
За нами всё горит.
Не надо думать! – с нами тот,
Кто всё за нас решит.

Весёлые – не хмурые —
Вернёмся по домам,
Невесты белокурые
Наградой будут нам!

Но были и другие. В 1852 году американская писательница Гарриет Бичер-Стоу написала знаменитый роман «Хижина дяди Тома», ставший самым продаваемым романом XIX века и второй по продаваемости книгой столетия после Библии. Будучи направленным против рабовладения, роман, по некоторым оценкам, послужил одной из причин Гражданской войны. По утверждению сына Гарриет Бичер-Стоу, когда президент Соединенных Штатов Авраам Линкольн в 1862 году познакомился с его матерью, то он назвал ее «маленькой леди, которая начала эту великую войну».

Сам президент Линкольн вошел в историю как освободитель американских рабов и национальный герой американского народа. Через пять дней после окончания войны, 14 апреля 1865 года, сторонник южан проник в президентскую ложу на спектакле «Наш американский кузен» и выстрелил Линкольну в голову. Утром следующего дня, не приходя в сознание, президент скончался.

Через несколько месяцев, 24 декабря 1865 года, шесть ветеранов армии конфедератов, также раздосадованные поражением в Гражданской войне, создали тайную организацию, ставшую прообразом всех последующих расистских ультраправых организаций в мире. Она получила название «ку-клукс-клан». В этом названии присутствуют понятия «кюклос» (от греч. «κύκλος», т. е. circle, круг) и «клан», т. е. род. Лидером движения стал Натаниэль Бэдфорд Форрест, бывший генерал армии конфедератов, который получил титул Великого магистра. Как впоследствии СС, клан был организован по территориальному принципу – штату соответствовало «королевство», во главе которого стоял «Великий дракон». У него был штаб из восьми «гидр» и «циклопов». Рядовых членов именовали «вампирами». Ку-клукс-клан широко использовал мистические культы и ритуальные факельные шествия, которые впоследствии послужили прототипом для нацистских маршей в Европе. К концу 1868 года численность ку-клукс-клана достигала 2 млн человек. Они развернули настоящий террор по отношению не только к неграм, но и ко всем своим политическим противникам. По данным члена палаты представителей Г. Вильсона, к 1880 году было убито 130 тыс. человек, причем казни отличались средневековой жестокостью.

Если мы посмотрим теперь на движение, созданное Гитлером в Баварии, то оно как две капли воды повторяет ку-клукс-клан. В основе его лежит оккультное общество Туле, объявившее о существовании высшей «арийской» расы. Именно при активном участии членов общества Туле и была создана партия фюрера НСДАП, причем ключевую роль, как и в США, играли фронтовики, недовольные поражением в войне – особенно их возмущало то, что на берегах Рейна появились негры в составе французских оккупационных войск. 8 октября 1923 года произошел так называемый Пивной путч в Мюнхене, во время которого Гитлер потребовал

выхода «вольной» («самостийной») Баварии из состава Веймарской республики. Таким образом, основными установками как ку-клукс-клановцев, так и гитлеровцев были расизм и сепаратизм. Мне приходилось бывать в среде немецких неонацистов, и могу сказать, что у них распространен культ генерала Ли, командующего армией конфедератов. Поэтому странно видеть боевое знамя Конфедерации – так называемый «Южный Крест» – в рядах защитников ДНР и ЛНР. Как и слышать некоторые названия батальонов – типа «Призрак»... На самом деле, и «крест», и «трезуб», и «призрак», и «циклоп» являются фетишами сепаратистов, в том числе и украинских националистов, против которых и сражаются ополченцы Донбасса под знаменем Республики.

Украинский национализм зародился в Галиции, располагавшейся на периферии Австро-Венгрии. Ку-клукс-клан нашел здесь воплощение в виде так называемых «сечевых стрельцов» – даже само название указывает на родство этих организаций. Считается, что раздельное написание «ку-клукс-клан» связано с характерным звуком (лязгом) затвора винтовки – точно так же и словосочетание «сечевые стрельцы», независимо от происхождения слова «сечь», воспринимается на слух как бряцание оружием. При этом само противопоставление украинцев русским высосано из пальца под диктовку западных русофобов по той же схеме, что и война дикси (южан) против янки (северян) в США или австрийцев и баварцев против пруссаков. Кстати, хотя для сегодняшнего обывателя все жители Германии являются немцами, и даже так называемое «объединение» Германии декларировалось как воссоединение немецкой нации, следует заметить, что баварский диалект отличается от восточносреднемецкого гораздо сильнее, чем русский от украинского. И конфессии у них разные: баварцы – католики, а пруссаки – лютеране. Почему же немцев упорно пытаются объединить, а русских – расколоть? А потому, что так выгодно закулисным силам, и прежде всего – Ватикану.

Не следует забывать, что Эудженио Мария Джузеппе Джованни Пачелли, он же папа Пий XII, правивший Ватиканом с 1939 по 1958 год и ни разу не осудивший фашизм, с 1917 года был папским нунцием (послом) в Баварии и приложил руку к подавлению Баварской Советской Республики в 1919 году – с чего, собственно, и началось восхождение Гитлера на политический олимп. С 1925 года Пачелли представляет Ватикан уже на всей территории Германии. Переехав из Мюнхена в Берлин, будущий папа привозит с собой Паскалину Ленерт – домработницу, подругу и ближайшую советницу, которая была немкой и родилась в Баварии. В 1939 году она стала первой женщиной, поселившейся в Ватикане, и ее влияние на папу было безграничным. В мае 1941 года папа Пий XII принял лидера хорватских усташей (от хорв. Ustaše – «восставшие», «повстанцы», ср. УПА – Украинская повстанческая армия от укр. Українська повстанська армія) Анте Павелича и благословил его на геноцид в отношении сербского населения.

До Первой мировой войны хорваты проживали на землях Австро-Венгрии, причем в некоторых из них сербы составляли большинство. В 1918 году, после поражения Австро-Венгрии, возникло Королевство сербов, хорватов и словенцев, которое в 1929 году было переименовано в Югославию. 6 апреля 1941 года Германия без объявления войны напала на нее, оккупировала и расчленила. При поддержке Гитлера, Муссолини и Ватикана значительные территории, в том числе, например, Босния, были отданы усташам, которые установили там фашистский режим. 25 апреля принимается закон о запрещении кириллицы, 30 апреля – о защите «арийской крови и чести хорватского народа» и о расовой принадлежности. Сербам предписывалось носить повязки с буквой «П», что означало «Православный». 5 мая усташа издали постановление, по которому в Хорватии запрещалась Сербская православная церковь. 2 июня последовало распоряжение о ликвидации всех сербских православных народных школ и детских садов. 22 июня, в день вероломного нападения фашистов всех мастей на Советский Союз, один из лидеров усташей, Миле Будак, заявил: «Одну часть сербов мы уничтожим, другую выселим, остальных переведем в католическую веру и превратим в хорватов». За первые же

несколько недель усташы убили 180 тыс. сербов, которых тысячами сбрасывали в Дрину, Драву и Саву, связанными по двое металлической проволокой – с расчетом, чтобы трупы достигли Сербии, о чем свидетельствовали таблички «Паспорт до Белграда». Всю Хорватию покрыла сеть концлагерей, наиболее жутким из которых был лагерь смерти Ясеновац. 24 августа 1942 года среди надсмотрщиков лагеря прошли соревнования по так называемому «сербосеку» – специальному серповидному ножу для убийства сербов. На этих соревнованиях победил Петар Брзица, член католической организации «Крижари», который за один день «сербосеком» перерезал горло одной тысяче тремстам шестидесяти заключённым. Папа Пий XII прекрасно знал о творимом в Хорватии геноциде, поскольку осенью 1941 года Ватикан и Хорватия обменялись дипломатическими представительствами. Знал он и о том, что в убийствах и чистках принимают участие католические священники и монахи, однако отказался что-либо предпринять. По данным специальной комиссии Синода Сербской православной церкви, в 1941 году и первой половине 1942 года усташами были убиты 800 тыс. сербов, 300 тыс. были изгнаны и 240 тыс. обращены в католичество – за что хорватским католикам особую признательность выразил лично папа Пий XII. Немецкий посланник в Хорватии Герман Нойбахер писал: «Когда главные усташы утверждают, что убили один миллион православных сербов (в том числе новорождённых, детей, женщин и стариков), это на мой взгляд, чепуха. На основе документов, которые я получил, даю оценку в 750 000 убитых незащищённых людей»...

События на Украине развивались по схожему сценарию. Бывший командир корпуса сечевых стрелцов полковник Евген Коновалец еще в 1920 году создал Украинскую военную организацию (УВО), деятельность которой сводилась преимущественно к актам саботажа (поджоги, повреждения телефонной и телеграфной связи) и террористическим актам (взрывы, грабежи, убийства по политическим мотивам) – первоначально главным образом на территории Польши. В 1929 году Коновалец объединил УВО с еще несколькими аналогичными структурами и образовал Организацию украинских националистов (ОУН), которая уже с 1932 года активно сотрудничала с Гитлером и немецкими спецслужбами. Вскоре Коновальца на немецкий манер стали называть «вождем нации». Своему духовнику Андрею Шептицкому он писал: «Счастлиное начало 1933 года создало условия, при которых наша освободительная акция набирает всё большие обороты и силы. Время проверило нашу дружбу и сотрудничество с немцами, а проверив, показало, что, несмотря на многократные соблазны примириться с поляками, мы выбрали единственно правильную ориентацию. Этим мы обязаны исключительно Вашему Превосходительству».

Нынешние националисты, марширующие по улицам украинских городов с факелами в руках и считающие своими героями Коновальца и Бандеру, тоже, наверно, думают, что им помогут немцы и прочие назовцы – сделают их надсмотрщиками на обширных газовых плантациях Сибири. Но можно ли эти действия назвать борьбой за независимость? На самом деле это не что иное, как экспансия ку-клукс-клановской бациллы, не знающая границ. За независимость боролись те же негры, сербы, русские – за право жить на той земле, где они родились. А усташы и оуновцы хотят захватывать чужие земли, на которых люди веками трудились сообща. Вот и бродят по карпатским склонам монстры, сосущие из людей кровь – взять хотя бы «кровавую графиню» Елизавету Батори или «князя тьмы» графа Дракулу. Галицкий граф Роман Мария Александр Шептицкий 23 сентября 1941 года писал Гитлеру: «Ваше Превосходительство! Как глава Украинской греко-католической церкви, я передаю вашему превосходительству мои сердечные поздравления по поводу овладения столицей Украины, златоглавым городом на Днепре – Киевом. Видим в вас непобедимого полководца несравненной и славной германской армии. Дело уничтожения и искоренения большевизма, которое вы себе, как фюрер великого германского рейха, взяли за цель в этом походе, обеспечивает вашему превосходительству благодарность всего христианского мира. Украинская греко-католическая церковь знает об истинном значении могучего движения германского народа под вашим руко-

водством. Я буду молить Бога о благословении победы, которая явится залогом длительного мира для вашего превосходительства, германской армии и германской нации. С особым уважением, Андрей граф Шептицкий, митрополит».

Однако Бог не помог – «тысячелетнего» рейха не получилось. Уцелевшие нацисты хлынули в Южную Америку, где одна за другой стали возникать фашистские диктатуры. Однако в 1970 году в Чили, две трети которой исповедуют католицизм, к власти демократическим путем пришли левые силы, что означало полнейший триумф положений марксистско-ленинской теории о возможности завоевания власти трудящимися мирным путем. Ответ мировой реакции был молниеносным: в 1973 году, вслед за экономической блокадой Чили, последовал фашистский путч генерала Пиночета, которого активно поддерживали американские спецслужбы в лице Вернона Уолтерса, незадолго до этого назначенного заместителем директора ЦРУ. Именно он разработал сценарий путча, находясь на своем посту со 2 июля по 3 сентября 1973 года, то есть непосредственно накануне переворота. В 1976 году, когда два агента тайной полиции Пиночета DINA убили в Вашингтоне Орландо Летельера, бывшего министра обороны в правительстве Альенде, имя Уолтерса было обнаружено в их бумагах.

После этого успеха можно было перейти к нанесению удара уже непосредственно внутри социалистического блока – естественно, используя все тот же католический фактор. 6 августа 1978 года умирает папа Павел VI. Срочно собравшийся конклав кардиналов избирает новым папой итальянца Альбино Лучани, который принимает имя Иоанн Павел I. Но папой он остается всего 33 дня – 29 сентября 1978 года его находят в своих покоях мертвым. Расследование показало, что он умер вскоре после состоявшейся накануне встречи с государственным секретарем Ватикана французом Жаном-Мари Вийо, во время которой Вийо дал папе бокал шампанского. Дэвид Яллоп приводит неопровержимые доказательства того, что понтифик был отравлен. В тот же вечер вопреки всем католическим канонам его тело было забальзамировано и вслед за этим также спешно кремировано. Никаких анализов внутренних органов не проводилось. А вскоре, 9 марта 1979 года, там же, в Ватикане, умирает и сам Жан-Мари Вийо...

На похороны Лучани прибывает советник президента США по национальной безопасности Збигнев Бжежинский – по национальности поляк – и остается в Риме вплоть до того момента, когда новым папой Римским был выбран тот, кто, собственно, и был ему нужен – такой же поляк Кароль Войтыла, принявший имя Иоанн Павел II. Вскоре после этого председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов информировал Политбюро, что решение Ватикана было принято под давлением советника президента США Збигнева Бжежинского и представляет реальную угрозу для всего Варшавского договора.

Знакомство Бжежинского и Войтылы имело давнюю историю и состоялось вскоре после того, как в 1958 году Войтыла был рукоположен в епископы. Обряд совершил львовский архиепископ Эугениуш Базяк. В 1962 году, когда последний умер и Войтыла стал капитульным викарием Краковского архиепископства, началась их активная переписка с Бжежинским. В результате сложилась мощная антисоветская лига, включающая ЦРУ, Ватикан и итало-американскую мафию, которая, судя по всему, стоит за убийствами Джона Кеннеди, Роберта Кеннеди и Альбино Лучани, неугодных мировой закулисе. Не брезговали ничем, включая незаконные валютные операции, наркоторговлю, торговлю оружием, отмывание денег и заказные убийства. Все вырученные от этого преступного бизнеса колоссальные средства шли на борьбу с коммунизмом в Латинской Америке, Италии, Польше, Белоруссии и Украине.

Здесь все было продумано до мелочей. Поляки являются, с одной стороны, рьяными католиками, а с другой – исторически крайне негативно настроены ко всему русскому. И приезд в Польшу в июне 1979 года папы-поляка стал настоящим взрывом. Уже год спустя в Гданьске возникло оппозиционное власти профсоюзное движение «Солидарность», во главе которого встал Лех Валенса, получивший благословение папы. «Валенса послан нам самим Богом», – заявил Иоанн Павел II.

Вскоре Бжежинский нанес еще один удар. 3 июля 1979 года, то есть еще до ввода советских войск в Афганистан, президент Картер подписал указ, санкционирующий финансирование оппозиционных сил в Афганистане, действующих против марксистского правительства Тараки. Последний был свергнут и тайно убит в сентябре 1979 года. Одновременно ЦРУ развернуло операцию «Циклон», которая является одной из самых продолжительных и дорогостоящих секретных операций американских спецслужб. Финансирование моджахедов началось с 20–30 млн долларов в год и достигло к 1987 году уровня 630 млн в год. При этом общая сумма, включающая помощь Пакистану, который отвечал за подготовку 100 тыс. боевиков, достигает 20 млрд долларов – астрономическая по тем временам цифра.

Андропов лучше других понимал, что установление в Афганистане лояльного американцам режима грозит размещением там нацеленных на Советский Союз ядерных ракет. Ведь 12 декабря 1979 года Совет НАТО уже принял «двойное решение», предусматривавшее размещение к 1983 году в Европе 572 ракет Pershing-2, имеющих подлётное время 6–8 минут, что давало США возможность нанести первый ядерный удар, поскольку ракеты средней и меньшей дальности не учитывались в существовавших на то время соглашениях об ограничении стратегических вооружений. Учитывая все эти факторы, 27 декабря 1979 года Андропов проводит при непосредственном руководстве на месте генерал-лейтенантом Борисом Семёновичем Ивановым спецоперацию «Байкал-79» по свержению проамериканского режима Амина и замене последнего на Бабрака Кармалю. Таким образом, КГБ сдерживал атаки ЦРУ сразу на двух направлениях – на западном и на южном, причем достаточно успешно.

Однако в 1981 году в США к власти приходят наиболее реакционные силы во главе с Рейганом, который активизирует контакты с Иоанном Павлом II, рассматривая его и Польшу как ключ к уничтожению «империи зла». Он направляет в Ватикан уже известного нам по Чили генерала Вернона Уолтерса и нового директора ЦРУ Уильяма Кейси, рьяного католика, который в 1981–1984 годах (т. е. до смерти Андропова) не менее пятнадцати раз посетил Ватикан, используя собственный самолет С-141 «Старлифтер», снабженный средствами прямого выхода на президента США. Уолтерс и Кейси заверили папу, что США обеспечат финансовую, материальную и политическую поддержку движению «Солидарность», что и было сделано. Когда в ответ на это Совет национального спасения Польши во главе с Войцехом Ярузельским ввел в Польше военное положение и арестовал лидеров «Солидарности», ЦРУ начало передавать Ватикану разведывательные данные о перемещениях советских войск, а полгода спустя, в июне 1982 года, Рейган лично посетил папу Иоанна Павла II, который благословил Рейгана начать «крестовый поход» против Советского Союза.

Вскоре Рейган подписывает секретную директиву, наполняющую идею «крестового похода» через Польшу против СССР материальным содержанием. В тайном сотрудничестве с Ватиканом и через него в адрес «Солидарности» контрабандным путем пошли деньги, факсы, компьютеры, копировальная техника, транспортные средства, полиграфическое оборудование, радиостанции. Самым серьезным образом рассматривались вопросы поставок оружия польским повстанцам.

По словам генерал-майора Николая Владимировича Губернаторова, в то время помощника Андропова, «находясь продолжительное время во главе КГБ, а затем возглавляя и все Советское государство, Ю.В. Андропов был одним из самых информированных людей в мире. Он получал сведения из самых разных надежных источников, включая радиоперехваты и “прослушку” телефонных разговоров тех лиц, которые попали в сферу пристального внимания КГБ как в самом СССР, так и за рубежом. Если к этому добавить природный ум, высокую порядочность, исключительную тактичность Юрия Владимировича, с одной стороны, и его безграничную преданность своей Родине и идеалам социализма (не омраченным кровавыми преступлениями и коррупцией), с другой, то читатель немного поймет, какими страшными дилеммами

был озабочен этот человек. Ведь он, как никто другой, осознавал, откуда и какая опасность грозит самому существованию Советского Союза, социалистического содружества».

Далее события развивались по библейскому сценарию. Из всего своего окружения, среди своих «апостолов» Андропову предстояло выбрать человека, который мог бы стать достаточно «своим» среди западных политиков, убедить их пойти на смягчение курса. Как показывает анализ недавно опубликованных рабочих записей Андропова, уже в первой половине 1982 года, после его ухода из КГБ в ЦК КПСС, мы наблюдаем резкое изменение круга его общения. Главным направлением работы Андропова становится международная проблематика (11 встреч с заведующим Отделом ЦК КПСС по соцстранам Русаковым, 5 встреч с заведующим международным отделом ЦК Пономаревым и 6 встреч с консультантом Старой площади Арбатовым). В качестве генсека Андропов активизирует свою работу с руководителями экономических отделов ЦК Долгих и Рыжковым, а также Горбачёвым. Расклад становится понятным: СССР все труднее выдерживать экономический груз гонки вооружений, и договариваться с Западом предстоит Горбачёву как молодому динамичному политику, с начала 70-х годов совершавшему многочисленные продолжительные вояжи по капиталистическим странам, таким как Италия, Франция, ФРГ и Бельгия. Сам Андропов никогда в капстраны не выезжал.

Первой командировкой Горбачёва по заданию Андропова стала поездка в мае 1983 года в Канаду, в результате которой Горбачёв приобрёл на Западе репутацию амбициозного и энергичного политического деятеля, резко контрастирующего с более возрастными коллегами по Политбюро. При этом Андропов, вопреки слухам, никогда не планировал Горбачёва как своего преемника на посту руководителя партии и государства и никогда не поручал ему вести заседания Политбюро – об этом я совершенно точно знаю от Виктора Васильевича Шарапова, с которым хорошо знаком и который с 1971 года являлся помощником Андропова, в том числе и тогда, когда Юрий Владимирович стал генсеком. Так что грязные сплетни, распространяемые историками «со школьной скамьи» вроде Спицына, – не более чем гнусный миф. Ведь Иисус тоже приблизил к себе Иуду, поручил ему казну. А тот предал его за 30 сребреников. Но разве Иисус виноват в этом?

Если же говорить о привлечении Андроповым в качестве консультантов таких персонажей, как Бовин и Арбатов, то это в условиях жесткого противостояния с католической церковью выглядит вполне логичным. Многие евреи никогда не шли на компромисс с Ватиканом из-за холокоста – до сих пор многие израильские организации обвиняют папу Пия XII в том, что тот так и не осудил геноцид евреев в годы Второй мировой войны. По той же причине дипломатические отношения между Израилем и Ватиканом были установлены лишь в декабре 1993 года. В марте 2000 года папа Иоанн Павел II прибыл в Израиль, но лишь как частный паломник, впервые посетив мемориал «Яд ва-Шем» и Стену Плача.

А вот почему Горбачёв после своего избрания генсеком 11 марта 1985 года стал поэтапно сдавать страну своим западным первосвященникам и после этого не удавился, как Иуда, – это уже вопрос не к Андропову, что бы там ни сочиняли всякие Семановы и Легостаевы. О материальной подоплеке предательства Иуды прямо говорится в литургическом предании Церкви. Вот что поет Церковь в Святой и Великий Четверг на Страстной неделе в одной из стихир утреннего Богослужения: «Иуда, раб и льстец, ученик и наветник, друг и диавол, от дел явися: последоваше бо Учителю, и на него поучашеся преданию, глаголеша в себе: – предам Того, и приобретаю собранная имения (богатства)».

Сам же Легостаев – в прошлом помощник Лигачёва, то есть достаточно высокий партийный функционер, автор нашедшей публикации «Кто предал СССР» – повторил судьбу Иуды. Через несколько месяцев после публикации в 2004 году своего очередного опуса об Андропове «Гебист магнетический» Легостаев погиб на Кипре в результате автокатастрофы, о чём сообщила газета «Завтра».

Пресловутая «Солидарность» была легализована по итогам круглого стола с властями Польши в 1989 году и набрала 99 мест из 100 на состоявшихся в том же году парламентских выборах. Начался распад Варшавского договора. В декабре 1989 года возглавивший этот процесс Горбачёв прибыл с докладом в Ватикан, где на встрече с Войтылой произнес покаянную речь, перемежающуюся с хвалебными и заискивающими высказываниями в адрес польского папы. Так завершился крестовый поход против системы социализма: в 1990 году лидер «Солидарности» Лех Валенса и лидер «перестройки» Горбачёв стали президентами, причем последний в 1992 году заявил: «Всё, что случилось в Восточной Европе в последние годы, не было бы возможным без присутствия во всем этом папы, без великой роли, даже политической, которую он сыграл на мировой арене» (La Stampa, March 3, 1992).

Однако страна, построенная такими выдающимися деятелями русской цивилизации, как Сталин, Брежнев и Андропов, оказалась не по зубам даже упомянутым выше инфернальным силам и существует назло всем западным шавкам до сих пор. И в этом немалая заслуга именно Юрия Владимировича Андропова. Такое впечатление, что это ему адресованы слова доктора Ватсона из советского сериала о Шерлоке Холмсе 1979 года: «Какая чудовищная неблагодарность! С этого дня я сам возьмусь за перо. Я буду Вашим летописцем. И не позволю присваивать Вашу славу. Да-да, мои рассказы будут читать. На языках всего мира: во Франции, в Австрии, в Японии, в России... Чёрт возьми!»

Кукурузные хлопья

*Он лес пилил со мною вместе,
Железной воли человек,
Сказавший «нет» на громком съезде
И вдруг исчезнувший навек.*

*Я с ним табак делил, как равный,
Мы рядом шли в метельный свист:
Совсем юнец, студент недавний
И знавший Ленина чекист...*

Анатолий Жигулин

В октябре 1949 года около четырех часов утра в квартире начальника диверсионно-разведывательного отдела («ДР») МГБ СССР генерал-лейтенанта Павла Анатольевича Судоплатова раздался телефонный звонок. В трубке послышался требовательный и как всегда уверенный голос министра госбезопасности генерал-полковника Виктора Семёновича Абакумова:

– В десять будьте готовы для выполнения срочного задания. Вылет из Внукова.

В аэропорту Судоплатова уже ждал заместитель Абакумова генерал-лейтенант Николай Николаевич Селивановский. Он, как и Судоплатов, был на чекистской работе с 1921 года, во время войны в качестве заместителя начальника Главного управления контрразведки Смерш отвечал за агентурную разведку и диверсии. Он рассказал, что во Львове бандеровцы зарубили известного украинского писателя-антифашиста Ярослава Галана, разоблачавшего связи украинских иерархов униатской церкви с гитлеровцами и Ватиканом, нанеся ему 11 ударов гуцульским топором прямо в его рабочем кабинете. Сталин потребовал срочно разыскать главарей бандеровского подполья на Западной Украине и ликвидировать их.

Во Львове чекисты сразу же попали на партактив, который проводил первый секретарь ЦК компартии Украины Никита Хрущёв. Он был явно не в духе: над ним висела угроза сталинской опалы из-за того, что не удалось положить конец разгулу бандитизма на Западной Украине. В безапелляционном тоне Хрущёв потребовал ввести для жителей Западной Украины особые паспорта и мобилизовать молодежь на работу в Донбасс. Обсуждалась также и возможность проведения общевойсковой операции.

Однако второй секретарь ЦК компартии Украины Леонид Мельников резонно заметил, что подобные меры способны лишь еще больше озлобить местное население, а Судоплатов предположил, что молодежь, уклоняясь от насильственной высылки, наверняка уйдет в леса и вольется в ряды вооруженных бандформирований. Хрущёв этого не забудет им обоим.

Нужно сказать, что пути Мельникова и Судоплатова уже пересекались – ведь Мельников, помимо пяти орденов Ленина и многих других наград, имел медаль «Партизану Отечественной войны I степени». В 1941 году, работая вторым секретарём Донецкого (тогда Сталинского) обкома партии, он занимался организацией подпольной работы на оккупированной территории Горловского района, используя связи с подпольщиками Енакиево, сёл Зайцево и Байрак, станции Никитовка. По предложению Мельникова секретарем Горловского подпольного горкома партии был утвержден Семён Николаевич Щетинин – в 1942 году он станет первым секретарём Сталинского подпольного обкома партии. Мельников встречался со Щетининым в ноябре 1941 года в Луганске (тогда Ворошиловграде). На обратном пути в Горловку Щетинин установил связь с людьми Судоплатова, возглавившего по линии НКВД СССР всю зафронтовую разведывательно-диверсионную работу.

С 1944 года бандеровским подпольем на Украине руководил Роман Шухевич, бывший заместитель командира специальбатальона абвера «Нахтигаль», который с 31 октября 1945 года находился в розыске (разыскное дело НКГБ Украины «Волк»). В 1946 году Шухевичу было присвоено звание генерала-хорунжего УПА. 30 мая 1947 года он объединил остатки УПА и действующее подполье ОУН(б) в единое целое и развязал беспрецедентный по своим масштабам и жестокости террор против мирного населения. Украинский историк Анатолий Чайковский приводит цитату из обращений Шухевича того времени: «ОУН має діяти так, щоб усі хто визнав радянську владу, були знищені. Не залякувати, а фізично знищувати! Не потрібно боятися, що люди проклянуть нас за жорстокість. Хай із 40 мільйонів українського населення залишиться половина – нічого страшного у цьому немає» («Не запугивать, а истреблять! Не надо бояться, что люди проклянут нас за жестокость. Пусть из 40 миллионов украинского населения останется половина – ничего ужасного в этом нет»).

Видя, что Хрущёв способен лишь подлить масла в огонь, Сталин снимает его с поста первого секретаря ЦК компартии Украины, а на его место 18 декабря 1949 года назначает Мельникова, который, будучи сам опытным подпольщиком, сразу же поднимает местные партийные и общественные организации, ставя перед ними задачу убедить население пойти на компромисс с советской властью и не участвовать в войне. Этим путем удастся выйти на некоторых родственников влиятельных участников бандеровского подполья с предложением как можно быстрее закончить войну и вернуть людей к нормальной жизни. Одним из таких ценных агентов стала «Полина», которая добровольно явилась в УМГБ по Львовской области с повинной. Поставив условием освобождение своего брата, она предложила чекистам помощь в задержании доверенного лица Шухевича – Дарины Гусак по кличке «Нюся».

Оперативную группу во Львове возглавил лично начальник контртеррористического управления «2-Н», замминистра государственной безопасности УССР генерал-майор Виктор Александрович Дроздов, который в 1941–1943 годах работал под началом Судоплатова. 3 марта 1950 года «Нюся» была арестована. Как сообщает Дроздов в «Справке о ликвидации руководителя оуновского подполья в Западных областях УССР – Шухевича Р.И.» от 17 марта 1950 года, «при ней были выявлены пистолет “ТТ”, ампула с ядом, которую она пыталась проглотить. Во время активного допроса 3 и 4 марта с. г. “Нюся” отказалась указать место, где прячется Шухевич, и отвлекала внимание оперативных работников на территорию, где Шухевича не было. В связи с этим была разработана и проведена сложная агентурная комбинация, в результате которой стало известно, что в селе Белогорща Брюховецкого района, расположенного в предместье Львова, скрывается Шухевич и его ближайшая помощница Дидык Галина».

Операцию по захвату Шухевича утвердили Судоплатов и Дроздов. 5 марта 1950 года в 8.30 утра во время проверки дома, где предположительно находились Шухевич и Дидык, из-за деревянной перегородки на лестнице были произведены выстрелы. В это время по лестнице поднимались начальник отделения управления «2-Н» майор Ревенко и заместитель начальника УМГБ по Львовской области полковник Фокин. В возникшей перестрелке майор Ревенко был убит. В этот момент из укрытия выскочил бандит с пистолетом и гранатой и бросился вниз по ступенькам, налетев на полковника Фокина. Подбежавший Сержант Полищук, который стоял во дворе, выпустил по бандиту автоматную очередь. Труп был предъявлен для опознания сыну Шухевича Юрию, бывшей сожительнице Шухевича Екатерине Зарицкой по кличке «Монета» и еще бывшему хозяйственному референту центрального провода ОУН по имени Зиновий Благий. «Все они сразу и без всяких колебаний опознали в трупе Шухевича», – говорится в совершенно секретной записке, подписанной генерал-лейтенантом Судоплатовым и генерал-майором Дроздовым и направленной в тот же день по ВЧ министру государственной безопасности СССР генерал-полковнику Виктору Семёновичу Абакумову.

Обо всем этом не знали в Лондоне и Мюнхене. Расположенные там штаб-квартиры ОУН и лично Бандера, обеспокоенные отсутствием радиосвязи с Шухевичем, решили нелегально

направить на Украину руководителя референтуры Службы безопасности так называемых иностранных частей ОУН(б) Мирона Матвиейко, который прошел обучение в спецшколе английской разведки СИС (кличка «Модди»). Он получил задание подчинить подполье напрямую руководству ЗЧ ОУН и передать ему новые инструкции по ведению шпионажа против СССР. Однако в МГБ СССР знали об этих планах благодаря Киму Филби, который возглавлял миссию связи СИС и ЦРУ в Вашингтоне и тесно сотрудничал с Отделом координации политики ЦРУ, в функции которого входили диверсии, саботаж и дезинформация, в том числе и на Украине.

В ночь с 14 на 15 мая 1951 года Матвиейко и еще пять эмиссаров ОУН, среди которых был и агент МГБ «Владек», были сброшены с английского военного самолета на территорию Тернопольщины – возле села Бышки в 80 км восточнее Львова. 22 мая замминистра госбезопасности Украины генерал-лейтенант Александр Анатольевич Вадис получил сообщение «Владека», и 5 июня оуновцы были захвачены спецгруппой МГБ УССР, состоящей из 19 легендированных сотрудников, на счету которых уже были десятки бандитов. При задержании использовался добавленный в питьевую воду спецпрепарат «Тритон». Матвиейко был доставлен в Москву и допрошен лично министром госбезопасности СССР Виктором Семёновичем Абакумовым и его заместителем генерал-майором Евгением Петровичем Питоврановым в присутствии генерал-лейтенанта Павла Анатольевича Судоплатова, выполнявшего роль переводчика, поскольку Матвиейко говорил только на западно-украинском диалекте. С согласия Абакумова Судоплатов связался с первым секретарем ЦК компартии Украины Леонидом Георгиевичем Мельниковым и попросил его принять Матвиейко в Киеве, чтобы тот своими глазами мог убедиться в том, что Украина – это не оккупированная русскими территория, а свободные земли, на которых живут и трудятся свободные люди. Матвиейко был настолько потрясен увиденным, что согласился на сотрудничество с МГБ и участвовал в оперативных играх с зарубежными центрами ОУН и спецслужбами стран НАТО (операция «Метеор»), не вставляя в тексты своих радиogramм контрольное слово «борщ» («работаю под контролем МГБ»). Позднее он был полностью помилован и выступил на устроенной украинским руководством пресс-конференции с осуждением бандеровского движения, призвав эмиграцию и вооруженное подполье на Украине к примирению с советской властью: «Я, бывший член провода ЗЧ ОУН, который в течение многих лет был неотступно соратником Лебеда, Гриньоха, Бандеры, Стецько, Ленкавського и которому было поручено укрепить остатки националистического подполья на Украине, во имя правды перед совестью народа, собственной и перед вашей, дорогие друзья, заявляю, что... украинский народ прозрел и возненавидел ОУН УПА за все лихолетья и страдания, принесенные ему в предыдущие годы группами националистов-террористов, которые выполняли волю немецких фашистов, а позже – американских империалистов».

Успешное завершение всей этой филигранной чекистской операции по ликвидации оуновского подполья стало оплеухой для Хрущёва. А в подобных случаях люди тщеславные и амбициозные склонны скорее принять сторону врага, нежели расписаться в своем бессилии или своей глупости. Так оно и вышло – придя к власти, Хрущёв первым делом расправится со всеми без исключения упоминавшимися выше руководителями органов госбезопасности – а также и руководителем Украины Мельниковым. Вот как это было.

Когда на Украине собрали небывалый урожай пшеницы, Сталин вызвал к себе Хрущёва и Мельникова. Леонид Георгиевич доложил, что еще перед посевной провел актив с работниками села. На этом активе селяне попросили Мельникова разрешить им сеять то, что сеяли их отцы и деды, и получили его согласие.

– А что же сеяли до этого на чернозёмах Украины? – поинтересовался Сталин. Ему рассказали, что большая часть земель была занята различными техническими культурами, включая кукурузу и кок-сагыз, из которого получают каучук.

– Какой же дурак придумал занимать чернозёмы Украины под эти культуры? – спросил Сталин.

Как рассказывал сам Леонид Георгиевич, ему ничего не оставалось, как указать пальцем на Хрущёва, и тот получил от Сталина хорошую взбучку. Как только вышли из кабинета, Хрущёв подошел к Мельникову и прошипел: «Я тебе этого по гроб не забуду».

Впервые они встретились еще в 1938 году, когда Хрущёв был назначен первым секретарем ЦК КП(б) Украины, а горный инженер Мельников, выпускник Донецкого индустриального института, был направлен на работу в Донецкий (Сталинский) обком партии, первым секретарём которого тогда был Александр Сергеевич Щербаков – человек незаурядный, выпускник Института красной профессуры, являвшийся одновременно первым секретарём Союза писателей СССР. Сталин доверял Щербакову безгранично. Когда Мельников приходил к Щербакову с докладом, тот, выслушав его, задавал вопрос:

– А что Вы вчера прочитали?

Обычно Мельников отвечал, что прочитал много документов, поступивших в обком, на что Щербаков возражал:

– А что Вы прочитали из художественной литературы?

Как-то при встрече со Щербаковым Хрущёв высказался в том смысле, что вот раньше, мол, были книжки по одной копейке, а Щербаков в разговоре с Мельниковым заметил:

– Хрущёв прочёл две книжки по копейке и считает себя грамотным...

Эти слова Щербакова, по-видимому, дошли до Хрущёва и отразились на их взаимоотношениях. Щербаков, в годы войны начальник Главного политуправления Красной Армии, руководитель Совинформбюро и главный идеолог страны, умер 10 мая 1945 года при загадочных обстоятельствах. Названному в 1946 году именем Щербакова городу Рыбинску в 1957 году по инициативе Хрущёва было возвращено старое название. А при Горбачёве станция метро «Щербаковская» тут же была переименована в «Алексеевскую».

В 1942 году Мельников и Хрущёв встретились под Сталинградом. Собственно, немцы там и оказались во многом благодаря Хрущёву, который, будучи членом Военного совета Юго-Западного фронта, докладывал в Ставку, что угроза со стороны немецкой группы армий «Юг» преувеличена. В результате к 26 мая окруженные под Харьковом части Красной Армии оказались полностью заперты, потеряв 270 тыс. человек. Из-за катастрофы под Харьковом был потерян Донбасс, и стало возможным стремительное продвижение немцев на Воронеж и Ростов-на-Дону с последующим выходом к Волге и на Кавказ (операция «Fall Blau»).

27 августа 1942 года на базе 8-й резервной армии была сформирована 66-я армия под командованием генерал-лейтенанта Родиона Яковлевича Малиновского. Членом Военного совета армии был назначен Леонид Георгиевич Мельников. 30 сентября армия была включена в состав Сталинградского фронта, членом Военного совета которого был Хрущёв. Армия занимала позиции севернее Сталинграда, нанося удар вдоль Волги навстречу группе Горохова, оборонявшейся в районе Сталинградского тракторного завода.

О том, что произошло дальше, рассказал в интервью газете «Завтра» приёмный сын Сталина Артём Фёдорович Сергеев, также участник обороны Сталинграда: «Звонят и говорят, чтобы Мельников летел в Москву. Идет Сталинградская битва, он – член Военного совета армии – отмахивается: “Подождут!” Опять вызывают – он не реагирует. Потом следует приказ Сталина: “Быть тогда-то!” Делать нечего – в самолет (Малиновский, провожая Мельникова в Москву, дал ему перчатки и бутылку коньяка, чтобы не замерзнуть в военном самолете. – А. В.). Сталин говорит: “Необходим уголь (для выплавки стали после утраты Донбасса. – А. В.). Нужно ехать в Караганду и удвоить его добычу”. И направляет Мельникова первым секретарём Карагандинского обкома партии. Мельников спрашивает: “А как же я буду со всеми разговаривать, убеждать, не зная языка?” Сталин дал рекомендации: “Пойдите на рынок, найдите старого акына, который там песни поёт. Это не песни в нашем понимании – это песни о

текущей жизни. Он всё подскажет и поможет”. Мельников, приехав в Караганду, нашел акына, причем случайного, и рассказывает мне: “Я никогда не думал, что может быть такой результат”. Позже, когда добыча угля была удвоена согласно приказу, Мельников представляет этого акына к ордену Ленина. Оказывается, он пел на 300-летию дома Романовых. И за это ему дали пять рублей. “А когда я пел для советской власти, то получил золотой орден самого Ленина!” Сталин прекрасно понимал национальные особенности каждого народа. “Акын, – говорил Мельников, – очень помог. Какие вопросы надо было решать, я ему говорю о них, он шел на базар и пел. В песне рассказывал и призывал, убеждал в том, что это – нужное дело, и таким образом мобилизовывал людей на выполнение поставленной задачи».

Вместе с Мельниковым в Караганду выехал и заместитель наркома угольной промышленности Егор Трофимович Абакумов. Изучив обстановку, Мельников и Абакумов приехали на доклад к Сталину и предложили в кратчайший срок освоить Фёдоровское месторождение открытым способом, запросив для этого 400 студбеккеров, несколько иностранных экскаваторов, отозвать с фронта шахтёров и установить им гвардейский паёк. Все вопросы были решены, но по поводу гвардейского пайка Сталин сказал Абакумову:

– Егор, ты так споишь весь народ в России, – на что тот ответил:

– Товарищ Сталин, в России не пьёт только тот, что голый стоит на колоннаде Большого театра и управляет лошадьми. – Сталин рассмеялся и сказал:

– Уморил ты меня, Егор! – но паёк шахтёрам был установлен.

После освобождения Донбасса Мельникова по решению ЦК ВКП(б) в феврале 1944 года направляют на его восстановление. Прямолинейный и честный, чуждый угодничеству и несправедливости, уравновешенный и рассудительный, Мельников всегда быстро адаптировался к любому коллективу и любым обстоятельствам. Ученые до сих пор считают проведенную на Донбассе откачку воды из затопленных выработок одним из величайших достижений инженерной мысли.

В 1952 году на XIX съезде партии Мельников был избран членом ЦК КПСС, а на октябрьском пленуме ЦК КПСС – членом Президиума ЦК. После смерти Сталина 5 марта 1953 года, больше похожей на убийство, над Мельниковым также нависла смертельная опасность. Но он еще успел возглавить комиссию по определению личных вещей Сталина, весь объём которых вместился в один мешок: мундир генералиссимуса, несколько пар белья, сапоги – и практически всё. Зато была огромная библиотека, причем книги были с карандашными пометками.

26 мая 1953 года постановлением Президиума ЦК «Вопросы западных областей Украинской ССР» Мельников был снят с поста первого секретаря ЦК компартии Украины за «искривление» национальной политики в том смысле, что в руководящем партийно-советском активе западные украинцы составляли меньшинство, а преподавание большинства дисциплин в вузах Западной Украины велось на русском языке. В июне он был выведен из состава Президиума ЦК и фактически ему грозил арест, поскольку, по его словам, уходить из Киева ему пришлось, как в шпионском триллере – в багажнике автомобиля.

26 июня 1953 года в Москве группой военных, действовавших по указке Хрущёва, был застрелен Лаврентий Павлович Берия – первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр внутренних дел СССР, которому удалось вновь объединить МВД и МГБ, то есть восстановить прежнюю структуру НКВД СССР. Военный переворот сопровождался масштабными репрессиями против чекистов – по самым скромным оценкам, было арестовано более двухсот руководителей госбезопасности. 23 декабря 1953 года были казнены ближайшие сподвижники Берии – бывший нарком госбезопасности СССР генерал армии Всеволод Николаевич Меркулов, первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-полковник Богдан Захарович Кобулов, начальник военной контрразведки генерал-полковник Сергей Арсеньевич Гоглидзе, министр внутренних дел Украинской ССР, бывший замначальника Смерш генерал-лейтенант Павел Яковлевич Мешик, министр внутренних дел Грузинской ССР

Владимир Георгиевич Деканозов и начальник Следственной части по особо важным делам МВД СССР генерал-лейтенант Лев Емельянович Влодзимирский – то есть вместе с Берией первая семерка.

Под номером восемь в этом списке значился генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов. Его арестовали в своем кабинете в пятницу 21 августа 1953 года. Особая инструкция в отношении него гласила: «Необходимо сохранение в секрете самого факта содержания номерных заключённых. Сохранение в секрете их имён, фамилий, прошлого». Судоплатова доставили в Бутырскую тюрьму. На первом допросе ему объявили, что, как доверенное лицо Берии, он обвиняется в активном участии в заговоре с целью захвата власти, в планировании терактов против руководителей государства, создании особой группы при наркоме внутренних дел для устранения неугодных Берии лиц.

Судоплатова ждал неминуемый расстрел – ведь главная его вина состояла в том, что он слишком много знал о Хрущёве. Но помогла чекистская смекалка. Незаметно выбрасывая еду, он впал в состояние ступора – этому приёму его научил ещё Сергей Михайлович Шпигельглас. Но это было непросто – пришлось ещё выдержать болезненную спинномозговую пункцию. После того как врачи подтвердили его полную непригодность к допросам, Судоплатова поместили в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу.

В один из дней 1954 года он обратил внимание на газету, в которую была обернута книга смотревшей за ним медсестры. В заметке говорилось о расстреле Берии и его соратников. Судоплатов понял, что нужно продолжать симуляцию своего состояния, тянуть время. Однажды книга медсестры оказалась обернута в старое письмо. Дальняя родственница писала, что «старика разоблачили на общем собрании колхозников». Судоплатов понял смысл «шифровки»: на XX съезде партии Хрущёв выступил с разоблачением «культа личности» Сталина.

Этот способ передачи информации придумала Эмма Карловна, супруга Павла Анатольевича, подполковник госбезопасности, старший преподаватель спецдисциплин в Центральной школе НКВД СССР. Она перевербовала медсестру и фактически спасла мужу жизнь. Вышел он только 21 августа 1968 года. В тюрьме он перенёс три инфаркта, ослеп на один глаз и получил инвалидность 2-й группы.

Подлая «суть личности» Хрущёва дорого обошлась стране. Началась «оттепель» партократов и карьеристов, причем возглавили этот процесс выходцы с Украины. В самом деле, с 1953 по 1991 год пост генерального секретаря ЦК КПСС, за исключением краткого периода пребывания на этой должности Юрия Владимировича Андропова, занимали выходцы с Украины – Хрущёв, Брежнев, Черненко и Горбачёв. Что касается Хрущёва, то он хотя и родился в Курской области на границе с Украиной, но с 14 лет жил и работал в нынешнем Донецке, а потом долго возглавлял Украину. Горбачёв же родился на Северном Кавказе и по матери украинец. Группу военных заговорщиков, арестовавших Берию, возглавлял украинец Москаленко: «Вначале мы поручили арест Берии Москаленко с пятью генералами, – пишет сам Хрущёв. – Он с товарищами должен был иметь оружие, а их с оружием должен был привезти в Кремль Булганин... Накануне заседания к группе Москаленко присоединился маршал Жуков и ещё несколько человек». Сразу же после ликвидации Берии Хрущёв назначил Москаленко командующим войсками Московского военного округа. Министерство обороны вскоре возглавил маршал Малиновский, затем маршал Гречко. Генеральным прокурором СССР с 1953 года и до своей смерти в 1981 году был украинец Руденко. КГБ СССР в 1961 году возглавил Семичастный. Первыми замами сменившего его в 1967 году Андропова стали Цвигун и Цинёв – оба с Украины. Еще одним замом, начальником контрразведки был украинец Григоренко. После Андропова председателем КГБ СССР стал украинец Федорчук, пересевший затем в кресло министра МВД СССР, а первым директором ФСК (впоследствии ФСБ) стал председатель КГБ Украины Голушко. Председателем Президиума Верховного Совета СССР (т. е. главой Советского государства) в 1965–1977 годах был украинец Подгорный, а затем – сам Брежнев, он же

генсек, который, кстати, своим преемником видел опять-таки украинца Щербицкого. Так кто же правил Советским Союзом после Сталина?

В 1957 году опальный Мельников, который до переворота по-сталински руководил Украиной, был сослан в Казахстан, причем Хрущёв несколько раз демонстративно понижал его в должности, заявляя во время своих наездов туда, что не возьмет Мельникова в Москву даже дворником.

Но сработало правило бумеранга. 14 октября 1964 года пленум ЦК КПСС освободил самого Никиту, заведшего страну в тупик, «по состоянию здоровья». На следующий день указом Президиума Верховного Совета СССР Хрущёв был освобожден от должности главы советского правительства.

По словам Марата Петровича Васильчука, бывший председатель КГБ при СМ СССР Семичастный рассказывал ему, как на докладе у Брежнева он высказал мысль о том, что надо, мол, Мельникова возвращать в Москву, и через два дня Леонид Георгиевич был уже в Москве, вначале в должности председателя Госгортехнадзора РСФСР, а с 1966 года – председателя Госгортехнадзора СССР.

Как отмечает Васильчук, который долгие годы был первым заместителем и другом Мельникова, Леонид Георгиевич был человеком величайшей скромности. Он никогда не использовал своих старых связей. При этом он часто вспоминал период своей работы на Украине, когда во время уборочной выезжал в области. Тогда не были приняты обеды в ресторанах, и Леонид Ильич Брежнев, с 1947 по 1950 год первый секретарь Днепропетровского обкома партии, всегда принимал его у себя на квартире, а Леонид Георгиевич расхваливал вареники, которые готовила мама Леонида Ильича. Ссылаясь на это, Васильчук не раз пытался уговорить Мельникова позвонить Брежневу для решения того или иного вопроса. Но он этого никогда не делал.

Леонид Георгиевич Мельников пережил Хрущёва, который умер от сердечного приступа 11 сентября 1971 года, на десять лет. А Павел Анатольевич Судоплатов – на четверть века, дождавшись своей полной реабилитации и выпустив мемуары, ставшие мировым бестселлером. Но «бомба», заложенная в основание советского фундамента Хрущёвым, успела взорваться – на Украине уже появились другие герои...

«Соловьинная» песня

*Я так толерантен, что даже, к примеру,
Признал бы героем Степана Бандеру.
Но люди Степана считают уродом,
А кто я такой, чтобы спорить с народом?*

Профессор Преображенский

В славянской мифологии Соловей-разбойник нередко изображается в виде человекоподобного зверя, который проживал в киевских землях и грабил всех проезжающих мимо купцов, поражая недовольных чудовищным посвистом: «Геть!» Согласно легенде, приехал раз Илья Муромец, да на те леса Брынские, да на те грязи топучие, да на те мосты калиновы, да к той реке Смородинке. Соловей-разбойник прослышал о себе кончину и несчастье великое и, не допуская Илью Муромца за двадцати вёрст, засвистал своим свистом разбойническим крепко – но богатырское сердце не устало. Приехал Илья Муромец под самое гнездо, которое свито на девяти дубах, и Соловей-разбойник, на гнезде сидя, увидел сятурского богатыря и засвистал во весь свист: «Ге-е-е-е-ть!» – и хотел Илью Муромца убить до смерти.

А и тут старья казак да Илья Муромец
Да берёт то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берёт во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
То он стрелил в того Соловья разбойника,
Ему выбил право око со косицею.
Он спустил то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повёз его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышко повёз да соловьиное.
.....
А и он вёз то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе полно тко свистать да по соловьему,
Тебе полно тко кричать да по звериному,
Тебе полно тко слезить да отцей матерей,
Тебе полно тко вдовить да жен молодых,
Тебе полно тко спущать то сиротать да малых детушек».

28 июня 1941 года Красная Армия отступила из района Львова – столицы Восточной Галиции. 30 июня в город вошли 2-я и 4-я роты 1-го батальона 800-го учебного полка особого назначения «Бранденбург», действовавшие в качестве разведотряда и передового охранения 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс» из состава XXXXIX горного корпуса 17-й армии группы армий «Юг». 800-й полк, замаскированный под учебный, был спецназом отдела разведки Abwehr II (террор, диверсии и саботаж). Ему был придан набранный из украинских националистов специальбатальон «Нахтигаль» (нем. Nachtigall – «Соловей») имени Степана Бан-

деры, получивший свое название благодаря по-соловьиному голосистому батальонному хору. Командиром специальбатальона со стороны абвера был обер-лейтенант Ганс-Альбрехт Герцнер, а со стороны оуновцев – обер-лейтенант Роман Шухевич. Политическим руководителем «соловьёв» был один из вдохновителей этнической концепции «нового порядка» Теодор Оберлендер.

«Нахтигаль» являлся любимым детищем Степана Бандеры. Сам он писал: «В начале 1941 года появилась возможность сделать при немецкой армии школу для двух украинских подразделений, приблизительной численностью до куреня». Военной и специальной подготовкой «соловьёв» в силезском Нойхаммере со стороны ОУН-бандеровцев руководили Роман Шухевич, Д. Грицай, Перебийнис и О. Гасин-Лыцар.

Передо мной рапорт командира 1-го батальона 800-го полка «Бранденбург» майора Фридриха-Вильгельма Хайнца. Рапорт оригинальный, на немецком языке, и я буду приводить выдержки из него в моем переводе: «Батальон (2 немецкие, 3 смешанные роты, 1 стрелково-мотоциклетный взвод) уже в 2:00 29.6 путем объединения всех транспортных средств в транспортную колонну достиг указанного в приказе корпуса леса восточнее шоссе и смог еще утром пешим порядком выдвинуться к Ржесна-Русска. Разведгруппы из украинцев (в оригинале “уков”. – А. В.), высланные в Лемберг (Львов. – А. В.) в гражданском, вернулись 30.6.1941 к 1:30 и сообщили, что в Лемберге для обороны остались только тяжелые танки и бронеавтомобили, большая часть русских после жесточайших расправ, особенно над украинским населением, отступила еще до полуночи».

Относительно «жесточайших расправ» необходимо сделать уточнения. На сегодняшний день опубликованы машинописные подлинники списков из архива УСБУ по Львову всех расстрелянных 24–26 июня 1941 года. Во Львове было три тюрьмы: № 1 – на Лонцкого, № 2 – Замарстыновская и № 4 – Бригидки. Тюрьма № 3 находилась в замке города Золочева в 70 км от Львова. Согласно этим спискам, в тюрьме № 4 было расстреляно 197 человек, в тюрьме № 3 — 307 человек, в тюрьме № 2 – 186 человек, и в тюрьме № 1 (по семи спискам) – 1931 человек. Итого 2621 человек. Легко заметить, что составлялись списки в спешке, с большим количеством ошибок, дублированием имен одних и тех же людей по разным тюрьмам, исправлениями и т. д. Многие из помеченных как расстрелянные впоследствии оказались живы-здоровы, но продолжали числиться расстрелянными или были осуждены уже после войны. При этом имеющиеся документы говорят о том, что указания по вынесению приговоров к высшей мере наказания были даны лишь после того, как стало ясно, что дальнейшая эвакуация заключенных из прифронтовой полосы невозможна. Расстрелу подлежали только диверсанты и шпионы, которые накануне войны в массовом порядке забрасывались в приграничные районы, а также оуновские бандиты, которые по заданию абвера с весны 1941 года нападали на партийных функционеров, колхозников и советских активистов, а с началом войны обстреливали отступающие подразделения Красной Армии. Оставить их в живых наступающему противнику означало пополнить его ряды хорошо подготовленными диверсантами и карателями. Общая их цифра в 2 тысячи на всю Львовскую область выглядит совершенно реальной. Все остальные заключенные, осужденные по бытовым статьям, а также женщины и дети освобождались из тюрем, о чем свидетельствует следующий подлинный документ (ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 21. Л.л. 66–67):

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
тов. БЕРИЯ

Дальнейший вывоз заключенных из тюрем прифронтовой полосы, как вновь арестованных после проведенной эвакуации тюрем, так и в порядке расширения зоны эвакуации, считаем нецелесообразным, ввиду крайнего переполнения тыловых тюрем и трудностей с

вагонами. Необходимо предоставить начальникам УНКГБ и УНКВД <совместно>, в каждом отдельном случае, по согласованию с военным командованием решать вопрос о разгрузке тюрьмы от заключенных в следующем порядке:

1. Вывозу в тыл подлежат только подследственные заключенные, в отношении которых дальнейшее следствие необходимо для раскрытия диверсионных, шпионских и террористических организаций и агентуры врага.

2. Женщин с детьми при них, беременных и несовершеннолетних, за исключением диверсантов, шпионов, бандитов и т. п. особо опасных, – освобождать.

3. Всех осужденных по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 26.6, 10.8 и 28.12—1940 г. и 9.4 с. г., а также тех осужденных за бытовые, служебные и другие маловажные преступления, или подследственных по делам о таких преступлениях, которые не являются социально опасными, использовать организованно на работах оборонного характера по указанию военного командования, с досрочным освобождением в момент эвакуации охраны тюрьмы.

4. Ко всем остальным заключенным /в том числе дезертирам/ применять ВМН – расстрел. Просим Ваших указаний.

ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР ЧЕРНЫШОВ
НАЧАЛЬНИК ТЮРЕМНОГО УПРАВЛЕНИЯ НИКОЛЬСКИЙ
“4” июля 1941 г.»

Приговор приводился в исполнение выстрелом в затылок в спецкамере. Тела расстрелянных в обязательном порядке хоронились. Однако вскоре после занятия Львова немецкими войсками появились слухи о том, что заключенных расстреливали «массово» в камерах из «автоматического оружия» через окошечки для передач или бросали туда гранату. Откуда у конвойных войск НКВД в июне 1941 года автоматы, которые только накануне войны были приняты на вооружение? Кому придет в голову просовывать в камеру, переполненную людьми, ствол такого оружия – чтобы за него схватили? Или заблокировали окошечко первым же трупом – в камере ведь находились не «ботаники», а опытные боевики.

Попытаемся разобраться, что же случилось во Львове 30 июня 1941 года на самом деле. Из рапорта майора Хайнца следует, что он нарушил приказ следовать за горными стрелками, и его подразделение 800 вошло в город первым. Он мотивирует это тем, что «военнослужащие из состава украинских рот от своих родственников и т. д. узнали, что в горящих тюрьмах ГПУ еще остаются живые немецкие солдаты и украинцы», а «еврейское население и сброд как раз собирались грабить». Отсюда видно, какие задачи на самом деле были изначально поставлены перед «Нахтигалем»: взять под контроль тюрьмы и координировать антиеврейские акции. В 4 часа утра головная группа майора Хайнца занимает собор Святого Юра. «Митрополита графа Шептицкого нашли живым и невредимым в доме рядом с горящим собором и кратко приветствовали в торжественной форме», – пишет Хайнец. К 7 часам утра занятие всех объектов было завершено. Среди них вокзал, железнодорожные мосты и склады, главная продуктовая база, электростанция, радиостанция, почтамт, здание НКВД. Как только «соловьи» проникли в тюрьмы и заявили о якобы обнаруженных там трупах, сразу же появились боевики СБ ОУН(б), а также три фотографа пропагандистской роты СС, которые «случайно оказались в Лемберге» вместе с судмедэкспертами и запечатлели изувеченные оун-бандеровцами трупы на фотопленку. Дальше все шло как по плану. Получив эти материалы, армейское командование уже вечером 30 июня направило телефонограмму верховному командованию сухопутных войск (ОКХ) с просьбой «прислать представителей прессы Германского Рейха и нейтральных государств». И уже в 23 часа ОКХ сообщило о принципиальном согласии фюрера с внесенным предложением. В начале июля Геббельс записал в своем дневнике: «7.7. Я организую большую поездку журналистов и дикторов во Львов и на бывшие русские территории. Надо ковать

железо, пока горячо. 8.7. Вечер. “Вохеншау”, в том числе бросающие в дрожь сцены большевистских зверств во Львове. Грандиозно! Звонит фюрер: это лучшее “Вохеншау”, которое мы когда-либо сделали».

Были сняты постановочные пропагандистские фильмы, в которых рассказывалось о том, что в тюрьмах Львова были найдены грудные дети, беременные женщины, приколотые к дверям штыками, жертвы рубились топорами живьём, выколотые глаза, кастрированные мужчины и т. д. Вот только кто стоит за этими зверствами? Ведь начиная примерно с 13 часов по всему городу шло избиение поляков, евреев и коммунистов. Их вытаскивали из домов и волокли к одной из трех тюрем. Один из выживших евреев вспоминает: «Когда мы пришли к воротам тюрьмы Бригидки, там на очень широкой улице собралась большая толпа. Мы натолкнулись на забитых насмерть евреев, которых пригнали к Бригидкам до нас. После многочисленных побоев я был весь в крови. Я видел, как передо мной маленького ребенка схватили за ноги и ударили о стену, так что на меня брызнула кровь». Тот факт, что резню устроили «соловьи», доказывает заявление штабного офицера городской комендатуры Львова, гауптмана Мейдинга: «Батальон полевой жандармерии получил задание взять тюрьмы под контроль и сменить находившиеся в них украинские роты». Однако неизвестно, было ли это сделано. В своем рапорте майор Хайнц по-своему истолковал эту смену, приписав ее начавшейся деморализации украинских рот: «30.6.41 и 1 июля произошли усиливающиеся акты насилия над евреями, которые частично приняли характер худших погромов. Задействованные при этом полицейские силы не справились со своей задачей. Они подстрекали население грубым и отталкивающим образом против беззащитных. Наше собственное подразделение, как доказывают донесения рот, возмущено актами жестокости и расправами. Хотя оно считает безусловно необходимым безжалостный суд над большевиками, повинными в массовых расправах, однако не понимает зверства и расстрелы согнанных вместе беззащитных евреев, в том числе женщин и детей. Особенно разлагающе с точки зрения дисциплины действует это на украинские роты. Они не в состоянии различить между вермахтом и полицией и колеблются, поскольку видят в немецком солдате пример для подражания».

На пресс-конференции в Берлине 22 октября 1959 года Альберт Норден, член Политбюро ЦК СЕПГ и руководитель комиссии ГДР по раскрытию военных и нацистских преступлений, заявил, что с 1 по 6 июля 1941 года специальная батальон «Нахтигаль» под командой Оберлендера, Герцнера и Шухевича совместно с фельджандармами и членами краевой экзекутивы ОУН(б) уничтожили в Львове от 3 до 4 тысяч человек, в основном советских активистов, евреев и поляков, среди которых свыше 70 известных ученых и деятелей культуры. С 30 июня по 11 июля 1941 года во Львове распространялось обращение Степана Бандеры: «Народ! Знай! Москва, Польша, мадьяры, жида – то твои враги! Уничтожай их!» В книге Александра Кормана «Из кровавых дней Львова 1941 года» имеются многочисленные свидетельства трагедии: «“Нахтигальцы” вытаскивали из домов коммунистов и поляков, которых здесь же вешали на балконах... Солдат-украинцев из батальона “Нахтигаль” жители Львова называли “птичниками”. Они были в немецких мундирах и с немецкими знаками различия. Разговаривали на украинском языке...» и т. д. Профессор Виталий Иванович Масловский, найденный 27 октября 1999 года в подъезде своего дома во Львове с черепно-мозговой травмой, писал: «Руководил этой акцией, бесспорно, Микола Лебедь – шеф Службы безопасности ОУН(б), а несколько позже – проводник всей ОУН(б) в крае. Его подручными стали: его заместитель по Службе безопасности Е. Вре́цёна и руководитель краевой экзекутивы ОУН(б) “Легенда” (И. Клымыв), которые готовили списки и лично руководили расстрелами, унтерштурмфюрер гестапо Ярослав Мороз и командиры “Нахтигалья” Ганс-Альбрехт Герцнер и Роман Шухевич. Хотя над всем этим чувствовалась тяжелая рука гестапо (гауптштурмфюрер СС Ганс Кригер) и абвера (оберфюрер Теодор Оберлендер)».

Вскоре, однако, между бандеровцами и немцами произошел конфликт. Прибывшие во Львов во главе передовой походной группы ОУН(б) Степан Бандера и Ярослав Стецько вечером 30 июня провозгласили создание «Украинского Государства, союзного Великой Германии, во главе с вождём Степаном Бандерой» и заручились поддержкой Митрополита Галицкого Андрея Шептицкого. Они надеялись, что с Галицией пройдет тот же номер, что и с Хорватией: кусочек бывшей Австро-Венгрии станет самостоятельным государством, да еще получит от фюрера обширные пространства на востоке. Но тут они просчитались: еще в 1940 году Гитлер высказал идею переселения туда немцев. В недрах РСХА идея фюрера получила название генеральный план «Ост». Переселение планировалось проводить в течение 30 лет после окончания войны. На пространствах бывшего СССР, завоеванных Германией, в немецком районе расселения должны были остаться 14 млн славян. Их предполагалось поставить под контроль 4,5 млн немцев. «Нежелательных в расовом отношении местных жителей» собирались отправить в Западную Сибирь, 5–6 млн евреев, находящихся в восточных областях, подлежали ликвидации. Поэтому Гитлер отнесся к инициативе Бандеры крайне негативно: во Львов немедленно были направлены подразделения СД и гестапо для ликвидации «заговора бандеровцев». Как заявил гауляйтер Восточной Пруссии рейхскомиссар Украины Эрих Кох: «Украинцы – это оскотинившиеся русские, которые за идею Украинской державы готовы зарезать даже свою фрау. Это идеальные бойцы против Красной Армии, но после подлежат тотальной санации как самые страшные варвары». Бандера после упомянутых событий полтора года содержался в немецкой полицейской тюрьме в Кракове, а затем был переведён в концлагерь Заксенхаузен близ Берлина, где был помещен в одиночную камеру специального блока «Целленбау» для VIP-персон. 25 сентября 1944 года его выпустили и к началу 1950-х годов он обосновался в Мюнхене.

15 октября 1959 года внимание жильцов дома номер 7 по Крайтмайерштрассе в Мюнхене привлёк крик, и они выглянули из своих квартир. Это произошло приблизительно в 13 часов 5 минут. По свидетельству соседей, лежащий на полу Бандера, которого они знали как Штефана Попеля, был залит кровью и, вероятно, ещё жив. Так или иначе, по пути в больницу лидер ОУН(б) скончался, не приходя в сознание. Первичный диагноз – трещина в основании черепа в результате падения. Рассматривая возможные причины падения, врачи остановились на параличе сердца. Но поскольку при осмотре доктор нашёл у убитого кобуру с револьвером, в дело вмешалась криминальная полиция. Однако никакого расследования не было. Дело было закрыто, поскольку по заключению врачей Бандера умер от сердечного приступа.

Спустя два года после смерти Бандеры и буквально за день до сооружения Берлинской стены в Западный Берлин из Восточного Берлина на электричке приехал с женой 30-летний мужчина, представившийся сотрудником КГБ Богданом Сташинским и поведавший изумленным американцам душераздирающую историю о том, что он – убийца Бандеры. Перебежчик сообщил, что орудием убийства ему послужил изготовленный в «секретной лаборатории Берии» пистолет КГБ, стреляющий стеклянными ампулами при помощи «порохового заряда». Несмотря на абсурдность подобной идеи, уголовное дело на этот раз было возбуждено, и за его расследование взялась мюнхенская полиция.

Наиболее рьяным поклонникам данной версии следует, однако, иметь в виду, что в правовом отношении она абсолютно несостоятельна, поскольку известна нам со слов только одного человека – Сташинского. К сожалению, на юридическом языке слова того или иного человека – это всего лишь заявление, но отнюдь не доказательство. Ссылки на смертный приговор, якобы вынесенный Бандере осенью 1949 года на закрытом заседании Верховного суда СССР, также ничем не подтверждаются. Сомнительны и слухи о награждении Сташинского орденом за проведенную ликвидацию, который вручил ему председатель КГБ Шелепин.

Что же фактически удалось выяснить немецким следователям? Из материалов дела следует, что причина смерти Бандеры была точно установлена – «отравление цианидом»,

поскольку в желудке Бандеры были найдены «явные следы синильной кислоты». Однако каким же образом удалось исследовать желудок Бандеры через три года после его смерти? Как ампула-пуля из адского пистолета-трубки попала Бандере в рот? Пистолет, кстати сказать, так и не был найден – его «реконструировали». Кроме того, Сташинский заявил немецким следователям, что во время убийства его видели. Когда нагруженный покупками Бандера якобы пытался попасть ключом в замочную скважину, то он, Сташинский, спустился к нему сверху по лестнице и предложил помощь. Бандера оглянулся, и в этот момент Сташинский выстрелил ему в рот ампулой с ядом. Потом он, не глядя на Бандеру, спокойно пошел к выходу, где его должна была видеть женщина. И вот, два года спустя, эта женщина, оказавшаяся уборщицей, подтверждает, что тогда ей действительно повстречался молодой человек, хотя в 1959 году на вопрос, не видела ли она «подозрительных лиц» в парадной, она ответила отрицательно...

Скорее всего, немцы и их американские кураторы просто решили использовать перебежчика Сташинского в холодной войне против СССР, сфальсифицировав процесс, который открылся 8 октября 1962 года в Карлсруэ. Освещавшие его мировые СМИ обвиняли руководство СССР в убийстве политических оппонентов. Вспыхнул международный скандал. Однако сам Сташинский, по рассказам очевидцев, на суде вел себя довольно спокойно, будто знал, что приговор будет не слишком суровым. В итоге Сташинский был признан убийцей Льва Ребета и Степана Бандеры, получив при этом весьма мягкое наказание – 8 лет лишения свободы. Не отбыв и половины срока, он исчез в неизвестном направлении...

27 марта 1969 года на стол председателя КГБ Украины Виталия Федотовича Никитченко легло информационное сообщение № 205/н, в котором приводился перевод опубликованной в немецком журнале «Штерн» (№ 8 от 23 февраля 1969 г.) статьи: «Охранявшийся так же тщательно, как государственная тайна, Богдан Сташинский освобожден из баварской тюрьмы. Его встретили агенты американской секретной службы и военным самолетом сразу отправили в Америку. <...> Исполнитель двух убийств должен был до октября 1969 года содержаться в заключении, однако 31 декабря 1966 года человек, которому до этого федеральный президент Любке ответил отказом на прошение о помиловании, бесшумно исчез с западногерманского горизонта. Федеральный судья заменил ему оставшийся срок наказания “условным”. В США он был принят взявшими его на поруки лицами, которые расценивают Сташинского как спецagenta № 1 американской секретной службы ЦРУ...»

Интерес Виталия Федотовича Никитченко, помощником и другом которого был мой отец, объясняется очень просто. Виталий Федотович возглавлял КГБ Украины с 1954 по 1970 год. В 1959 году одновременно в Москве и Восточном Берлине появились публикации, в которых были приведены свидетельства того, что некий немецкий офицер несет ответственность за организацию в 1941 году во Львове массовых убийств польской интеллигенции, коммунистов и евреев. Этот офицер оказался не кем иным, как Теодором Оберлендером, федеральным министром по делам перемещенных лиц, беженцев и жертв войны в правительстве Аденауэра.

30 сентября 1959 года (т. е. за две недели до убийства Бандеры) на пресс-конференции в Бонне Оберлендер попытался откреститься от львовской резни и свалить расправы над мирным населением на отступавшие советские части. 29 апреля 1960 года в ГДР состоялся открытый процесс над Теодором Оберлендером, который обвинялся в убийстве нескольких тысяч евреев и поляков в Лемберге (Львове) в 1941 году. Суд заочно приговорил его к пожизненному заключению. После вынесения приговора Оберлендер направил канцлеру ФРГ прошение об отставке, однако Аденауэр, являвшийся помимо прочего личным другом Оберлендера, отклонил это прошение. Но 4 мая 1960 года фракция СДПГ потребовала создать парламентскую комиссию для расследования прошлого Оберлендера, и он был вынужден снова подать прошение об отставке, которая на этот раз была принята.

Как выяснила комиссия, Теодор Оберлендер был одним из главных специалистов абвера по «восточному вопросу». Не без помощи полностью разделявших его взгляды Бухарина и

Радека, он обосновал причины военных неудач Белого движения. С подачи упомянутых оппозиционеров Оберлендер высказал идею, что народы Кавказа устали от политического угнетения русскими. Иначе говоря, Бухарин и Радек надоумили абвер, как нужно структурировать сепаратистские настроения в этих регионах Советского Союза, чтобы добиться распада последнего. В 1934 году Радек имел конфиденциальную встречу с Оберлендером, в которой также принял участие и гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох. В беседе обсуждались вопросы содействия пророссийски настроенным военным кругам Германии в организации военного переворота в СССР. Все контакты и беседы Радека с Оберлендером фиксировались контрразведкой, однако участвовавший в заговоре нарком НКВД Ягода не дал делу ход. И лишь после снятия Ягоды со своего поста Радеку и Бухарину припомнили все их контакты с немецкой военной разведкой.

Накануне войны Оберлендер, будучи рейхсляйтером Союза германского Востока, был назначен политическим руководителем специальбатальона «Нахтигаль», который был ответственен за организацию кровавой оргии первых дней оккупации Львова. После войны, выйдя из американского лагеря, он занялся политикой, стал федеральным министром ФРГ и другом канцлера. И вдруг над ним нависает угроза разоблачения – есть и свидетель, Степан Бандера. Это реальный мотив для устранения нежелательного свидетеля. Тем более что к тому времени на сторону советской власти уже перешел главный командир УПА, генерал-хорунжий Василь Кук – преемник ликвидированного в 1950 году Романа Шухевича. Виталий Федотович Никитченко рассказывал, что Кука вычислили и захватили в 1954 году, после чего арестованный Кук попросил встречи с ним. И хотя председатель КГБ СССР Серов резко возражал против такой встречи, Виталий Федотович решил согласиться. Дело в том, что Никитченко в борьбе против ОУН-УПА проявил себя не только смелым, но и творчески мыслящим руководителем, понимавшим, что украинский национализм является весьма серьезным явлением и с ним нужно бороться не только силовыми методами, но и путем переговоров, компромиссов. Он считал, что национализм на Украине в ближайшее время не победить. Что, борясь с его острыми проявлениями соответствующими острыми методами, нужно учиться жить с ним, силой ума и компромисса разоружать националистов идеологически. После того как Кук предложил Виталию Федотовичу поговорить как «разведчик с разведчиком», состоялся полезный разговор. Арестованный попросил отпустить его, пообещав за это «отработать», заверив, что никаких неприятностей в ближайшее время в Киеве не будет, и при необходимости он вернется. Виталий Федотович решил поверить бандиту, и тот ушел.

Кук сдержал свое слово – через некоторое время он пришел сам и привел с собой более 50 человек разоружившихся активных соратников. Как пишет мой отец, «председатель КГБ Украины увидел в Василии Куке не просто бандита, а человека думающего, который был в состоянии реально оценить действительность и отказаться от своей бандитской деятельности». В 1960 году Кук был освобожден из тюрьмы и написал «Открытое письмо к Ярославу Стецько, Миколу Лебедю, Степану Ленкавскому, Дарье Ребет, Ивану Гринёху и всем украинцам, которые живут за границей», в котором признал советскую власть на Украине законной, отрёкся от ОУН-УПА, призвал украинское правительство в изгнании признать СССР и вернуться на Украину.

Правда, относительно полного идейного перерождения Кука высказывает сомнения ветеран внешней разведки, мой хороший знакомый Георгий Захарович Санников, который как раз в то время участвовал в ликвидации остатков ОУН-УПА на Западной Украине. Совсем недавно мы разговорились с ним о Василе Куке. Вот что рассказал Георгий Захарович: «Я хорошо знал Кука, потому что встречался с ним практически ежедневно в тюремной камере в течение нескольких месяцев. По его поиску и захвату были задействованы тысячи людей, проводились активные мероприятия. Он сидел у нас в тюрьме, о чем знал только узкий круг руководства страны – помимо нашего отдела, где я работал. А я занимался по воле судьбы его поли-

тическим воспитанием. Камера была оборудована как квартира. При этом Кук остался врагом Советской власти, абсолютно не изменился. Это был умный, хитрый, талантливый человек, с элементом обаяния. Он, кстати, выступал против тех пыточных изуверств, которые были присущи украинскому подполью. Их практиковали прежде всего боевики, Служба безпеки (СБ). Один из них, Смок, он же Мыкола Козак, даже изобрел станок для пыток: человек подвешивался таким образом, что выкручивались все суставы. Боль дичайшая. Кук даже сказал такую фразу: «Если бы я попал в этот станок, то признался бы не только в том, что я агент НКВД, но что я эфиопский негус». Это были люди, которые имели свою идею, и то, что они предлагали переговоры – кстати, неоднократно – это чтобы переформироваться, получить передышку и так далее. Были, конечно, моменты, когда они просились выйти из подполья, полностью легализоваться, сдать оружие, но при этом хотели получить три министерства: внутренних дел, министерство просвещения и какое-то еще. Представляете, что было бы со страной? И на эти переговоры мы не пошли. Много было контактов, но все их усилия были направлены на то, чтобы продолжать свою борьбу. Истекавшее кровью подполье, уже практически не существовавшее – оно и то стреляло. И надо сказать, что какая-то часть из них, идеологически опасная, достойно уходила из жизни и вела себя очень мужественно. Но и с нашей стороны, если брать только пограничников и госбезопасность, погибло 25 тыс. человек. Это много – для сравнения, Афганская война унесла 15 тыс. за те же девять лет. Вот вам пылающая Украина. Много было ошибок с нашей стороны. Когда после Сталина к власти на короткий период пришел Берия, его посланцем на Украине был Мешик, министр внутренних дел Украины. Он состоял в нашем подразделении на партийном учете, и мы часто виделись. Его поведение говорило о том, что он был направлен Берия, чтобы идти на контакты. Была официальная команда Берия не ликвидировать, делать все, чтобы бандиты сдавались живыми. Так же, как мы сегодня уговариваем американцев, доказывая свою правоту. А их бить надо, они понимают только силу. И больше ничего, никаких уговоров. Это моя позиция, потому что иного выхода нет. Конечно, мы всегда предлагали сдаваться: жизнь гарантирована, справедливый суд. Но они либо стрелялись там внизу в бункере, либо сопротивлялись до конца. А что касается Кука – я не смог его перевоспитать. Но когда встречаешься с человеком на протяжении нескольких месяцев практически каждый день, включая выходные, то неизбежно возникает взаимная симпатия. Это известный факт из психологии. Но это был, конечно, враг. Ему нужна была своя Украина – но без Москвы. И тем более без поляков и без американцев».

Так или иначе, но к 1959 году ОУН-бандеровцы в основном были разгромлены, причем во многом благодаря усилиям самих же западных украинцев, которые никогда не жили так свободно и в материальном отношении хорошо, как при советской власти. Они стали терять интерес к находящимся в эмиграции проводникам ОУН, давно перекупленным иностранными разведками. Поэтому Степан Бандера неоднократно заявлял о своем намерении вернуться на Украину. Руководители советских спецслужб с полным основанием рассчитывали, что Бандера последует примеру Кука и пойдет на сотрудничество с советской властью. Однако такое развитие событий совсем не устраивало западногерманскую разведку БНД и федерального министерства в правительстве Аденауэра, бывшего оберфюрера СС Теодора Оберлендера.

13 октября 1961 года на пресс-конференции в пресс-службе правительства ГДР был представлен агент БНД Штефан Липольц. Он заявил, что в 1959 году получил задание от западногерманской разведки физически устранить Степана Бандеру. «При этом мне передали белый порошок, – показал Липольц, – которым я должен был отравить Бандеру». Правда, агент признался, что был не в состоянии выполнить это задание. Но на Рождество украинец по имени Дмитрий Мисков, который имел доступ в столовую людей Бандеры, рассказал Липольцу, что «он по поручению службы Гелена (т. е. БНД. – А. В.) убил Степана Бандеру». По словам Липольца, «потом этого Мискова ликвидировали».

Мероприятиями по разоблачению Теодора Оберлендера руководил лично председатель КГБ Украины Виталий Федотович Никитченко. В 1962 году, в противовес происходящему в Карлсруэ суду над Богданом Сташинским, Советский Союз обвинил Теодора Оберлендера в убийстве Степана Бандеры.

«Председателю КГБ при СМ УССР
генерал-майору т. Никитченко В.Ф.
г. Киев
Совершенно секретно
Экз. № 1

В соответствии с Вашим указанием Управлением КГБ при СМ УССР по Львовской области в период с октября 1959 по апрель 1960 года проведены мероприятия по документации и сбору доказательств о злодеяниях в городе Львове и на территории области, совершенных Оберлендером и батальоном “Нахтигаль”. <...> Были выявлены и соответственно подготовлены свидетели, выступавшие по данному делу на пресс-конференции в Москве и на суде в Берлине. С учетом достигнутых положительных результатов в проведении специальных мероприятий по Оберлендеру, прошу Вас наградить нагрудным знаком “Почётный сотрудник госбезопасности” <...>».

После своей отставки Оберлендер был включен в список кандидатов ХДС от Нижней Саксонии на выборах 1961 года, но потерпел поражение. Однако 9 мая 1963 года, через неделю после смерти депутата Элизабет Фитье, Оберлендер занял её кресло в бундестаге и оставался там до очередных выборов 1965 года. В 1966 году по инициативе Чан Кайши была основана Всемирная антикоммунистическая лига, объединяющая ультраправых политиков разных стран, и Оберлендер вошел в ее руководство, тем более что в создании Лиги приняли участие многие бывшие коллаборационисты, такие как ОУН, БЦР (Белорусская центральная рада), хорватские усташы и другие нацисты. В руководство Лиги в разное время входили президент Китайской Республики (Тайваня) Чан Кайши, диктатор Парагвая с 1954 по 1989 год Альфредо Стресснер, первый заместитель Бандеры с 1941 года и председатель Правления ОУН(б) с 1968 по 1986 год Ярослав Стецько, создатель и руководитель «эскадронов смерти» Сальвадора Роберто д'Обюссон Арриета, организатор и руководитель гватемальских «эскадронов смерти», вице-президент Гватемалы, неонацист Марио Аугусто Сандоваль Аларкон, начальник полиции в Смоленске в годы войны, лидер Белорусского Освободительного Фронта Дмитрий Космович, французская писательница и политолог Сюзанна Лабин, лидер Национального фронта освобождения Анголы Холден Роберто, лидер Мозамбикского национального сопротивления Афонсу Длакама, члены королевской семьи Саудовской Аравии, крёстный отец японской якудза Ёсио Кодама, один из создателей ЦРУ, профессиональный диверсант Джон Синглауб (руководитель американского отделения Лиги), бывший сотрудник Совета национальной безопасности США Оливер Норт, сенатор Джон Маккейн и другие одиозные фигуры.

В качестве основного средства реализации своих политических целей этот «ударный отряд империализма и фашизма» признавал насилие: «Кровь и железо рассудят нас» (Ярослав Стецько). Отличительными чертами Лиги следует считать опору на терроризм, активное использование лозунгов защиты прав человека и альянс с криминальным миром. Серьезную поддержку Лиге оказывало ЦРУ, особенно его тайваньская резидентура во главе с Рэем Клайном.

На X конференции Лиги в апреле 1977 года в Тайбэе выступил Отто фон Габсбург – на протяжении 88 лет глава дома Габсбургов, старший сын последнего австрийского императора Карла I. На XVIII конференции в сентябре 1985 года в Далласе к Лиге впервые напрямую обратился президент США – была зачитана телеграмма Рональда Рейгана. Начался кре-

стовый поход против СССР, «перестройка» и «культ гласности». Поскольку на первый план выдвинулся прямой захват власти в Советском Союзе, Антикommунистическая лига в 1990 году была переименована во Всемирную лигу за свободу и демократию (WLFD) – это чтобы российскому обывателю было понятней, что такое «демократия» и кто ее несет народам мира. 21 августа 1991 года, в день поражения ГКЧП в Москве, в Сан-Хосе собралась XXIII конференция Лиги. Следующая конференция 1992 года прошла уже в Будапеште. На XXV конференции 1993 года в Берлине присутствовал Далай-лама XIV, а следующая, XXVI конференция прошла в августе 1994 года в... Москве. Таков печальный итог «перестройки», выразившийся в криминальной фашизации постсоветского пространства. На московском сборище председательствовали тогдашний мэр Москвы Гавриил Попов и председатель WLFD Чжао Цзычи, с которым встретился премьер-министр Российской Федерации Виктор Черномырдин. В следующем году Тайбэй посетила российская делегация в составе генерального секретаря российского отделения WLFD Николая Жданова-Луценко, руководителя администрации президента Российской Федерации Сергея Филатова и мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака.

Вот так за одним столом оказались представители новой российской «элиты» и патологические нацисты, террористы и бандиты, среди которых и участник кровавых оргий первых дней оккупации Львова в 1941 году Теодор Оберлендер. 28 ноября 1993 года берлинский суд заботливо отменил в отношении него приговор Верховного Суда ГДР от 29 апреля 1960 года. И «отечественные» российские СМИ сразу же развернули кампанию по реабилитации этого нациста. Так, либеральное издание «Совершенно секретно» 24 августа 2015 года опубликовало заметку некоего Воронова под названием «Охота на Оберлендера». В ней говорится, что «6 мая 1960 года начальник Управления КГБ по Львовской области полковник Владимир Шевченко доложил руководителю украинского КГБ генерал-майору Виталию Никитченко об успешном завершении специальных мероприятий... Дело, можно сказать, завершилось большим успехом – не мытьем, так катаньем чекисты, выходит, “ушли” целого западногерманского министра... Действия товарищей из КГБ были продиктованы вовсе не пылким стремлением найти и покарать реального нацистского преступника: это была типовая спецоперация сугубо политического назначения. Специальная подготовка свидетелей (то есть, по сути, лжесвидетелей), компрометация, специальные мероприятия... – один лишь спецлексикон показывает, что все это и близко не лежало к праву как таковому».

Интересно, с каких это пор правовые вопросы решаются исходя из особенностей лексики? А заявление, что «действия товарищей из КГБ были продиктованы вовсе не стремлением найти и покарать реального нацистского преступника», тянет как минимум на встречное обвинение в клевете: а кто же, спрашивается, разоблачал все эти годы сотни нацистских преступников, зачастую рискуя жизнью? Может быть, смелые журналисты?

«В октябре 1962 года, – продолжает знаток “шаманских танцев с бубнами”, автор статьи Воронов, – надо было отвлечь внимание от громкого и скандального процесса перебежчика Богдана Сташинского, давшего показания, как Лубянка по указанию Кремля организовывала политические убийства за рубежом. В частности, Сташинский подробно рассказал, как он убил лидера украинских националистов Степана Бандеру в Мюнхене 15 октября 1959 года. К слову, именно тогда, в октябре 1959 года, и развернулась спецоперация по компрометации Оберлендера – интересное “совпадение”, позволившее чекистам сместить фокус внимания».

Далее идет самый настоящий ужастик, триллер: «Ранним утром 30 июня 1941 года “Нахтигаль” вместе с немецкими войсками вошел во Львов, заняв радиостанцию и ряд других объектов. При захвате трёх львовских тюрем обнаружилось, что все они завалены трупами – при отступлении сотрудники НКВД и НКГБ расстреляли 4140 заключенных (реальная цифра удвоена. – А. В.). Как бы в ответ на это во Львове началась кровавая резня евреев... Более того, среди расстрелянных чекистами в тюрьмах немало было и евреев: за несколько дней в городе было убито порядка 4000 евреев». Этот абсурд завершается глубокомысленным полу-

намеком: «Может, “нахтигалеvцы” и в самом деле не стреляли, чтобы не тратить казённые патроны? Большинство жертв было тогда убито прикладами, топорами, ножами, дубинами, железными прутьями...» Окончательно запутавшись в своей лжи, автор, тем не менее, ничтоже сумняшеся, под аплодисменты «пятой колонны» и западных кураторов делает нужный вывод: «Вместе с Оберлендером и его “соловьями” на ту же скамью подсудимых должны сесть и каратели-чекисты...»

Я думаю, что настоящих чекистов этот Воронин из отряда «соловьиных» и в глаза не видел. И чтобы он понимал, на кого каркает, приведу слова из воспоминаний моего отца о председателе КГБ при СМ СССР генерал-полковнике Виталии Федотовиче Никитченко: «Это был человек исключительной порядочности, большого ума и такта. Он был единственный в своём роде человек, таких мудрых больших начальников у нас в системе никогда не было. В.Ф. Никитченко во многих отношениях был человеком и руководителем будущего... И еще мне хотелось сказать о супруге Виталия Федотовича – Елизавете Степановне. Она была гостеприимна и хлебосольна, создавая непринужденную домашнюю обстановку. Крайне приятно было наблюдать за их отношениями – отношениями любви и уважения друг к другу. Можно было лишь догадываться, что ей пришлось пережить за долгие годы совместной жизни в очень непростых условиях! Вскоре на семью Виталия Федотовича обрушилось большое горе. Из-за грубой врачебной ошибки в диагнозе умер младший сын. Через два года после этого в Киеве трагически погиб старший сын. Все это надломило здоровье родителей. Они переехали в Киев. Последний раз я встречался с Виталием Федотовичем в 1990 году в Киеве в госпитале. Несмотря на тяжелую болезнь, он был полон оригинальных мыслей и планов на будущее, волновался за партию и страну, скучал от недостатка общения. Попрощались мы с ним со слезами. Поблагодарили друг друга и судьбу за то, что она сделала нас друзьями. Он передал привет всем сотрудникам Высшей школы. В 1992 году Виталия Федотовича не стало. Какой был человек!»

А что касается Степана Бандеры, то судьба его во многом поучительна: пусть приспешники фашистов и западные прихлебатели знают, как поступают их немецкие хозяева со своими бывшими лакеями, когда те становятся не нужны.

Делись огнём

*Дни работы жаркие,
На бои похожие,
В жизни парня сделали
Поворот крутой.
На работу жаркую,
На дела хорошие
Вышел в степь донецкую
Парень молодой.*

Борис Ласкин

Планета людей, о которой писал Антуан де Сент-Экзюпери, весьма неоднородна по своему строению, что не может не сказываться на облике и поведении ее обитателей. На континентах есть участки с очень древней земной корой, возраст которой насчитывает миллиарды лет. «Узнаю тебя, Становой, – писал Григорий Анисимович Федосеев в повести “Злой дух Ямбуя”, – твои гигантские взмахи отрогов и поднебесные вершины, твои зияющие чернотой пропасти и древние руины скал, твой первозданный хаос и первобытную дикость. Я хмелею от ветерка, и мне чудится еле уловимый аромат горных лютиков, резкий запах рододендронов из холодных ущелий и пряная сладость влажного ягеля». Не прикоснувшись к тайнам этих гор, невозможно объяснить успехи Сталина в духовном воспитании стахановцев. В 1903 году, когда Сталину было 25 лет, он отбывал свою первую ссылку в Новой Уде, в 200 км от озера Байкал. На горе Кит-Кай, расположенной рядом с Новой Удой, ссыльный Иосиф Джугашвили поставил шалаш – в нём и поныне хранится трубка, подаренная ему Великим Шаманом из Усть-Илима. В начале 1934 года новоудинские школьники написали Сталину письмо. Ответ пришел быстро, доставили его не по почте, а трое военных. Сталин, в частности, писал: «Очень тронут вашим приветствием. Желаю вам здоровья и успехов в учении и в общественной работе». Вместе с письмом Сталин прислал школьникам подарки: большой чёрный радиоприёмник, патефон с пластинками и книги. Вскоре о Новой Уде узнала вся страна: о ней писали газеты, журналы, слагались стихи и песни. Летом 1934 года в район Новой Уды направили учителей из Москвы и Ленинграда, многие из которых впоследствии остались там работать. Именем Сталина назвали местный колхоз, клуб и школу. По селу стал курсировать единственный в районе автобус. Суда, проходящие по Ангаре, издавали долгий гудок и причаливали к берегу. В 1938 году с борта одного из таких судов сошел Григорий Анисимович Федосеев, которому предстояло возглавить геодезические изыскания на реке Ангаре, а также Средней и Нижней Тунгусках. На основе этих изысканий были созданы карты районов Братской, Усть-Илимской, Богучанской и Зейской ГЭС, а также БАМа. В конце 1940-х годов Федосеев выполнял секретные работы на Становом хребте, в результате чего здесь была выявлена Эльконская группа месторождений урановых руд, крупнейшая по запасам урана в мире. Общие ресурсы территории оцениваются в 600 тысяч тонн урана.

Геологические условия проживания оказывают колоссальное влияние на устремления и психический облик народов. Например, ушедшая под западный край американского континента океаническая плита Фараллон, которая затащила туда часть срединно-океанической зоны спрединга, продолжающей там на глубине расширяться, вызывая колоссальные растяжения на земной поверхности и формируя мощные энергетические потоки, весьма своеобразно влияет на американцев западных штатов, постепенно превращая их в истеричных психопатов.

Другим примером может служить хребет Черского – так называемая Колыма, где сочетаются жар действующих вулканов и крайне низкие температуры воздуха – при таких контрастах выжить практически невозможно. Серьезной проблемой является Трансильвания, представляющую собой окруженную молодыми вулканическими формациями Карпат котловину, постоянно генерирующую вампиров и оборотней, определяющих в свою очередь специфические черты населения Западной Украины. Подавляет и флишевый юрский бассейн в районе Красной Поляны – нестабильная по своему генезису черносланцевая толща, превращающаяся при контакте с водой в ползущие глинистые грунты, буквально заползающие в душу. Я, кстати, не раз говорил об этом Вале Юмашеву, предлагая использовать геодинамику в практике управления геополитическими процессами.

Донбасс представляет собой продолжение Урала, узким трогом заходящее в расколотое основание Украинского щита. Это древняя горная система, возникшая примерно 300 млн лет назад, когда вся суша Земли собралась в один суперконтинент Пангея. В процессе формирования Пангеи из более древних континентов в зонах их столкновения формировались складчатые горные сооружения, например Урал, Донецкий кряж, Судеты или Аппалачи. Горообразование сопровождалось небывалой вулканической деятельностью, в результате которой в атмосферу попадало огромное количество углекислого газа, водяного пара и вулканической пыли, что привело к возникновению парникового эффекта. В условиях теплого влажного климата широкое развитие получили вечнозеленые болотистые леса, которые дали начало развитию торфяников. Позднее торфяные залежи, погружаясь в толщу земной коры, под воздействием давления и высокой температуры превратились в пласты каменного угля.

Марат Петрович Васильчук является легендой угольной промышленности Донбасса, самым уважаемым горняком России, долгие годы руководившим Госгортехнадзором СССР и Ростехнадзором, то есть безопасностью в промышленности. «Судьба свела меня с Донбассом после окончания Харьковского горного института в 1956 году, – рассказывает он. – Я был направлен на работу в Донецкий угольный бассейн на шахты местной топливной промышленности. Был такой трест в Донецке “Сталинместуголь”, он располагался в районе Харцызска. В 1956–1957 годах существовала колоссальная потребность в угле, шло мощное развитие экономики, металлургии и было принято решение о строительстве в Донбассе ста (!) шахт на выходах угольных пластов на поверхность. Вот туда я и попал. Затем Министерство местной топливной промышленности было ликвидировано, и нас объединили с союзной промышленностью. Позднее, когда я работал уже управляющим трестом, все эти шахты – “комсомольские”, как их тогда называли, – подверглись реконструкции. Часть из них работает и сегодня. Так что шло активное развитие Донецкого бассейна. Я был молодой, энергия через край, и руководил одной из двух первых шахт, получивших звание Коммунистического труда. Их было две: “Трудовская” и “Коммунист-Новая”. Я был начальником шахты “Коммунист-Новая” в составе треста “Октябрьуголь”, в который входили и “комсомольские” шахты. А шахта “Коммунист-Новая” стала образцово-показательной шахтой Донбасса.

– Марат Петрович, а в чем состояла роль партийных органов в решении таких масштабных хозяйственных задач?

– Прежде всего в вопросах подбора кадров. Когда на бюро горкома меня утверждали начальником шахтоуправления, то вдруг обнаружили, что я комсомолец. Секретарем горкома был Архипов Владимир Григорьевич – потом в Москве он стал зам. заведующего отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС. Ладно, говорит, давайте утвердим, возьмем грех на душу, но если “шкоду” сделает, голову снимем! И ведь как следили! Я предлагаю ряд мер по развитию местоповских шахт, а парторг и председатель шахткомма – нет, не справимся. В общем, довели меня до того, что я их послал на три буквы – мол, обойдусь без вашей помощи! А парторг пожаловался в горком. Архипов меня вызывает. Ну, я план горных работ взял, показал ему, что есть возможность развития шахт. Он посмотрел, потом говорит парторгу: ты выйди из каби-

нета. И поворачивается ко мне: “Но я тебе советую – в будущем работников партийных органов никогда не посылай”. Много лет спустя уже в Москве готовилось постановление правительства после одной из крупных аварий в Донбассе – повышали зарплату шахтёрам. Я попросил помощника Тихонова – был такой Серебряный Аркадий Григорьевич – помочь и работникам Госгортехнадзора. Он звонит в Госплан и просит включить в постановление инспекторов на уровне замов главных инженеров шахт. Когда постановление вышло, мне позвонил Архипов – и как врубил: “Ты что, в обход ЦК?! Да к вам начальники шахт побегут на работу!” А я ему: “Владимир Григорьевич, да мы еще не всех возьмем...” Тогда он: “Вот это я плохо сделал, что в молодости, когда ты парторга послал, голову тебе не оторвал!” А ты говоришь! Они все помнили. И конечно, была серьезнейшая школа резерва кадров.

– То есть все руководящие кадры утверждались в ЦК?

– Была номенклатура. Была номенклатура у горкома партии, у обкома партии, у ЦК КП Украины, у ЦК КПСС. Их две категории было: основная номенклатура и учётно-контрольная. Основная утверждалась Политбюро, учётно-контрольная заканчивалась беседой у секретаря ЦК. Он принимал решение. После того как путем опроса все подписи были собраны, секретарь вызывал и беседовал с тем лицом, которое он назначал. Когда я шел на должность главного инженера треста “Снежнянантрацит” – это была учетно-контрольная номенклатура ЦК КП Украины. Управляющий трестом – это была уже основная номенклатура ЦК КПСС. Интересно, что в ЦК утвердили, а потом утверждают на бюро горкома и бюро райкома! Так что это была серьезная система. Я даже тебе больше скажу – Братченко, министр угольной промышленности – однажды, в 1967 году, организовал курсы резерва министра. Отобрал 30 человек молодых ребят – всем было меньше 40 лет, я тогда работал главным инженером треста “Снежнянантрацит” – и полгода мы были в Москве на курсах: ходили на коллегии и т. д. А после окончания курсов товарищ Братченко всех расставил туда, где ему надо было заткнуть дыру. Все ребята пошли на более высокие должности. Меня назначили управляющим трестом “Октябрьуголь”.

– Значит, можно сказать, что в СССР существовала в высшей степени продуманная школа подготовки кадров?

– Да, была такая школа, которая начиналась с низов: райкомы, горкомы и т. д. следили за каждым твоим шагом. Шаг влево, шаг вправо – выговорняк, и тебя как руководителя забыли... Ведь решались колоссальные государственные задачи, например, обеспечения топливом страны. Под это выделялось соответствующее финансирование. Ведь чтобы эти шахты построить, нужно было собрать огромное количество народа. Шахты так и назывались: “Дрогобычская-Комсомольская”, “Житомирская-Комсомольская”, “Донецкая-Комсомольская”, “Крымская-Комсомольская” – по названию тех мест, откуда привлекался народ для их строительства.

– То есть огромный приток людей в Донбасс начался именно в 1950—1960-е годы?

– После войны. Но в этом притоке, я тебе скажу, были всякие. Когда произошли события в Новочеркасске, то в Кировске – раньше он назывался Крестовкой – тоже была крупная заваруха. На одной из шахт произошел смертельный случай. А ведь сброд был такой – ни родных, ни близких – и этого мужика додумались положить в гроб в чистой спецовке. Всё это стало известно братве, и началась заваруха. И уже через два часа «Голос Америки» во всю кричал о событиях в Крестовке, обстановка нагнеталась так, что четыре дня все шахты не работали. Пока не выявили всех зачинщиков и не начали бить морды этим бандюгам, которые провоцировали людей – наверное, среди них были и оуновцы и все остальные. А еще, там был летний кинотеатр, и падлюка киномеханик из пистолета в толпу стрелял. Так что район был непростой. У меня на шахте “Коммунист-Новая”, а это шахта Коммунистического труда, среди рабочих было 40 человек бывших оуновцев. КГБ, конечно, знал. Часто Гусев Арсений Иванович, начальник КГБ города, звонил мне: “Марат Петрович, товарища такого-то Вы переведите,

пожалуйста, на такой-то участок...” Потому что этот товарищ приглядывал за этой публикой. И они вели себя нормально, и работали активно. И даже был такой случай – я уже работал начальником комбината. На шахту “Донецкая-Комсомольская” вдруг приезжают автоматчики и арестовывают главного бухгалтера. Оказывается, этот бухгалтер во время войны был карателем где-то в Белоруссии. После войны, во время колоссального перемещения рабочей силы, он растворился, получил образование и работал бухгалтером. Поехал в Белоруссию – там его кто-то узнал в магазине, сообщил в КГБ, те отследили, приехали и забрали.

– А когда Вы впервые столкнулись с проблемами промышленной безопасности?

– Когда я работал начальником шахты “Коммунист-Новая” – это была очень опасная шахта по внезапным выбросам, в год было 105 выбросов угля и газа. Но за все время у меня ни один шахтер не погиб. А производительность труда была 60 т в месяц – самая высокая по Донбассу (только в “Красноармейскугле” была близкой). У нас было много механизации, автоматики, система конвейеризации. Поэтому приходилось активно заниматься вопросами безопасности – дисциплина была на шахте высочайшая. Не дай Бог во время взрывных работ кто-то посторонний оказывался в шахте – это было ЧП, которое сразу становилось предметом разбора с жесточайшими выводами. А в “Снежнянантраците”, хотя шахты там были не газовые, произошла авария – главного инженера треста сняли с работы, а меня назначили вместо него. А там очень старый угольный район, свои кадры. Оттуда вышел Засядько Александр Фёдорович, министр угольной промышленности СССР и заместитель Председателя Совета Министров СССР. Кстати, мой шофер, который возил меня в “Снежнянантраците”, до войны работал на участке Засядько смазчиком – была такая должность. Засядько, кстати, механик по образованию. Район, конечно, очень интересный, с богатыми горняцкими традициями, но более старый, шахты отработаны, запасов уже не было, и у меня процентов тридцать времени уходило на работу с главным геологом. Мы все время искали дополнительные запасы угля, чтобы продлить жизнь району.

– А что представлял из себя город Снежное?

– В свое время это был угольный город, моногород – других производств там не было. Но плановая система хозяйства позволяла своевременно регулировать процессы трудоустройства людей и жилья. Закрылась шахта № 18 им. Сталина, кстати, ордена Ленина, и Запорожский авиационный завод на базе ее открыл цех по производству лопаток для реактивных двигателей. Цех имел свой вертолет, и они два раза в сутки в Запорожье отвозили эти лопатки. Затем построили в городе завод химического машиностроения – он даже выпускал пароперегреватели для атомной промышленности. Это было плановое использование рабочей силы, высвобождавшейся на шахтах. На базе наших центральных мастерских, где работало свыше 1 тыс. человек, развился станкоремонтный завод – мы купили станины в Москве на «Красном пролетарии», и начали не только ремонтировать токарные станки, но и выпускать новые станки для угольной промышленности. В тресте был кирпичный завод (еще один такой был только в» Интауголь»), и на его базе в городе наладили производство керамзита. Закрывалась шахта – помещения использовали для швейного производства. Это всё было плановое и позволяло использовать рабочую силу. А теперь что? Что теперь с моногородами? Теперь они гибнут. А плановая система нам позволяла их развивать.

– В Снежном ведь расположен легендарный курган Саур-могила, ныне разрушенный.

– Да, там погибло очень много наших солдат. И самими шахтерами был брошен клич: отработать два дня на памятник. В этом месте на 9 мая всегда стихийно собирался народ. Я даже был очевидцем такого случая. Сидит старушка, у неё узелочек, что-то покушать. Я спрашиваю: “Откуда вы приехали?” Отвечает: “Из Челябинска, сын у меня тут погиб”. Всё это брало за душу, и два дня шахтеры отработали бесплатно к 25-летию освобождения Донбасса. Но нужно было разрешение Совмина – послали главу Горисполкома Снежного Лазарева Александра Марковича в Киев, он привез все необходимые документы, заказали у архитекто-

ров проект – и начали строить. В 1967 году на открытии памятника было 300 тыс. человек. Построили туда специально дорогу 16 км от Снежного. Еще был жив Юрий Борисович Левитан – поехали к нему и записали у него приказ Верховного Главнокомандования об освобождении Донбасса. Съехались все генералы, которые принимали участие в этих боях, и встал вопрос: как их принимать? По совету Артёма Фёдоровича Сергеева (приёмного сына Сталина) поехали в Артёмовск, взяли там штабную палатку, поставили, накрыли в ней столы. Не обошлось и без ЧП: когда оставалось 10 дней до открытия, поднимали голову статуи солдата – порыв ветра, голова ударяется о стелу и раскалывается. Сразу связались с консультантами в Киеве, хорошо, что форму они еще не разобрали – отливайте новую. А то бы разбили мою – ведь всё уже было задействовано, отменить ничего нельзя. А старую голову на заводе химического машиностроения – там через замминистра вызвали откуда-то сварщиков, которые могли варить чугун, – сварили, зашлифовали, покрасили, получилась как новая. Поставили ее у входа в музей.

– Я вот думаю, Марат Петрович, сколько же души было вложено в этот памятник, и сколь же бездуховны те «люди», которые сегодня эти памятники уничтожают.

– Да, очень обидно. В этот памятник вложено столько сил. Владимир Иванович Дегтярев, первый секретарь Донецкого обкома, в прошлом тоже горняк, приезжал и лично все контролировал. Помню, уже на завершающем этапе приезжает и говорит: “Я вот был в берлинском Трептов-парке, какие там надписи – а у нас что?” Сразу нашли поэтов... Стоим наверху, а у основания холма сделали киоски, чтобы народ покушать мог. Он спрашивает: “Ну что, водкой будем торговать?” Я говорю: “Ну как же, Владимир Иванович, такое событие, шахтёры нас не подведут, конечно, надо торговать”. Тогда он: “Ну, хорошо, быть по сему – но только под твою ответственность!” И всё прошло на высшем уровне. Так что это колоссальная обида, что теперь всё это уничтожено.

– А когда началось проектирование сверхмощных шахт?

– Вначале меня вернули назад в Харцызск, но уже управляющим трестом. И опять главная задача была – развитие, увеличение добычи, строительство. С этой целью объединили два треста – “Октябрьуголь” и “Шахтёрскантрацит” и меня назначили начальником комбината. Проектирование шахты “Комсомолец Донбасса” началось в конце 1960-х годов. Было постановление ЦК и Совмина о развитии Донбасса, и мне удалось включить в это постановление строительство двух шахт: “Комсомолец Донбасса” и “Шахтёрская-Глубокая”. При проектировании шахты “Комсомолец Донбасса” удалось добиться, чтобы стволы шахты были пройдены в самую глубокую точку шахтного поля – 800 м. Я подписал в ЦК бумагу, что это оригинальный проект. Через семь лет, когда шахту построили – я уже был в округе, – пришло поздравление от Брежнева, и в нём говорилось, что “шахта построена по оригинальному проекту”. В Кировске для “Комсомольца Донбасса” построили 100 тыс. кв. метров жилья, и потом еще столько же. И шахта и сейчас работает! Там была заложена идея, чтобы отработать пласт л3, прекрасный пласт, известняк в кровле – но вначале надо было снять пласт л4 и только потом работать л3. Для дегазации, и главное – не подработать л4, который был выше.

– А каковы были инвестиции государства?

– Инвестиции были огромные – 360 млн рублей теми деньгами! Меня возмущает, что вот теперь этому капиталисту Ахметову не нужно ломать голову, не нужно вкладывать деньги в нижние горизонты. Они уже пройдены, остается только вести подготовительные работы, вся основа была заложена тогда...

– То есть Вы всё сделали, потом пришли эти и начали выкачивать заложенные в проекте инвестиции, ничего при этом не вкладывая – разве что для видимости раздавая подачки под видом благотворительности...

– Я тебе больше скажу о всей этой приватизации: если бы мы тогда не построили, что бы они сейчас воровали? Им бы воровать нечего было. А вкалывали, ни дня, ни ночи покоя не было. Что досталось нашему поколению? Война досталась – в детстве. Детства у нас вообще не

было. Учёба была в фуфайке. Благо, что стипендия была 395 рублей – на нее можно было жить. А работа была – в деревню глухую попал, ни дорог, ничего. Амнистия была – бандюги съехались. Помню, сидим мы в 1957 году – прибегают уборщица: там возле клуба голову отрубили. Приходим – и правда: лежит тело, а метрах в трех – голова, лысая такая. Один бандюга другому отрубил голову. Приехал участковый, пошли на поиски, я участковому говорю: “Ты подожди, кого-то поставь рядом, а то собаки голову утянут – нам потом будет с тобой”. Он одному: “Ты стой тут!”, – а тот: “Я боюсь...” Пришли в общежитие, где жил этот убийца. Народа набилась целая комната, и вдруг дверь открывается и входит мужик с этим окровавленным топором на плече. Все чуть стенку на улицу задницами не выдавили. А он говорит: “Я уже никого не буду, не бойтесь...”

– То есть он пришел сдаваться?

– Да, пришел сдаваться властям. А что у них произошло? Два вора, два бандита, по амнистии меня заставили взять их на работу. Я до сих пор помню – Колков фамилия его, этого бандюги – два брата их было. Они поспорили: кто из них больше вор. И поехали в воскресный день в Донецк – тут в поселке они никого не трогали. Поехали туда, состязались, и вот один проспорил другому – меньше украл за этот день. Тот взял топор и голову ему отрубил. Так это же всё пришлось пережить. А дальше? Сплошная работа, где ни дня, ни ночи покоя не было, всё время с колоссальным напряжением, под прессом. А что мы видели в жизни? Кроме работы ничего. Правда работали, создавали, чего-то достигали, и тут на безопасности что-то сделали. Я всё это веду к тому, что мы обеспечили развитие этих районов. Ведь в Шахтёрске тоже, кроме угля, ничего не было. Но в шахтах работало 400 женщин. Меня все время за это пытались наказать. А депутатом Верховного Совета СССР от Шахтёрска и Енакиево был космонавт Береговой Георгий Тимофеевич. Мы ему записали в наказ: построить в Шахтёрске швейно-трикотажную фабрику. И он добился построить фабрику на 3 тыс. работников. Привлекли шахтостроителей – построили эту фабрику. Правда, ни одна женщина с шахты не пошла туда работать. Пришлось построить еще профтехучилище для девчушек. Потом, при капитализме, всё это ликвидировали, но тогда шло активное развитие, активное строительство всего. В том же Кировске мне довелось построить профтехучилище для подготовки шахтеров. И я планировал на базе него сделать техникум и затем филиал института, чтобы иметь свои кадры. А потом этот удар перехода к рынку, к этому капитализму, развалу Союза – и, конечно, это чрезвычайно обидно видеть. А теперь докатились и до войны. Тем более что все эти бои попали в район Кировска. Вот “Коммунарская”, где по телевидению показывали, что нашли трупы, – она тоже входила в состав “Октябрьуголь”. Там чем интересна шахта – прошли диагонально-наклонный ствол, положили на него конвейер, этот ствол вышел в центр запасов, а погрузочная площадка на поверхности осталась старая. И вот показывали, где шахтеры по конвейеру едут – это все тоже довелось строить. Так что обидно, что всё, что создавалось таким непомерным трудом, теперь подвергается уничтожению.

– Даже из того, что Вы рассказали, становится ясно, что в Донбассе был построен уникальный промышленный комплекс, который создавался всем Союзом и сам себя обеспечивал.

– Что касается самодостаточности. Надо ведь было кормить народ. У нас были ОРСы. У них на откорме было 3 тыс. голов свиней. Как где проблема – в том же Кировске – 100 голов отвезли на мясокомбинат, мясо получили и проблему закрыли. Но тогда свинина в магазине стоила 1 руб. 80 коп., а нам она обходилась в 5 руб. 60 коп. А дотация за счет чего? Одну шахту закрыли – № 24, как раз рядом с “Коммунарской”, и на базе этой шахты сделали маленький заводик по производству безалкогольных напитков, т. е. “Ситро”, “Квас” и т. д. А надо сказать, что в Донбассе с водой величайшая проблема, особенно летом. И доходы от этого “Ситро” полностью покрывали убытки от свиноводства. Зачем мне как начальнику комбината было этим заниматься? Но это действительно было самодостаточное хозяйство. Но опять-таки подчеркиваю: всё это было планоно, все это было с позиций интересов государства – но не с позиций

интересов Ахметова. Вот тот же “Комсомолец Донбасса” – я хотел сказать, почему обида. Было 25 лет шахте – хоть бы чёрт, дьявол пригласил. Я бы, конечно, не поехал... А основа в проекте заложена надежная.

– А как Вы перешли на работу в Госгортехнадзор?

– В свое время зав. угольного отдела обкома партии Тарасенко Василий Константинович, умнейший, порядочнейший человек, звонит – мы тебя записали в резерв на начальника управления Донецкого округа Госгортехнадзора. Я говорю: «Ну, зачем, это ж такая должность, что там всегда можно быть виноватым». Это было в 1972 году. Происходит какая-то авария, моего предшественника снимают, и меня переводят с начальника комбината начальником округа. Но чтобы заниматься безопасностью, нужно было преодолеть большой психологический барьер. Ведь мы привыкли к тому, чтобы давать больше – то, что было добыто сверх плана, уже сгорело. Нам говорили: “Давай еще!” А тут нужно было останавливать, надо было запрещать. А в подкорке давило – как же это потом восполнить?

– То есть любое выявленное нарушение безопасности – и шахта останавливалась?

– А еще хуже не остановить – произойдет авария. И я заметил: когда в Донбассе происходили крупные катастрофы – в целом по региону происходило падение добычи тысяч на 20–30 в сутки. И потом эти потери не восстанавливались. Потому что после катастрофы более активно работали надзорные органы и более осторожно начинали работать сами производственники. Так что не простая это работа. Практически не было ни одного выходного дня: то тут авария, то там неполадка. Я проработал в Донецком округе с 1972 до 1979 года, и это была колоссальная школа. Там было много и горнорудного производства, и металлургического, и химического – контролировалась вся промышленность. А потом, как было тогда принято, снова позвали в ЦК – иди в Москву. Но тогда этот психологический переход от хозяйственника к надзорному работнику у меня уже произошел. Я семь лет проработал, походил за трупами – все кладбища в Донецкой области, к сожалению, знал. Ну а здесь и масштабы, конечно, другие, и задачи другие. А теперь после меня было уже пять председателей Ростехнадзора – не знаю, что они делают, как разваливают – надзора нет. Но главное – что же будет дальше? Ну начнет промышленность работать – а система надзора развалена. Начнутся катастрофы, начнутся аварии.

– Когда несколько лет назад мы занимались вопросами безопасности олимпийской инфраструктуры в Сочи, то были у председателя Комитета Совета Федерации по природным ресурсам Виктора Петровича Орлова, бывшего министра геологии России. Я обратил его внимание на то, что сейчас нет единого подхода к безопасности в горной сфере, на что он сказал, что все шахты сегодня в частной собственности, и мы только выставляем лицензии на тендер – после того, как объект куплен, влиять на него мы не можем.

– Ну, Андрей, не мне тебе рассказывать – а горная полиция в Германии? Там ведь частная собственность?

– Да, там инспектор может прийти на любое предприятие в любое время и, в случае выявления нарушений, закрыть его. А у нас инспектора скорее всего и на порог не пустят.

– У нас действует лозунг: “Не кошмарьте бизнес!” А бизнес кошмарит страну.

– Марат Петрович, а как Вы видите перспективы Донбасса?

– Во-первых, меня беспокоит, что во главе этих процессов, которые там сейчас происходят, стоят совершенно незнакомые люди. Тот же Захарченко. Что это за люди, что у них за спиной? И какая у них программа? Ясно что вместе с украинским правительством они жить не будут. После того что те натворили, вместе жить очень тяжело. Но как жить, какую систему выстраивать? И главный вопрос: а кто же будет собственником? Вот я недавно был на конференции в Крыму, и даже удалось посетить родную деревню, где прошло босоное детство – всё уничтожено. Выращивали табак, выращивали фрукты, выращивали овощи. Теперь гордость этой деревни – ослиная ферма. Ослов выращивают. Поэтому необходима программа и в Крыму, и в Донбассе. А что же будет после? Уголь, если они будут самостоятельными – их

уголь, конечно, никакой конкуренции не выдержит. Ну, может быть, несколько шахт смогут существовать. Но в остальном в составе России в силу горно-геологических условий дешевого угля там не будет. Никогда. Угольная промышленность Донбасса всегда была дотационной. Но Донецкая область давала 21 % союзного производства стали, тяжелое машиностроение. А сейчас вся эта инфраструктура разрушена. Кто будет восстанавливать? Об этом же нужно думать уже сегодня. У Украины духу не будет восстановить то, что натворили. А у России? И опять же, возвращаясь к кадрам, хочется спросить: а кто же там будет все это делать? Потому что Донецкая область всегда отличалась высоким уровнем руководителей. Я имею в виду и партийных, и хозяйственных. Чтобы работать с Дегтярёвым, нужно было иметь о-го-го сколько за плечами. Не один министр вышел из Донецкой области. А что будут строить? Будут продолжать капитализм строить или будут переходить к каким-то другим формам собственности? Ведь за эти годы и кадры, и психология развалились. Сейчас кадры – как украсть, как обогатиться. А у нас и мысли такой не было. Мысль была одна – вот там надо горизонт построить, там надо завод поставить, там – здание, там – вентилятор. Вот об этом у нас мысль была. Была мысль только на развитие.

– Но, видимо, сейчас на первый план выступает национально-освободительная борьба с оккупантами, с киевской хунтой?

– В своё время первый бой неолиберализму дали английские шахтёры. Маргарет Тэтчер стала первым политиком в истории послевоенной Европы, развернувшей широкое наступление на права трудящихся. В 1984–1985 годах произошла грандиозная забастовка английских шахтёров против антинародной политики западных монополий. Так вот советские шахтёры тогда безвозмездно отработали один день в фонд помощи борьбе английских трудящихся. А сегодня, когда трудящиеся Донбасса сражаются за свою свободу, где помощь наших крупнейших угольных компаний, таких как “СУЭК”, “Мечел”, “Северсталь” и других? Где солидарность трудящихся? Поэтому моё мнение предельно простое: надо сделать детальный анализ состояния экономики после того, как в ней очень активно поработали по её разрушению “агенты влияния”. Определить пути её восстановления. В Донбассе в комбинате “Артёмуголь” управляющим треста работал Гольба Владимир Никитович, так он одному начальнику шахты говорил: “В том, что шахта выполняет план, ты не виноват”. Это можно отнести и к нашим руководителям правительства. Времени прошло достаточно, чтобы экономику направить в нужное русло. Для этого необходимо, чтобы во главе крупных подразделений стояли не менеджеры, а специалисты. Надо иметь в виду, что санкции – это надолго».

Коррозия стали

*Воркутинский снег
Сединой на голову ложится,
Воркутинский снег
Он над жизнью падая кружится.
Воркутинский снег
Все дороги к дому замечает,
Воркутинский снег на висках не тает.*

Юрий Алмазов

В народном сознании Воркута прочно укоренилась как один из самых узнаваемых гулаговских брендов: Крайний Север, вечная мерзлота, полярная ночь и экстремальная угледобыча. В самом деле, когда мы в 2009 году вместе с немецкими геофизиками из Эссена возрождали подземную сейсморазведку на воркутинских шахтах, к тому времени приватизированных «Северсталью», легендарный воркутинский горняк, заведующий лабораторией горно-подготовительных работ ОАО «Воркутауголь» Лев Митрофанович Гусельников рассказывал мне, что, когда он в 1956 году приехал в Воркуту с одним из первых десантов вольнонаемных, то его учителями в шахте были два немца: один коммунист, а второй – бывший эсэсовец. Были здесь и уголовники, и власовцы, и бандеровцы, и латыши из числа лесных братьев – за свои дела надо платить.

Но все, по словам Льва Митрофановича, понимали, что выжить здесь можно только совместно. Как говорил на каком-то своем съезде главный либеральный демократ Жириновский: «Когда я был в Воркуте – там птицы не летают. Не то, что человек не может жить – птицы не летают. Им не хватает кислорода, и нету пищи».

И по тундре, по железной дороге,
Где мчится поезд Воркута – Ленинград.
По тундре, по железной дороге,
Где мчится курьерский Воркута – Ленинград.

Но все это дела давно минувших дней. Уже в 1960-е годы, когда злобный Солженицын сочинял на диссидентских дачах свои небылицы, вся страна строила в Воркуте прекрасный современный город, настоящую «жемчужину Севера», уникальную полярную цивилизацию, «столицу мира» – эту эпопею можно сравнить разве что с освоением космоса. И песни стали иными:

Ту-ту, ту-ту, поезд мой идет на Воркуту,
Далеко родимая земля,
Сколько лет не видел я тебя,
Ту-ту, ту-ту, из Москвы я еду в Воркуту,
Сердце холоднее, чем земля,
Знаю, отогреешь ты меня.

В годы войны Воркута снабжала углем блокадный Ленинград, не дав городу на Неве замёрзнуть. Несмотря на сложность угледобычи, Воркута располагает уникальным коксующимся углем, намного превосходящим по качеству уголь Кузбасса или Донбасса. Воркутин-

ские угли содержат серы всего 0,7 %, а донецкие – 3 %. Кокс из воркутинских углей получается с большей механической прочностью. Увеличение содержания серы всего на 0,1 % требует увеличения расхода кокса на 2 %. И если для выплавки одной тонны чугуна требовалось 599 килограммов кокса, выжженного из углей восточных районов СССР, то кокса из воркутинских углей требовалось всего 506 килограммов. Если в Кузбассе для добычи одной тонны коксующихся углей приходится попутно добывать две-три тонны энергетического топлива, то в Воркуте почти весь уголь пригоден для нужд чёрной металлургии.

В Воркуте находится самая глубокая в России шахта «Комсомольская» (1200 м) и самая производительная в Европе шахта «Воргашорская» (дает более 9 т угля в минуту). Поэтому если в советское время в Кузбассе шахтёры зарабатывали от 600 до 1000 руб. в месяц, то в Воркуте 600 руб. получал шофёр автобуса, а шахтеры – до 2 тыс. руб. в месяц и могли позволить себе слетать в Сочи выпить пива и вернуться назад – ведь было несколько прямых рейсов Воркута – Сочи.

Вот именно эту «бесчеловечную систему, ни во что не ставящую человеческую жизнь», ринулись уничтожить в 90-е годы поборники «рынка» и «прав человека». Из 12 воркутинских шахт семь были признаны «нерентабельными» и закрыты. Понятно, что закрытие происходило на деньги МВФ – устраняли конкурента. Но не только. Прицел уже тогда был взят на предстоящую приватизацию – ведь находящиеся на грани закрытия шахты можно скупить по дешевке, а потом, не тратясь на инвестиции, эксплуатировать по полной...

Так оно и случилось. В 2003 году ОАО «Воркутауголь» было куплено Мордашовым, владельцем металлургического холдинга «Северсталь». Собственно, ничего удивительного в этом нет: под коксующийся уголь Воркуты и строились сталелитейные мощности Череповца, причем строились всем миром и для народа – но владеет ими теперь безраздельно Мордашов. В результате, если в советское время приоритетом развития угольной промышленности были безопасность и социальная сфера, то теперь всё это было ликвидировано как убыточное. Новые владельцы «Воркутауголь» первым делом разогнали институты (например, ПечорНИИпроект) и экспедиции – сейчас в Воркуте безопасностью занимаются два человека. В шахту они, естественно, не ходят. Ликвидация аварий стала прерогативой МЧС, хотя там нет профессионалов с высшим горным образованием, одни менеджеры.

25 февраля 2016 года на шахте «Северная» на глубине 780 метров произошло два мощных взрыва. На тот момент под землей находились 111 человек. Из шахты был эвакуирован 81 горнорабочий, еще четверо обнаружены мертвыми. В горных выработках остались 26 шахтеров. Их поиски велись более трех суток, пока в ночь на 28 февраля не прогремел третий взрыв, который унес жизни еще шести человек, в том числе пятерых горноспасателей. После этого операция по спасению оставшихся под землей 26 горняков была приостановлена, а сами они были признаны погибшими. Шахту «Северная» было решено затопить.

«Вчера по ТВ я увидел главного нашего генерала Ростехнадзора Алёшина на приеме у Путина, который врал нашему президенту, сославшись на некий природный катаклизм, унесший 36 душ, – говорит Владимир Тихонов, бывший сотрудник Воркутинского отделения ВостНИИ. – Но он проговорился – он сказал, что лава ехала по пласту “Мощному”. Но пласта “Мощного” в поле шахты “Северная” отродясь не было. Там есть “Тройной” и “Четвёртый”, где-то “Пятый”. Следовательно, они полем шахты “Северная” начали отрабатывать поле залучной шахты “Юр-Шор” – это та же лава, взорвавшаяся на “Юр-Шоре”, только с другой стороны. То есть они залезли на поле старой погашенной шахты без подготовительных работ – а это самоубийство. Но сам по себе газ, датчики – это ерунда. Даже если 5–6 % – он инертен, без механических воздействий извне газ безопасен. Электрооборудование выполнено в шахте таким образом, что оно не может искрить. Всё произошло из-за горного удара, который они спровоцировали, въезжая на поле шахты “Юр-Шор” и не подготовив его. А то, что скопление метана в куполах – это было всегда, на любой шахте Воркутского месторождения. И

при нормальных условиях оно не мешало работе. А горные удары появились на соответствующих глубинах – 600–700 м. И источником всех этих бед является тяжелая кровля, внезапное обрушение и фрикционное искрение. Я работал на шахте “Комсомольская”, условия схожи, но там было глубже – и соответственно опаснее, чем на “Северной” и на “Юр-Шоре”. Но с этим успешно боролись, абсолютно успешно. И врат с экрана, что этот процесс неконтролируемый, что с горой не поспоришь – это ерунда полная. Двенадцать лет благодаря нам не было ни одной аварии с групповым исходом. А с 1992 года понеслась душа в рай. Союз рухнул. Такая структура, как горный надзор, тоже начала деньги зарабатывать. На “Комсомольской” мы делали простые вещи: помимо опережающих скважин делали гидроразрыв непосредственной кровли. Мощность песчаника была 30 м – впереди забоя, людей выгоняли из забоя. Там находился я и еще один человек, управляющий насосом 400 атмосфер – людей струей порвет сразу, если лопнет шланг. Ставили репера, контролировали усадку на подсвежении. А что касается Алёшина – он доложил, что на этот процесс мы не могли повлиять, или же его самого обманули псевдогорняки-менеджеры. Ну а Путину это понравилось. А на самом деле с горой можно бороться. Но сейчас никто не борется. Не хотят тратить время. А тут увидели – пласт “Мощный”, много угля – и без предварительных работ кинулись туда. Потому что на самой шахте “Северной” пласта “Мощного” никогда не было. Он был как охранный целик между шахтами “Юр-Шор” и “Центральная”. И виновные в этом есть. Такова правда».

Больше девяти месяцев вся страна, а в особенности Республика Коми, находилась, так сказать, в коме – все ждали ответа на вопрос: почему случился взрыв на воркутинской шахте «Северная»? И вот момент истины настал. В отношении генерального директора АО «Северсталь Менеджмент» (управляющая компания ПАО «Северсталь») Вадима Ларина возбуждено уголовное дело по части 5 статьи 291 Уголовного кодекса России («Дача взятки в особо крупном размере»), сообщило 30 ноября агентство ТАСС. Ларина обвинили в даче взятки руководителям надзорных органов в Коми и Воркуте в ходе проверок АО «Воркутауголь». Иначе говоря, те, кто должен отвечать за безопасность предприятий, за деньги скрывали нарушения этой безопасности, чтобы не мешать «Северстали» гнать добычу и делать свои миллиарды.

По версии следствия, в 2014–2016 годах руководитель Печорского управления Ростехнадзора Александр Гончаренко (в прошлом главный инженер шахты «Воргашорская», с которым мне приходилось вместе бывать в шахте. – А. В.), командир филиала «Военизированный горноспасательный отряд Печорского бассейна» Леонид Лобков и начальник Воркутинского отдела государственной инспекции труда Пётр Гильц получили от представителей «Воркутауголь» деньги за «попустительство по службе при проведении проверок». Гончаренко – не менее 810 000 рублей, Лобков – не менее 900 000 рублей, Гильц – не менее 1 млн рублей. В Сыктывкаре и Воркуте, по месту жительства фигурантов, прошли обыски. Во время визита следователей к Петру Гильцу его сын, воркутинский врач-нарколог, выпрыгнул в окно и пытался босиком в 25-градусный мороз убежать от правоохранителей. Пытаясь скрыться от силовиков, он избавлялся от улик, разбрасывая по улице наркотики. Впоследствии беглеца задержали.

«Фигурантам дела о коррупции предъявили обвинения. При первоначальных следственных действиях Александр Гончаренко признал вину в совершённом преступлении и дал признательные показания. Пётр Гильц и Леонид Лобков вину не признали», – уточняют в Следственном комитете по Республике Коми. В итоге Сыктывкарский суд на два месяца арестовал Гильца и Лобкова. Гончаренко заключили под домашний арест.

Возникает резонный вопрос: кто те самые лица, действовавшие в интересах «Воркутауголь»? Долго ломать голову не пришлось: взятки должностным лицам, по сведениям прокуратуры Коми, давали топ-менеджеры «Северстали». Следствие заявило, что бывший гендиректор АО «Воркутауголь» Вадим Шаблаков лично передал взятку Гончаренко в декабре 2015 года в Сыктывкаре, действуя по указанию гендиректора «Северстали» Ларина, который работал в «Северстали» с 2003 года. До него гендиректором «Северстали» был Алексей Мордашов,

занимавший этот пост с 1996 года. В декабре 2014 года Мордашов занял пост гендиректора АО «Северсталь Менеджмент» – управляющей компании «Северстали». В конце апреля 2015 года «Северсталь» сообщила, что Мордашов покинет пост гендиректора АО «Северсталь Менеджмент» и возглавит совет директоров «Северстали». Гендиректором АО «Северсталь Менеджмент» стал Ларин, который до этого занимал в компании должности первого заместителя и директора по производству. В настоящее время, по данным следствия, Ларин скрывается в Лондоне.

Задержание руководства учреждений, призванных контролировать работу угледобывающего предприятия, говорит об одном: нарушения под землей были. Собственники шахты закрывали этот вопрос деньгами – откаты оседали в карманах нужных людей. Вот так становятся миллиардерами. «На безопасность не обращает внимания никто, – говорит Владимир Тихонов, – ни Мордашов, “золотой мальчик”, ни комиссия из центра – присылают Дворковича, не менее “золотого мальчика”. Специалистов как таковых нет или они молчат. Почему молчат? Потому что им запрещают говорить».

В 2009 году мы проводили испытания немецкой сейсморазведочной станции Summit II Ex, в том числе на шахте «Комсомольская», о которой уже упоминалось выше как самой глубокой и самой опасной. Как сказано на сайте «Северстали», в 1958 году было воплощено в жизнь смелое инженерное решение: объединить шахтные поля действующих 17-й, 18-й и 25-й шахт в шахту № 18 «Капитальная» (впоследствии – «Комсомольская»). Строительство «Комсомольской» закончилось 30 декабря 1976 года. Сегодня шахта работает на глубинах порядка 1100 метров и является самой глубокой шахтой России. Поле «Комсомольской» расположено на западном крыле Воркутской мульды на расстоянии 11 километров от Воркуты. По оценкам специалистов, запасов угля в шахтном поле хватит до 2018 года. 25 июня 2007 года на шахте «Комсомольская» произошел взрыв метановоздушной смеси в вентиляционном штреке 622-с пласта «Мощный» в районе сопряжения его с конвейерным штреком 432-с бис. Количество погибших в результате аварии составило 10 человек, позже в реанимации скончался еще один горняк.

В шахту мы спускались с помощью немецкой «кошки» – дизельной монорельсы. Предварительно на участке разведки остановили все работы и подняли оттуда всех горняков – поскольку, как это ни парадоксально звучит, взрывать предстояло во взрывоопасной среде. С нами были генеральный конструктор немецкой сейсмостанции Йенс Швейцер, ставший весьма популярным в Воркуте за неизменную любовь к пиву «Балтика № 5» и гениальные способности отремонтировать любую электронную аппаратуру, один из крупнейших немецких маркшейдеров, по происхождению иранский князь, профессор Годрат Рафат, геофизик Фолькер Шёпе, а из наших – главный инженер шахты Андрей Коваль, старейшие воркутинские геофизики Андрей Таранда и Богдан Довгаль, а также Лев Митрофанович Гусельников, который взял с собой бригаду «смертников» – буровиков, которые бурят разгрузочные скважины непосредственно при появлении горного давления. А нужно сказать, что на глубине на «Комсомольской» это давление ощущаешь буквально кожей – как говорят шахтёры, шахта «трещит».

Когда мы добрались до участка, где предстояло закладывать взрывчатку в шпур, производить взрывы и регистрировать каналовые волны, распространяющиеся по угольному пласту, в соседнем штреке произошел обвал кровли. Установив аппаратуру и ожидая взрывников, я, Фолькер и Рафат решили посмотреть, что же там случилось. Картина была ужасной: огромный купол вывала в кровле и погребенный под грудой аргиллита и окаменевших деревьев проходческий комбайн. Как у Высоцкого:

Спустились в штрек,
и бывший зэк —
Большого риска человек —

Сказал: «Беда для нас для всех,
для всех одна:
Вот раскопаем – он опять
Начнёт три нормы выполнять,
Начнёт стране угля давать,
и нам хана».

Вдруг от группы шахтёров, устанавливавших временную деревянную крепь, отделилась фигура в одной фуфайке, с перекинутым за спину самоспасателем и направилась к нам. В тусклом свете шахтёрских ламп были заметны выбивавшиеся из-под каски светлые волосы и голубые глаза.

– Можно с вами поговорить? – спросил незнакомец.

– Na bitte! – ответили мы.

– Я немец, моя фамилия Эрнст. Родителей выслали сюда из Поволжья перед войной. У меня есть родственники в Дрездене, они звали к себе на ПМЖ – но я отказался.

– Warum denn? – Почему же Вы отказались? – перевел я ему.

– Мне 50 лет, здесь похоронены мои родители. У меня маленький ребенок, нужно кормить семью. А пенсия всего 13 тысяч. На коммуналку, Интернет, телевизор уходит больше 10 тысяч. Можно на такую пенсию прожить? Поэтому приходится работать.

Эрнст явно принимал всех нас за немцев и говорил начистоту, как за кружкой баварского пива. В самом конце разговора он как-то странно взглянул на нас и обронил:

– И запомните: в этой стране власть не у русских. Потому что иначе русские так бы не жили.

Тогда я ему не поверил. А год назад оказалось, что он был прав: власть в Коми (или, точнее, «в коме») принадлежит организованной преступной группе, руководил которой Вячеслав Гайзер – глава Республики Коми. Как он сам рассказывал: «Отец – из высланных немцев. Всю жизнь он проработал на шахте».

Но сын по стопам отца не пошел. Прямо как у Высоцкого:

Пророчество папашино не слушал Витька с корешем —
Из коридора нашего в тюремный коридор ушел.
Да он всегда был спорщиком, припрут к стене – откажется...
Прошел он коридорчиком – и кончил «стенкой», кажется.

Свой путь Гайзер начал, как и положено либералу, в 1991 году на посту заместителя управляющего Сыктывкарским филиалом банка «Менатеп» – того самого, который принадлежал Ходорковскому и на деньги которого была приватизирована нефтяная компания «Юкос». Причем «прихвачивалась» она была в результате хитрых залоговых аукционов, когда в банке «Менатеп» правительство разместило \$120 млн, которыми банк затем стал кредитовать государство – а оно не смогло расплатиться по этим кредитам и в декабре 1995 года «вынуждено» было передать «Юкос» группе «Менатеп» Ходорковского. Всё по-честному.

Ходорковского все же посадили, а Гайзер в феврале 2009 года вошел в «первую сотню» резерва управленческих кадров, находящихся под патронатом Президента Российской Федерации, который в 2010 году сделал его главой Республики Коми. Кроме того, Гайзер стал членом Высшего совета партии «Единая Россия».

3 сентября 2015 года Гайзер принял участие в официальном визите Владимира Путина в Китай, а через две недели был арестован. В отношении Гайзера и ещё 18 человек было возбуждено уголовное дело по статьям 210 (преступное сообщество) и 159 (мошенничество) УК РФ.

Утром 5 сентября 2016 года сотрудники ФСБ пришли с обысками в московский офис группы компаний Виктора Вексельберга «Ренова» на Малой Ордынке. По делу Гайзера задержали Бориса Вайнзихера – гендиректора компании «Т Плюс», входящей в холдинг «Ренова» Виктора Вексельберга, а также управляющего директора «Реновы» Евгения Ольховика. В розыск был объявлен гендиректор «Вымпелкома» (торговая марка «Билайн») Михаил Слободин.

По версии следствия, в течение 2007–2014 годов подозреваемые, действуя в интересах ЗАО «КЭС-Холдинг» (Комплексные энергетические системы, предшественник «Т Плюс»), передавали фигурантам уголовного дела «о преступном сообществе Гайзера» вознаграждение за установление максимально выгодных тарифов на тепло и электроэнергию в Коми. Общая сумма взяток достигает одного миллиарда рублей. Среди фигурантов дела так называемые финансисты-технологи Д. Москвин, А. Гольдман, В. Веселов, П. Марущак, А. Фаерштейн, Л. Либинзон, Н. Моторина, М. Хрузин и Борис Вайнзихер – один из соратников Анатолия Чубайса по РАО ЕЭС и крёстный отец реформы электроэнергетики России. В 2012 году он стал гендиректором «КЭС-Холдинга», который позднее был реформирован в энергетическую группу «Т Плюс» – крупнейшую российскую частную компанию. Компания представлена в 16 российских регионах, ее клиентами являются более 14 млн физических и более 160 тыс. юридических лиц. В период с 2003 по 2010 год «КЭС-Холдингом», позднее реорганизованным в «Т Плюс», руководил скрывающийся сейчас в Лондоне гендиректор «Вымпелкома» Михаил Слободин, входящий в состав совета директоров «Т Плюс».

Стоит отметить, что «Т Плюс» является владельцем ООО «Воркутинские ТЭЦ», оборудование которых, как потом выяснилось, находится в критическом состоянии, и под угрозой подготовка энергосистемы Воркуты к зиме. И это после страшного взрыва на шахте «Северная».

Сколько за эти годы шахт позакрывали, сколько душ погублено – не перечесать. По мнению Владимира Тихонова, необходим закон, обязывающий собственника, приобретшего горнорудное опасное предприятие, нести полную ответственность за его безопасность. Во всяком случае, пострадавшим нужно самим это дело форсировать – иначе никто не будет. Никому это не надо. В принципе можно дойти и до швейцарских судов, потому что тут нарушены права человека. Напрочь нарушены. Дело даже не в компенсациях, не сравнимых с тем, что пообещал дать Дворкович, – три копейки. Люди не должны быть мусором, мешающим нуворишам делать деньги.

1 мая 2016 года завершилась благотворительная акция по сбору средств для помощи родным и близким погибших на шахте «Северная» горняков и спасателей. Было собрано 4,6 млн рублей. По сообщению информационного агентства «Коминформ», общий объём выплат компании «Северсталь» (владельца АО «Воркутауголь») семьям погибших, а также пострадавшим горнякам составляет 153 млн рублей (примерно 2,5 млн долларов). За это же время (примерно за первую половину 2016 года) владелец «Северстали» Мордашов прибавил к своему состоянию 3 миллиарда долларов и стал самым богатым олигархом России. На костях погибших шахтёров...

Когда-то давно Николай Анциферов (1930–1964), родом из Макеевки, поэзию которого высоко оценил Жан Поль Сартр, написал стихотворение «Уголь», которое мне хочется здесь привести:

Белый-белый снег в Москве упал.
С ребятней в снежки играет вьюга.
Подкатил к подъезду самосвал
И свалил на землю чёрный уголь...
Уголь! Я припомнил о былом.

Мы с тобой знакомы по забою.
Мы к тебе врывались напролом,
Мы тебя в глубинах брали с бою.
Уголь!
В сентябре расстались мы,
Потянуло к знаниям и книжкам...
Я стою и прячусь от зимы
В кудее осеннее пальтишко.
А зима – необыкновенно зла
К телу подбирается без спроса...
Дама с собачонкой подошла:
Крашенные ногти. Папироса.
Так, не молода и не стара.
Точно королева разодела.
Морщась, провздыхала:
– В глубь двора
Вы не перебросите... вот это?
– Уголь перебросить? Отчего ж,
С давних пор, знакомая работа... —
Взял лопату – и пропала дрожь,
И рубаха вымокла от пота.
Дама курит, жалуется мне:
Дескать, пёс-малюточка простужен,
Искупать советуют в вине.
Говорят, покой собачке нужен...
Мне какое дело до собак?
Но, хозяйку чтобы не сконфузить,
Головой киваю: дескать, так.
Мол, бедняга Бобик или Тузик.
Кончена работа.
Вытер пот.
Поясницу ломит без привычки...
Мне пятёрку дама подаёт:
– Вот – на чай, на курево, на спички... —
Я не смог её подачки взять:
Уголь с брюк отряхивал фуражкой.
Дама нервно: – Сколько можно ждать? —
И под ноги бросила бумажку...
Нет, я не тянулся за рублём,
Я ушёл с закушенной губою...
Уголь, я припомнил о былом.
Мы с тобой знакомы по забою!

26 августа 2016 года у поселка Северного в Воркуте был открыт гранитный мемориал в память о погибших шахтерах и горноспасателях на шахте «Северная» АО «Воркутауголь». В центре композиции находится плита с символическими орудиями шахтерского труда: каской, кайлом и шахтерской лампой. На гранитных плитах выгравированы портреты с именами 36 погибших мужчин и надпись: «Мы перед вами в скорби головы склоняем и души ваши, и сердца живыми вспоминаем».

Уголь падения

*Любой из нас – ну чем не чародей:
Из преисподни наверх уголь мечем,
Мы топливо отнимем у чертей —
Свои котлы топить им будет нечем!
Взорвано, уложено, сколото
Чёрное надёжное золото.*

Владимир Высоцкий

Чем сильнее наступление капитала на права трудящихся, тем больше раздражают власть имущих яркие образы героев труда советской эпохи, тем отвязней становится развернутая в средствах массовой информации лживая кампания по их дискредитации. Одним из таких оклеветанных советских героев является Алексей Григорьевич Стаханов, нарубивший в ночь с 30 на 31 августа 1935 года отбойным молотком 102 тонны угля при норме на одного забойщика 7 тонн, в 14 раз превысив эту норму и установив мировой рекорд.

Старт травле героя дала статья «Человек-молоток», опубликованная 21 июня 2003 года в «Московском комсомольце» с характерным подзаголовком: «Легендарный шахтёр Стаханов взял в жены девочку...» Умелой рукой редактора желтого издания детские воспоминания дочери шахтёра Виолетты Алексеевны, перемежающиеся с высказываниями никому не известных функционеров, создают образ некоего зловещего монстра: «Всё это откровенно первый раз в жизни рассказала репортеру “МК” Виолетта Алексеевна... Наследница громкой фамилии признает, что ее отец бил зеркала в “Метрополе” и ловил там рыбок в бассейне».

Почин «комсомольцев» подхватили «газетчики». В статье «От забоя до запоя» 30 августа 2015 года «Газета. Ru» публикует летопись «взлета и падения» самого известного в СССР передовика производства: «К началу 1930-х... некоторым шахтёрам повезло получить отбойные молотки, с помощью которых они принялись устанавливать рекорды... К концу августа 1935 года парторга шахты Константина Петрова осенила идея – он решил дать Стаханову помощников, чтобы тот рубил уголь, не отвлекаясь: крепить стены шахты бревнами должны были его помощники... В 1936 году Стаханова отправили учиться во Всесоюзную промышленную академию, а вскоре он стал депутатом Верховного Совета СССР... В столице герой-забойщик подружился с сыном Сталина Василием и пустился во все тяжкие, за что его прозвали Стахановым. Однажды сотрудники НКВД, которые должны были везти Стаханова в Кремль, обнаружили его не только спящим в кресле, но и обмочившимся во сне. Увидев соль, выступившую на сапоге героя труда, один из провожающих отдал ему свои сапоги... После смерти Сталина звезда Стаханова закатилась. Не сложились у легендарного забойщика и отношения с Хрущёвым... Подходим, а Стаханов лежит там же, под забором, и у него мальчишки шарят по карманам, а один потом расстегнул штаны и стал на него мочиться. Мы отогнали их. Подняли Алексея Григорьевича и поволокли в дом...»

Из приведенных выше текстов видно, что их авторы хорошо ориентируются в физиологических отправлениях, но вряд ли когда-нибудь спускались в шахту. Об этом свидетельствуют пассажи типа «крепить стены шахты бревнами». И с чего они взяли, например, что шахтёры только и делали, что мечтали об отбойных молотках? Как раз наоборот: «Многие шахтеры отказывались на них работать, ссылаясь на шум, грохот, которые не дают возможности следить за поведением кровли. А проще говоря – обушок не подведет, а молотку нужен шланг, трубы, компрессор», – пишет Пётр Михайлович Лень, бывший помощник министра угольной промышленности СССР.

Тем более когда работают на крутом падении – то есть на угольных пластах, залегающих под углом более 30 градусов – иногда 50, иногда 90 – а бывает и опрокинутое залегание! Представьте себе такую лаву – то есть вертикальный столб угля высотой около 100 м. «Лавы разрезаны на восемь коротких уступчиков, а людей в ней полным-полно, – пишет в своей книге “Жизнь шахтёрская” (1975) сам Алексей Григорьевич Стаханов. – Один другому мешает. Молотком рубашь самое большее три часа, а нам твердят – техника решает всё. Что ж она решает, если, пока ты крепишь за собой, она бездействует... Мы решили, что я буду переходить из уступа в уступ, а два крепильщика пойдут за мной следом».

Поэтому иначе как курьёз невозможно воспринимать слова некоего историка Никиты Соколова на телеканалах «Москва Доверие» и «Москва 24» холдинга «Москва Медиа»: «Нагнали коногенов, чтобы они загодя спустились в шахту, все было заранее подготовлено, было освобождено восемь забоев для одного работника». Да ведь забой как был, так и остался одним! А уж количество коногенов точно на скорость проходки не влияет.

В ночь на 31 августа 1935 года Алексей Стаханов, пройдя все восемь уступов, установил мировой рекорд, добыв 102 тонны угля. Поскольку вырубал уголь только он, то норма добычи была превышена в 14,5 раза – это зафиксировано в соответствующих документах Наркомата тяжелой промышленности. Поэтому неправа Виолетта Алексеевна, которая в интервью украинским СМИ как бы подтверждает версию о том, что, мол, работала бригада, а всю добычу записали на ее отца: «Отцу помогли отгрести уголь двое забойщиков. И идею о разделении труда забойщика – один рубит, два за ним отгребают – отец и парторг придумали».

На самом деле, на крутом падении «отгрести» уголь не нужно – он сам падает вниз на нижний уступ. Но чтобы работать 6 часов отбойным молотком почти в полной темноте над 100-метровой пропастью – для этого нужны физическая сила, ловкость, выносливость, а также умение читать угольный пласт, чтобы вырубать его по кливажу (мелкой трещиноватости). Ну и, как в футболе, партнеров нужно расставить умело. Ведь рекорд считается на отбойный молоток – и как ни крутись, а до Стаханова никто не смог нарубить больше. Здесь, как на футбольном поле: считается только гол, а забил ты его с пенальти или с игры – никого не волнует. Кто и как тебе подыграл, вся ли команда толпой бегала, или ты в одиночку обыграл защиту противника – дело десятое. Забил Пеле тысячу голов – и это рекорд на века.

Вся страна следила за сводками с трудового фронта, и 4 сентября в «Правде» появилась небольшая заметка «Рекорд забойщика Стаханова» такого содержания: «Сталино (ныне Донецк. – А. В.). 1 сентября (кор. «Правды»). Кадиевский забойщик шахты “Центральная-Ирмино” тов. Стаханов, в ознаменование 21-й годовщины Международного юношеского дня... за шестичасовую смену дал 102 тонны угля, что составляет 10 процентов суточной добычи шахты, и заработал 200 рублей (вместо обычных 20 рублей. – А. В.)».

Нарком тяжелой промышленности и опытный политик Серго Орджоникидзе сразу понял значимость рекорда Стаханова. 18 сентября вышел его приказ, в котором говорится: «Значительно лучшее использование механизмов, более полная загрузка рабочего дня на основе правильного разделения труда дали возможность тт. Стаханову, Дюканову и другим в несколько раз превысить установленные нормы выработки и в соответствии с этим увеличить свою заработную плату. Быстрое внедрение стахановского метода на всех шахтах крутого и пологого падения открывает как перед Донбассом, так и перед остальными угольными бассейнами путь к дальнейшему резкому повышению угледобычи и одновременно к увеличению заработной платы работников».

14 ноября 1935 года в Москве состоялось первое Всесоюзное совещание стахановцев промышленности и транспорта с участием членов Политбюро во главе со Сталиным. Оно стало сенсацией международного масштаба: впервые в истории власть напрямую обращалась к простому человеку труда. Открывая совещание, Серго Орджоникидзе сказал:

– То, что было до сих пор освещено «научными нормами», учеными людьми и старыми практиками, – эти наши товарищи стахановцы опрокинули вверх ногами, выбросили как устарелое и задерживающее наше движение вперед.

Алексей Стаханов в своем выступлении рассказал о новых высоких заработках шахтёров и подчеркнул:

– На шахте нашлись люди, которые не поверили моему рекорду, моим 102 тоннам. «Это ему приписали», – говорили они. Но тут пошел парторг участка Дюканов и дал за смену 115 тонн, а за ним комсомолец Митя Концедалов – 125 тонн. Тут уж им пришлось поверить!

Как впоследствии с гордостью вспоминал Алексей Стаханов, он, вчерашний темный батрак и пастух, выступал перед руководителями народа, а они его внимательно слушали. «А ведь и они вышли из народа», – пронеслось тогда у него в голове...

В заключительном слове Иосиф Виссарионович Сталин отметил, что источник стахановского движения кроется в советском общественном строе. «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится... Если бы у нас жилось плохо, неприглядно, невесело, то никакого стахановского движения не было бы у нас».

Спустя несколько дней Стаханова, Дюканова, Петрова, Концедалова, Машурова и еще многих стахановцев Донбасса наградили орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Здесь следует отметить, что в современных СМИ нередко можно встретить спекуляции такого типа: «Звание Героя Социалистического Труда Алексей Григорьевич получил лишь через 35 лет...» Но дело в том, что в 1935 году этого звания еще не существовало. Оно было установлено Указом Президиума Верховного Совета СССР 27 декабря 1938 года, а еще год спустя первым Героем Социалистического Труда стал Иосиф Виссарионович Сталин.

10 марта 1939 года открылся XVIII съезд ВКП(б), который подвёл итоги второй пятилетки как переходного периода от капитализма к социализму и наметил курс на создание условий для перехода к коммунистическому строительству. В резолюции съезда говорилось: «Развертывание социалистического соревнования и его высшей формы – стахановского движения – привело к мощному подъему производительности труда в промышленности, которая за вторую пятилетку увеличилась на 82 процента против 63 процентов по плану».

После вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну для нужд фронта требовалось все больше стали, для выплавки которой необходим уголь. Алексей Григорьевич организует эвакуацию донецких шахтёров в Караганду, их распределение по шахтам этого бассейна, обеспечение жильём. Вскоре его назначают на должность заведующего шахтой № 31. «Редкий день я не спускался в шахту, – пишет Алексей Григорьевич. – Терпеливо изучал и контролировал работу каждого участка. Старался превращать каждый свой обход в действенный урок для шахтёров, давать зарядку стахановскому труду передовиков».

И здесь мы снова сталкиваемся с ложью либеральных СМИ. Уже цитировавшаяся выше «Газета. Ру» пишет: «К 1943 году, когда Стаханов провалил все показатели, его вызвали в Москву, где он возглавил наградной сектор Министерства угольной промышленности».

Однако в передовой статье «Социалистической Караганды» от 21 мая 1942 года читаем: «На шахте № 31 участок № 1 за 18 дней мая выполнил план добычи угля на 119 процентов. Коллектив участка крепко держит переходящее Красное знамя горкома партии». 17 июня 1942 года в заметке «Уголь сверх плана» та же газета сообщает: «Горняки шахты № 31, которой руководит Алексей Стаханов, с каждым днем увеличивают добычу угля. Навалоотбойщик 4-го участка т. Теймуратов свое производственное задание в мае выполнил на 200 процентов, а за 11 дней июня – на 218. Больше двух норм дает ежедневно т. Гурфов. На 175 процентов выполняет норму т. Омаров, полторы нормы – т. Касенов. Участок № 4, руководимый т. Бобыревым, ежедневно добывает 50–60 тонн угля сверх плана».

Одновременно Алексей Григорьевич защитил диплом в Московском горном институте, эвакуированном в Караганду, и был переведен в Москву в наркомат – в штабную команду наркома угольной промышленности. А шахте № 31 было присвоено имя «Стахановская».

Всё изменилось, когда Стаханов отказался участвовать в кампании по осуждению «культ личности» Сталина, развязанной Хрущёвым на XX съезде КПСС. «Никита Сергеевич к отцу плохо относился – может, потому, что его уважал Сталин? – вспоминает Виолетта Алексеевна. – Хрущёв вообще был невежественным человеком и порядком наломал дров в истории... Хрущёв сказал ему: “Твое место в Донбассе. Ты должен понять меня как шахтёр шахтёра”. Отец вспыхнул: “Какой ты шахтёр?!”» Кстати сказать, ту шахту в Донбассе, на которой якобы трудился Хрущёв, так и не нашли...

В 1957 году Стаханова отправили заместителем управляющего трестом «Чистяковантрацит» (ныне город Торез Донецкой Народной Республики). Семья с ним не поехала – кому же хочется из «Дома на набережной», где соседями были министр путей сообщения Бещев и Маршал Советского Союза Жуков, ехать в деревню?

Вспоминает Николай Иванович Панибратченко, директор шахты № 2—43, на которую в 1959 году был переведен Стаханов: «Такое назначение – скорее походило на высылку из Москвы... Стаханов имел мировую известность. В славе ему равных не было, может, сравнима она по высоте с первым космонавтом планеты Юрием Гагариным... Стаханов спускался в шахту, занимался вопросами производства. За помощью к нему шли как к депутату, хотя давно им не был, а он решал вопросы. Бывало, последнюю копейку отдаст. Утром спускается в шахту, идет на участки. Молодежь в восторге: Стаханов, Стаханов! Потом, смотрю, наберут водки и приглашают его в лесопосадку. Ищем на шахте, куда исчезла смена. Позвонил первому секретарю горкома Власенко. Передаю Стаханову: Власенко вызывает. Он говорит:

– Если ему надо, пусть приедет на шахту.

Власенко приехал:

– Ты чего так ведешь себя! Я тебя раскоммунистю!

А он отвечает, дословно:

– А с чего я буду к тебе ходить. Я в партию не поступал. Мне партбилет домой принесли по команде товарища Сталина.

– Верно, что Стаханов ходил с наганом?

– Точно так, он ходил с наганом. Орджоникидзе Серго ему подарил. Именная надпись выгравирована была. На шахте, в городе, все знали о нагане. Он носил его с собой, никогда не стрелял. Давал подержать... Конечно, он помогал шахте. Вагоны загрузят, а железная дорога не берет. Тогда он едет на станцию:

– Я – Стаханов, почему забраковали уголь? Я сейчас министру путей сообщения Бещеву позвоню. Я с Борис Павловичем на одной лестничной площадке живу...

– Говорят, он из бескорыстных – для людей всё, для себя ничего?

– Истинная правда. Жил один – ни жены, ни детей. В комнате кровать с металлической сеткой. На ней тонкое байковое одеяльце земельного цвета. Ни простыни, ни матраса. Вместо подушки фуфайка. Ни мебели, ни продуктов. Говорю ему:

– Что же так жилище запустил? Почему к нам не обратился? Надо, Алексей Григорьевич, поправить дело.

Вижу, смущается, бормочет:

– Хорошо, хорошо, Николай Иванович, спасибо тебе. – А сам чувствует неловкость. Мужик он совестливый был, честный. Здоровый ростом, красив лицом и телосложением, Стаханов располагал к себе простотой. Женщины липли, как осы на мед. Знакомых имел море, а близких друзей не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.